

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:
АНО

«Тюменская область сегодня»

Редактор, автор проекта
ИВАНОВ Л.К.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 1 (60)

БЕЛКИН С.В.
ЕГОРОВ С.И.
ЕФРЕМОВА Л.Г.
КОЗЛОВ С.С.
ФЕДОСЕЕНКОВ М.А.
ШЕСТАКОВ С.А.
ШИРМАНОВ И.А.
ЯРКОВ А.П.

Тюмень
2023

К 60-летию писательской организации

Валерий Пополяев Шерман

Ольга Гультьева Васильев

Ольга Нечволода

Денисов Вдовенко

Нина Свяженина Ермаков Иван

Михаил Рябий Борис Зуйков

Виктор Захарченко Шумский

Победители Филофеевского конкурса:

Николай Толстик

Александр Орлов

Геннадий Сазонов

Проза и поэзия:

Анатолий Омельчук Хождение в Каракорум

Сергей Донбай стихи

Анатолий Кондауров Куимские...

Владимир Кушнарёв – стихи

Валерий Мурзин Бой

Эльдар Ахадов стихи

Габдель Махмут Мансурик

Коробейников Ленинградский экспресс

Молодые голоса:

Елена Аушева стихи

Евгений Максимов стихи

Елена Попова стихи

Для семейного чтения:

Светлана Радаева

Ярослав Мальцев

Литературная критика и литературоведение

Александр Вычугжанин

Станислав Ломакин

А. Зырянов. Позорники журнального мира...

10-я муза:

Геннадий Басов о Гардубее

Краеведение

Татьяна Солодова Меценаты

Наши гости:

Журнал «Нёман»:

Саламаха Жить три дня

Поздняков Стихи

Советная Подкоп

Аврутин стихи

Костюченко Возраст и время

Куприянец стихи

Анашкин На звёздный зов

Литературная хроника

Коротко об авторах

К 60-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

АНАНЬЕВ (Шерман) Евгений Григорьевич

19 октября 1923 г. – 9 апреля 1992 г.

Родился в г. Ананьеве Одесской области. Детство прошло в Одессе. В 1935 году переехал с родителями в г. Свердловск. Окончил Горьковское училище зенитной артиллерии (1942). Участник Великой Отечественной войны, командир взвода, батареи, начальник разведки артполка. В боях за Варшаву был тяжело ранен и в 1944 году демобилизован.

Боевые награды: ордена Красной звезды (1944 и 1947), Отечественной войны I ст. (1985), медаль «За победу над Германией».

В 1945–1948 годах работал корреспондентом газеты «Труд», затем в газетах «Красный боец», «Красный Курган», «Тюменская правда», «Тюменский комсомолец». Экстерном окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1947). Был членом КПСС с 1947 года. С 1983 по 1987 год возглавлял Тюменское отделение Союза писателей РСФСР.

Избирался членом ревизионной комиссии Союза писателей РСФСР. По сценариям Шермана-Ананьева снято тридцать три документальных фильма о Западной Сибири.

Печатался в таких популярных изданиях, как «Литературная Россия», «Литературная газета», «Наука и религия», «Октябрь», «Сибирские огни», «Сибирские просторы», «Смена», «Урал», «Уральский следопыт».

Автор нескольких книг очерков о первооткрывателях недр Западной Сибири, о коренных народах Севера: «Хозяева тундры» (Тюмень, 1953), «Остров нефтяных робинзонов» (Свердловск, 1961), «Под стальным парусом» (Тюмень, 1963), «Цвет тундры – голубой» (Свердловск, 1973).

Член Союза журналистов СССР (1957), Союза писателей СССР (1965).

Валерий ПОВОЛЯЕВ

ШТУЧНЫЙ ТОВАР

Женя, Женька... Женечка. Евгений Григорьевич Ананьев-Шерман. Кто из московских писателей не знал этого тюменского собрата? Нет таких!

До сих пор мне памятна небольшая квартира Евгения Григорьевича в доме напротив гостиницы «Восток», хотя я был там последний раз еще в советскую пору. Квартира та под самый потолок была заставлена книгами, среди которых было много редких, очень уважаемых букинистами изданий; между полками красовались разные тюменские поделки, северные сувениры и, скажем так, предметы технического промысла – например, целая коллекция буровых долот, начиная с древнего «РХ» – долота по прозвищу «рыбий хвост» и кончая новейшими шарошечными моделями. Многокилограммовые долота, с помощью которых удалось открыть и нефть тюменскую, и газ, занимали на книжных полках самые почетные места.

Каждого гостя, пришедшего в дом с ядреного тюменского мороза, Женя обязательно вел к себе на кухню, отпихнув ногой попавшегося по

пути таракана, промышлявшего на кухне в поисках чего-нибудь съестного – не хотелось, чтобы гость споткнулся об этого замешкавшегося ротозея величиной не меньше ботинка, и усаживал на почетное место под самодельные часы-ходики.

Циферблат часов был сработан из старой закопченной алюминиевой сковородки, на которой зубилом были начерчены риски циферблата, в специально выпиленную дырку внизу высывалась цепь с тяжестью «для хода» (необязательно, чтобы это была часовая гиря, ее могла заменить даже кружка с водой, медной проволокой привязанная к двум последним звеньям цепи); время Женины часы показывали так же идеально, как и кремлевские куранты. Более точных часов в Тюменской области не было, поскольку механизм в них стоял самый наилучший, я так полагаю, японский.

Всякого гостя Женя Шерман обязательно угощал напитком собственного производства под названием «Шерман-бренди», который мог избавить человека от любой хвори, начиная от насморка и воспаления гортани, кончая плоскостопием. Какие же ингредиенты входили в «Шерман-бренди»? Из чего состоял этот напиток?

Прежде всего из чистейшего медицинского спирта, немного разбавленного крутым огуречным рассолом, добытым в магазине прямо из бочки, заправленного хреном и чесноком. Некоторое время напиток настаивался, а потом выставлялся на стол. Крепость его, по-моему, зашкаливала за сто градусов. Вы скажете, такого не бывает, а я отвечу: «Бывает! Вопреки всем законам зельеведческой науки бывает!» Это подтвердят все, кто хоть раз в жизни пробовал «Шерман-бренди».

Зато всякий больной человек, отведав этого бренди, очень быстро делался здоровым, и никакие больницы, поликлиники, лекарства и фельдшерские пункты ему уже не были нужны.

Литературное наследие после себя Евгений Ананьев оставил небольшое, гораздо большее составлял он сам лично как видная, очень колоритная фигура, представляющая среди людей писательский мир. Он был настоящим явлением... На севере не было человека, который не знал бы его, не спешил к нему с протянутой рукой, чтобы поздороваться.

А узнавали его все, в любой, даже крепко сбитой многолюдной толпе, сколько бы народа в ней ни насчитывалось, он был замечен.

Гораздо больше, чем книг, он оставил после себя телевизионных фильмов, всякое, даже малое нефтяное или газовое открытие происходило при его участии. Причем он мог находиться на «передовой линии» в самых разных ипостасях – быть и корреспондентом какой-нибудь газеты, радио, телевидения, мог иметь бумажку от Союза писателей, где предписывалось об оказании ему помощи в сборе материала для книги, но и не только – он мог оказаться в числе рабочих и в бригаде бурильщиков, и в бригаде стропальщиков либо вышкомонтажников, мог вообще натянуть на голову поварской колпак и варить для ребят супы и кашу, вместе с ними получать зарплату и вообще совсем не думать о том, что по деятельности своей он относится совсем к другому цеху – литературному, журналистскому, телевизионному. Его никогда не унижала запачканная рабочая спецовка, как, скажем, иных деятелей «высокого слова»; он знал, что происходит в Стране Тюмени изнутри. Точно так же хорошо ведал, что происходит и в писательском мире. Тоже изнутри. Это было для него очень важно – «видеть изнутри».

В разных писательских собраниях он обязательно принимал участие, мог остроумно выступить и процитировать какого-нибудь начинающего, но гордого стихотворца: «Лежу поэтом на диване я, надо мною Пушкина портрет». Или еще: «Как всякий прагматик, я не верю, что на одного Пушкина может быть две с половиной сотни равноценных пушкиноведов».

«Говорят, что всякий писатель творит в меру своего таланта... А если в меру своей бездарности?» А ведь верно, очень верно подмечено: если бездарного все-таки не очень много в человеке, то и литературные строчки получаются качественные, если же много, то увыв... Некоторых писмэнников даже плохими не назовешь – не тянут.

«История только тому и учит, что ничему не учит».

«Я не червонец, чтобы всем нравиться без разбора».

«Этот человек пишет через левую ноздрю в правое ухо, чтобы самому ничего не понять».

«Мастер миллиметровых замыслов».

«Много фамилий – мало имен».

«Самая великая движущая сила – лень».

«Литераторы ныне – как коровы: кормят их веточками, размножают пипеточками».

И так далее.

Дружили мы с ним много лет. Он мог позвонить в любое время суток, поскольку с часовыми поясами часто вообще не считался и жил вне их. Помню, когда ему исполнилось шестьдесят лет, он позвонил в три часа ночи – в Тюмени было уже шесть утра – и грохочущим голосом проговорил:

– Я себе на юбилей стих сочинил, хочешь послушать?

Глаза я еще не разлепил, но послушать юбилейный стих было бы неплохо, и я пробормотал поощряюще:

– Хочу.

– «Волосы выцвели, яйца висят, Шерману Женьке уже шестьдесят».

Он захохотал гулко, отсмеявшись, спросил:

– Ну каково?

– Хорошо, но только почему-то не очень жизнеутверждающе.

Он захохотал еще громче. Я, проснувшись окончательно, тоже захохотал.

Хорошо помню конец девяностых годов, мутные волны, в которых плавали творческие союзы, чьи штаб-квартиры располагались в Москве, унижительное горбачевское западничество. Разброд среди писателей был особенно сильным, образовывались новые союзы, объединения, ассоциации, кружки, клубы, федерации, гильдии, общества и сообщества, профессиональные блоки и т.д. Как-то мы не поленились, взяли да посчитали, сколько этих новообразований возникло среди пишущего люда. Результат заставил схватиться за голову: 23. Драки за портфели случались каждый день, всем хотелось стать начальником. В воздухе летали клочья выдранных волос и лохмотья одежды.

Портфелей не хватило, начальниками стали не все, и могучая советская литература начала потихоньку тонуть. Сейчас от нее остались, на мой взгляд, лишь небольшие островки.

Что такое война, Ананьев знал очень хорошо: он прошел Великую Отечественную, имел боевые ордена. Войну закончил майором, был артиллерийским разведчиком – есть такая военная профессия. Вначале

над драками за портфели он смеялся, а потом неожиданно загрустил, и я понял – хочет примкнуть к какому-нибудь кружку либерального толка, коллекционирующему пивные пробки и поглядывающему за забор, отдающему наш мир от мира, скажем так, не нашего.

Я спросил его в упор:

– Жень, зачем тебе нужны демократические попутчики, которым все равно где жить, в России или в Мексике, и все равно на каком митинге горланить, в Переделкино или на Брайтон-Бич?

Мой друг сделался грустным, даже знаменитая борода его, состоявшая на семьдесят процентов из проволоки и лишь на тридцать из шерсти (об этом шли споры у серьезных людей, приближенных к научному миру), обвисла обиженно, будто ее сварили в супе, вздохнул обиженно:

– Меня ныне называют русскоязычным писателем – неполноценным каким-то... Почему, за что? А ведь когда я уходил на фронт, меня считали не русскоязычным, а советским, русским.

Так из нашего разговора ничего и не получилось. Разошлись мы, недовольные друг другом. Вскоре его не стало, и мир заметно опустел, пустота в нем образовалась: такие приметные, самобытные люди, как Евгений Ананьев-Шерман, рождаются нечасто, это штучный товар. Я очень часто вспоминаю его и невольно ощущаю горечь: слишком рано он ушел...

ВАСИЛЬЕВ Анатолий Иванович

(6 декабря 1936, г. Ишим – 8 сентября 2018, г. Тюмень)

Родился и до 1951 г. жил в деревне Безруково (ныне Ершово). Окончил в 1958 году Киевское военно-медицинское училище, а в 1964 году – Омский медицинский институт. С 1964 года – служба в армии. В 1974 году окончил политологический факультет военного университета, в 1968–1987 гг. преподавал на военной кафедре Тюменского медицинского института. Кандидат медицинских наук, доцент, подполковник запаса.

Первые стихи были опубликованы им еще в студенческие годы. В 1961 году был лауреатом конкурса одного стихотворения, который проводила газета «Комсомольская правда». Печатался в журналах «Сибирские огни», «Юность», «Наш современник», «Октябрь», «Байкал», «Советский воин» и др., в газетах «Комсомольская правда», «Литературная Россия» и др., в альманахах и коллективных сборниках. Первая книга «Под одним небом» издана в 1963 году в Омске. Позднее вышли в свет поэтические сборники «Твоими тропами» (Новосибирск, 1965), «Завтра выпадет снег» (1971), «Ранний мир» (Свердловск, 1977), «Середина октября» (Москва, 1979), «Ради прошлого и будущего» (Тюмень, 1988), «Вечерние птицы» (Тюмень, 1999), «Я дальний спутник» (Тюмень, 2000) и др.

Выступал и в жанрах исторической прозы. Декабристу К. Рылееву посвящен его исторический роман «Прошу тебя, государь...» (1986). Роман «С надеждой быть России полезным...» (1994) рассказывает о поэте-декабристе В. Кюхельбекере. Эти произведения вошли в большую прозаическую книгу «С надеждой быть России полезным» (Тюмень, 2000), в которую включены также исторические очерки «Главы секретной повести», «Отодвинутая судьба», «Его земные пути». В 2007–2008 гг. вышел трехтомник избранных сочинений.

В 1988 году А.И. Васильев создал и возглавил в Тюмени отделение Российского фонда культуры. Был инициатором издания ряда журналов: «Сибирский тракт», «Казачья застава». С 1999 года – главный редактор альманаха «Врата Сибири». Лауреат областной литературной премии имени И.М. Ермакова (1987). Заслуженный работник культуры (1999). С декабря 2004 по декабрь 2006 года избирался ответственным секретарем Тюменской областной писательской организации.

Член Союза писателей СССР с 1987 года.

Ольга ГУЛЬТЯЕВА

ДОРОГИ АНАТОЛИЯ ВАСИЛЬЕВА

*Доцатый мост. Дорога на Ишим,
Над маревом плывущие увалы.
И чибисы над зарослями тала,
Взлетающие с утренних лощин.*

Этот деревянный мост через речку Карасульку Толя Васильев помогал отцу строить. Строки родились позже. Но рифмовать Анатолий

начал еще в детстве. Знал наизусть множество стихов. Прекрасная память осталась с ним на всю жизнь. Уже восьмидесятилетний поэт на встречах с читателями декламировал и свои, и чужие стихи исключительно наизусть.

В Безруковской школе Анатолий Васильев окончил семь классов и поступил в Уральский политехникум на отделение производства стали и ферросплавов в электропечах, но тяги к металлам в себе не обнаружил и через год вернулся в 9 класс школы на станции Карасульской. А в 10 класс был принят в школу № 1 города Ишима. Его произведения начала печатать районная газета, а стихотворение, отправленное на конкурс «Алый парус», проводимый газетой «Комсомольская правда», стало победителем.

В 1958 году, окончив Киевское военно-медицинское училище, Анатолий Васильев поступил в Омский медицинский институт. Учился, много писал, был литературным консультантом областной молодежной газеты «Молодой сибиряк». В 1963 году в Омске вышла первая книга поэта – «Под одним небом». Спустя два года в Новосибирске – вторая, «Твоими тропами», в 1971 году – третья, «Завтра выпадет снег», в 1977 году в Свердловске – четвёртая, «Ранний мир».

С 1968 года Анатолий Васильевич преподаёт на военной кафедре Тюменского медицинского института, занимается исследованиями в области токсикологии, публикует 31 научную работу. А параллельно изучает архивные материалы о жизни декабристов в Сибири. Эта тема интересовала его со школьных лет. В Ишиме есть улица имени Одоевского, там жил приятель Васильева. Осталась зацепка в памяти, которая со временем переросла в глубокий интерес к истории этого периода именно в привязке к сибирской земле. Он дал себе слово написать обо всех тридцати пяти декабристах, бывших в Тобольской губернии. О семнадцати написал. В 1986 году выходит повесть о Вильгельме Карловиче Кюхельбекере «С надеждою быть России полезным», позднее переименованная в «Казематы его крепостей». В 1987 году А.И. Васильева принимают в Союз писателей. Он продолжает архивные изыскания, и в 2000 году одной книгой выходят повесть о Кюхельбекере, роман о Кондратии Фёдоровиче Рылееве «Прошу тебя, государь».

Историческая проза затягивает, один за другим выходят в периодической печати очерки и рассказы о декабристах, отдельной темой выделяются материалы о знаменитом земляке Петре Павловиче Ершове. Но поэт не может перестать быть поэтом. И если прозой Васильев поднимает темы недавнего прошлого родной Сибири, то в стихах выплывает личное, близкое, пережитое.

*Вся на взводах, на вздохах-выдохах
Этой осени хмурая грусть.
Ты не делай поспешных выводов –
Я, наверное, просто злюсь.
Выхожу на дорогу зимнюю:
Кто-то предал, а кто-то устал,
Вот проснусь, а дорога в инее –
И расставлено всё по местам.*

Не по заказу, а по внутренней потребности творить рождаются строки, кутаются в метафоры чувства, сквозь слова проступают образы.

*Говорок печурки картав.
Две звезды над окном зажглись.
Я, наверное, был не прав
Всю счастливую эту жизнь.
Бренный путь уже освящен.
Надо было думать новей.
Просто время случайных жён
И потерянных сыновей.*

*Просто время слепой езды.
В голове дурман-белена.
Верхней шишечкой до звезды
Дотянулась в окне сосна.
Я, наверное, был не прав.
Падал снег, а не смрадил смог.
Говорок печурки картав.
И собака лежит у ног.*

Выходят новые сборники стихов «Середина сентября» (1989), «Вечерние птицы» (1999), «Я дальний путник» (2000), «Осеннее небо» (2002). В 90-е годы Анатолий Иванович основал газету «Казачья застава», журнал «Сибирский тракт», переименованный позднее в альманах «Врата Сибири», в 1988 году – Тюменское отделение Российского фонда культуры. В 1999 году ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». С декабря 2004 по декабрь 2006 года А.И. Васильев возглавляет Тюменскую областную писательскую организацию.

В 2011 году выходит новая большая прозаическая работа Анатолия Ивановича, результат двадцатилетнего труда – книга «Отвоёванная Россия» в трёх частях. Первая часть – «Хроника сибирского исхода». Воспоминания молодой женщины о том, как под натиском красных белые уходили из Омска на восток. Вторая часть – «Восстание». Документальное повествование о крестьянском восстании в Западной Сибири в 1921 году. Третья часть – «Вся человеческая жизнь». Это воспоминания уже пожилой женщины, которая родилась в начале века в Приморье, обо всех перипетиях, которые она пережила вместе со страной.

Часто выпадала Анатолию Ивановичу «дорога на Ишим». Он присутствовал в 2011 году на открытии в Ишиме памятника жертвам крестьянского восстания 1921 года (скульптор Г. Вострецов), проводил в 2014-м в Ишиме Всероссийское совещание молодых писателей, выступал перед читателями в библиотеках города, школах, педагогическом институте, в июне 2016 года участвовал в церемонии вручения Ершовской премии за произведения для детей, присутствовал при освящении креста на месте строительства храма во имя св. Петра Столпника в селе Ершово (бывшее Безруково). А в 2015 году был почетным гостем на мероприятии по присвоению его имени одной из библиотек города Ишима. В Ишиме же в торжественной обстановке отметил и своё 80-летие.

Последняя дорога Анатолия Ивановича Васильева лежала тоже на Ишим. Его не стало 8 сентября 2018 года. И после прощания с ним в Тюмени согласно его прижизненному распоряжению его привезли в Ишим и далее в село Ершово, где он провёл детские годы, где похоронены его родные. Отпевали Анатолия Ивановича в только что восстановленном храме Петра Столпника, который возвышается теперь на том же самом месте, где стоял первоначальный храм, построенный при попечении Петра Павловича Ершова. Вот так пересеклись судьбы поэтов.

*Не положить Россию ниц,
Меня не положить.
В моей душе её граници
Не перешить.*

*Не приводи других в пример –
Слов не переиначь.
Я старый русский офицер
И старый русский врач.*

Владимир Алексеевич НЕЧВОЛОДА

(20 февраля 1945, г. Новосибирск – 9 апреля 1984, г. Тюмень).

Родился в семье офицера-политработника. После армейских скитаний по ряду городов семья осела в Ишиме. Здесь В. Нечволода окончил школу рабочей молодежи (1962), работал киномехаником.

Позднее стал литсотрудником городской газеты «Ишимская правда». Был инструктором горкома комсомола, художественным руководителем в районном Доме культуры. Окончил курсы рулевых, возил в баржах первую тюменскую нефть с Севера в Омск.

В 1975 году окончил заочно Литературный институт имени А.М. Горького. Работал корреспондентом областного комитета по радио и телевидению, руководителем бюро пропаганды художественной литературы при областной писательской организации.

Первая книга стихов «Поющие травы» издана в 1967 году. В 1969 году, когда он работал на телевидении в Северо-Казахстанской области (г. Петропавловск), в Алма-Ате вышла вторая книга – «Новые стихи». Третью книгу стихов «Имя» (Свердловск, 1974) поэт сопроводил посвящением «Своим родителям с любовью...». В нее вошла и поэма «Плескалась речка у обрыва...». В 1983 году вышла уже седьмая книга стихов «На земле моей».

Выступал В. Нечволода и в прозаических жанрах. Им издано две публицистические книги очерков, в журналах он печатал рассказы. Посмертно в 2000 году в Тюмени издан сборник стихов «У поэзии светлы палаты». Его стихи переводились в Болгарии и Чехословакии.

Владимир Нечволода перевел на русский язык поэму «Так Молупси» хантыйского поэта Владимира Волдина.

Почетный гражданин Советского района Тюменской области.

Член Союза писателей СССР с 1982 года.

Ольга НЕЧВОЛОДА

«ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ РОССИЯ С ГОРОДОВ ТАКИХ, КАК МОЙ ИШИМ»

*Не знакомы с городом вы нашим,
Задержитесь несколько минут.
Обелиски обо всем расскажут,
Улицы героев назовут.*

*Можно спорить, чьи места красивей,
Городам завидовать большим,
Только начинается Россия
С городов таких, как мой Ишим.*

К моему глубокому сожалению, я не нашла в нашем домашнем архиве этих стихов моего мужа, поэта Владимира Нечволоды. Но как оказалось, эти строки прозвучали в песне на одном из конкурсов в исполнении ишимца Васи Финкеля.

...Когда-то, давным-давно, кажется, целую жизнь назад я без особого сожаления покинула Ишим, покинула места, где остались мое босоное детство, зачарованная есенинскими стихами юность, первая любовь, первые радости. В общем, все самое первое. Покинула в надежде найти другие, возможно, более счастливые места. Обуреваемая честолюбивыми замыслами, думала, что вряд ли вернусь когда-либо на свою малую родину, не ведая, что потом в далеком-далеке меня, как птицу, потянет к родному гнезду.

Знакомство

Мы познакомились в ночь с 31 декабря 1964 года на 1 января 1965 года в городском Доме культуры, в кабинете директора Кима Аркадьевича Осинцева. Почти нереальная, сумасшедшая ночь! А через две недели, в ночь с 13 на 14 января 1965 года, тайно «поженились», а еще через два месяца – 13 марта зарегистрировались в городском загсе. Присутствовали только работники горкома комсомола, где я работала техническим секретарем, и несколько друзей Володи из «Ишимской правды», литсотрудником которой был мой теперь уже законный муж, и его шафер и друг Володя Симагин. В свой дом по ул. Карла Маркса, 7, кв. 9, где жила дружная нечволодинская семья, мы с Володей шли из загса пешком. Всю дорогу целовались. А вечером была небольшая дружеская вечеринка. Так началась наша супружеская жизнь.

Редакция

Коллектив редакции газеты «Ишимская правда» был небольшой, но очень веселый и находчивый. Редакторствовал тогда Николай Васильевич Бортвин («Шеф») – человек строгих правил. Но относился он к своим сотрудникам с суровой нежностью. Его и побаивались, и любили. Заведующим отделом писем был Гена Слесарев («Эстонец»), потом их связывала с Нечволодой долгая и нежная дружба; Гена Калабин, Валентин Законов, Миша Шамис, Слава Штейн («Шея», «Зюзя», «Штурман»), Женя Кулишев, Аркадий Петров, Гена Рябко («Эмигрант из Киселевки»), потом пришел Коля Денисов.

Выпускали, помню, несколько своих внутригазетных юмористических газет: «Ухо», «Яма»; был даже создан «Литературно-рыцарский орден им. Павла Машканцева», куда каждый вносил свою посильную лепту каким-то экспромтным, искрометно-смехотворным сюжетиком ли, стишками ли фривольного содержания, дружеско-гротескным шаржем, да много чего было там, всего не перечислишь, но все это хранится в моем домашнем архиве, доставшемся мне в наследство от мужа. Именно отсюда, из этого коллектива, из Ишима, начинался его путь в большую литературу.

Уже тогда он начал писать свою повесть «Будем счастливыми». Было создано несколько глав и отложено после отъезда из Ишима на потом. Уже тогда у него зарождался интерес к истории края, ставшего родным. К истории города. В малом он видел большое, частичка для него не просто частичка, а неотъемлемая часть целого. Приметы пережитого сливаются с приметами родной земли, родных людей. По этой же причине так обостренно звучит и в стихах его тема родного края.

Ранние стихи поэта, и несмотря на то, что они по-детски угловаты, не имеют тени искусственности, фальши, сделанности. Он так жил, так

дышал и так думал. В те, уже такие далекие шестидесятые, многие, если не все, жили так.

В 1964 году В. Нечволода поступил в Литературный институт им. А.М. Горького на факультет поэзии, на заочное отделение. Работал, как я уже говорила, в «Ишимской правде», был также радиоорганизатором: два или три раза в неделю выходило в эфир минут на двадцать ишимское радио. В основном новости города и района, выступления руководителей различных рангов, маленькие поздравления. Это было в общем-то скучновато, тогда В. Нечволода придумал сатирическую, минут на десять, программу «Медведь».

Володя был большим непоседой, его постоянные командировки приводили меня в отчаяние. А он просто не мог иначе. Не мог без знакомств с новыми людьми, в каждом из которых он находил что-то особенное, интересное. Потом знакомства выливались в стихи, репортажи, очерки, зарисовки, песни.

Мне томительно-нежно грустилось также под песню о реке Ишим: «Обмелели в старой речке камушки, опустили плечи берега, задержался за морем Иванушка, знать, ему любовь не дорога...» Песня эта была написана в содружестве с В. Востриковым. Вообще, когда Нечволода работал в районном Доме культуры, им было написано много песенных текстов, например «Ишимский вальс», который о многом скажет внимательному читателю: об истинной Любви, внимательном и чутком взгляде вокруг и внутри себя.

Помню, пришли к нам целой гурьбой студенты Ишимского пединститута. Нужно было ехать на фестиваль туристской песни, и они попросили Володю выручить их. Две песенки, написанные В. Нечволодой, «Новичок» и «Песня ишимских туристов» («Бор таежный, реки и озера любим мы сильнее с каждым днем. / От Ишима и до Самоглора все вам бивуаки назовем»), заняли второе место на этом конкурсе. Очень песенное было время. Легко рождались слова и складывались в строки под ласковым солнцем, среди веселых и любимых людей.

У поэта свое собственное мироощущение, он все пропускает через свое сердце. Владимира уже в четырнадцать лет волновали вопросы, где была Атлантида и где ее предположительно можно искать, были гусяры или не были?

Мой любимый был большим непоседой. Он объездил, и не только по линии бюро пропаганды художественной литературы, а так, просто, в отпусках, всю Тюменскую область: от Абатского до Ямала.

Наверное, покидал он дом и для того, «чтоб сберечь мгновенья, миг, пережитый мной, твой станет он...». Немало у Володи стихов и о возвращении домой, о родных и близких. Жили мы сначала, как я уже говорила, в родительском доме мужа, по ул. К. Маркса – угол ул. Фрунзе, где в трехкомнатной квартире размещалось семь человек. Душа дома, ее негасимый тихий свет, Володина мама Антонина Игнатьевна (светлая ей память), споро и ловко вела наше нехитрое домашнее хозяйство. А надо сказать, что хотя и занимал Алексей Максимович Нечволода, как тогда говорили, ответственный пост, жила наша семья очень скромно. Мама Тоня очень вкусно готовила (таких пирогов, солений, варений, да вообще всего я, сколько живу, ни у кого не едала), а какие у нее были простыни!..

Именно мама подарила ему добрую и отзывчивую на чужую боль душу («Маме я говорю, ты не слушай разговоров худых обо мне. / Ты

сама подарила мне душу...), а другие, Богом данные качества, развивали и укрепляли его учителя.

«Монументы есть в честь мыслителей, / В честь свершений и в честь побед, / Только памятника учителю / До сих пор почему-то нет. / Попросил бы я друга-скульптора / Взять и вылепить на века / Человека с улыбкой мудрою / И со школьным мелком в руках...»

И когда мы получили первую в нашей жизни двухкомнатную квартиру, правда, совершенно неблагоустроенную, в деревянном двухэтажном доме, что по ул. Пономарева, между кондитерской фабрикой и станцией скорой помощи, счастливы были так, будто заселились в царские хоромы. Здесь было написано много стихов, наверное, лучших, так кажется на мой непросвещенный взгляд. Как многие талантливые поэты, Володя был наделен даром пророчества (напророчил мою судьбу: «...сам предскажу я, что в старости ждет: дым одиночества, вьюга забот...», судьбу младшего сына: «Мастер»; свою смерть: «На берег Конды или Ваха взойду под кедровую ветвь, и сердце взволнованно ахнет...» – он умер на Вахе); многие его стихи афористичны.

Окно в прошлое

«Нет дороги в детство, но есть стальное полотно...» Вот и подходит время мне собираться на встречу с моим прошлым. В предвкушении дороги сладостно поднывает сердце, тревожно и радостно мне. Можно было бы купить билет на скорый. Да вот почему-то каждый раз выбираю я «пятьсот веселый». Наверное, потому, что к счастью, как и к Жарптице, нужно подбираться медленно и осторожно, чтоб не спугнуть... И как только тронется поезд, сами собой, под перестук колес, начинают звучать строки:

Притушу свою грусть, / Пригублю сигарету. / Станет снова осинка в окне лепетать / Бормотаньем дождя, / Причитанием ветра, / Разве лето уходит? / Уходят лета. / Все по-прежнему будто. / Обветрены нивы, / Звезды росны и пахнут хлебами полей. / И надежды свежи, / Как рассвет над Ишимом. / И уверенность в важности завтрашних дней. / Только осенью резче весь мир обозначен / Вся мгновенность и неповторимость земли. / Не волнуют подолгу уже и удачи, / Если в небе курлычут мои журавли. / Приоткрою окно, Пригублю сигарету, / Буду долго за небом следить в тишине. / И опять прогляжу, Как в запеве рассвета / Невозвратно изменится что-то во мне.

ВДОВЕНКО Евгений Федорович

(25 декабря 1926, станица Крымская Краснодарского края – 11 июля 2002, г. Тюмень).

Родился в семье казака. Окончил три военных училища: Харьковское танковое (1944), Ростовское артиллерийское (1950) и Рязанское воздушно-десантное (1963). В 1968 году заочно окончил Литературный институт имени А.М. Горького.

Участник Великой Отечественной войны. Службу в армии начинал рядовым солдатом и завершил в марте 1973 года майором. После демобилизации переехал в Тюменскую область. Жил сначала в Тюмени, в 1986–1997 годах – в Советском районе ХМАО, с 1997-го – снова в Тюмени. Принимал участие в возрождении казачества, с 1992 года состоял атаманом Верхнекондинского казачьего округа Тюменского линейного казачьего войска.

Первые стихи опубликованы в 1949 году в окружной газете Донского военного округа; в 1960-м издана первая книга – «Юность на посту». В 1968 году в Туле вышел сборник стихов «Муза с парашютом». Там же изданы книги «Иду к тебе», «Яснополянские мелодии».

В 1995 году в Советском районе вышла в свет книга «Снег юности», в 1996-м в Ханты-Мансийске – «Летний сон осенней паутины». В 1998 году вышло двухтомное собрание сочинений «Прощай-прощай и здравствуй-здравствуй».

Печатался в альманахах «Эринтур» и «Врата Сибири», еженедельнике «Литературная Россия», коллективных сборниках, был делегатом писательских съездов. Награжден орденом Отечественной войны, боевыми и юбилейными медалями. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почетный гражданин Советского района.

Член Союза писателей СССР с 1973 года.

Николай ДЕНИСОВ

ЗЕМЛЯ И НА НЕЙ ЧЕЛОВЕК

Поэт российский, русский, может быть кем угодно по рождению, по изначальной стезе-судьбе, по профессии – свидетельством тому имена в нашей русской литературе. Поэт в обыденной жизни может быть разным: возвыситься до высокого гражданского или воинского поступка, но может и явить те черты, что в расхожем представлении «общечеловеческой» морали осуждаемы.

Я подбираюсь, ищу тропу к простым человеческим словам об ушедшем друге-поэте. Да, пройдено с ним немало совместных дорог, немало прочитано друг другу стихов за чашкой чая, за сигаретой, за дорожной кружкой-чаркой вина, перед публикой. Дружили мы и семьями, хотя люди были во многом разные, не только по возрасту, по опыту в жизни и творчестве, но и в оценках житейских ситуаций.

Познакомились с Женей мы в Тюмени в середине семидесятых. В писательской организации возник майор в лётной форме с эмблемами десантника. Поэты чаще всего сходятся легко. Через стихи. К тому же

и «единственный в мире», как мы горделиво подчеркивали, объединял нас Литературный институт.

Кто помнит Тюменщину семидесятых годов прошлого века, тот обязательно отметит дух и атмосферу романтики, молодого задора, что пронизывал наш таежный край. Притягивал он к себе и творческих людей, бывавших у нас не только на Всесоюзных днях литературы, но и в одиночку. А такие «бывания» оказывались наиболее продуктивными. Мы пробирались к нефтяникам, газовикам, геологам, «гостили» у строителей новых городов, поселков, трасс. В местах жутко комариных, суровых, вздыбленных новизной дел.

Побывав в отпуске в тюменских краях, и поэт Вдовенко «заболел» Севером, тем более что «наклеивалось» уже увольнение из армии, в запас. Службе воинской он посвятил без нескольких месяцев 30 лет. Случайно ли стал офицером? Отец, погибший в Великую Отечественную, был майором, а в армии находился с самой гражданской войны. Пойдя по стопам отца, в сорок четвертом призванный на службу Евгений Вдовенко немного не захватил последние бои в Германии: о победе он узнал в эшелоне, идущем на фронт. Потом – Харьковское танковое училище, позднее – знаменитое Рязанское воздушно-десантное.

Первый сборник поэта «Юность на посту» вышел в 1960 году. «Чисто военных» стихов в нем немного. После изначальной встречи и знакомства в Тюмени возникла у нас плотная переписка, прерываемая временами метаниями-переездами Вдовенко. С февраля 1976 года я стал работать директором бюро пропаганды нашей писательской организации, появилась возможность приглашать для выступления поэтов и прозаиков из любых городов Союза. Не просто талантливых писателей, но и умеющих «держат» публику.

Мы договорились отправиться вместе в экзотические места – в Приобье – к газовикам и лесорубам, взяв за исходную точку поселок Октябрьский. Да, мы стремились к тем местам нашей обширной Тюменщины, которые впоследствии изберет для жительства поэт Вдовенко: надолго бросит там якорь!

Возвратились мы из поездки через две недели, «опоэзив» множество коллективов трассовиков, газовиков и лесорубов, забираясь в такие буреломы, куда до нас вряд ли ступала нога стихотворца. Вдовенко завел множество знакомств, обменивался адресами. Если полистать его «Избранное», можно найти посвящения этим трассовым знакомцам. Замечу, поэт легко выдавал экспромты – емкие и пространные, не скупясь и на посвящения. Как-то даже упрекали его за сие: «Мол, всем сестрам раздаешь по серьгам?!» Отмалчивался. Или вдруг заподозрив нехороший оттенок от упрека, посягательство на свободу, мог разжечь и скандал до небес!

Прохладной осенью 79-го года, когда после Ясной Поляны он основательно приземлился в Тюмени, получил приличную квартиру, потащил я его опять в глухие места – в Уватский район. До нас там никто из профессиональных стихотворцев не бывал. Первый литературный вечер проходил в хорошо натопленном и полном публики районном Доме культуры. Я открыл вечер и сразу дал слово Вдовенко. Слушают его стихи час, слушают полтора. Аплодисменты. Ни единая душа не покидает жаркое помещение. Но я уже притомился и тоже жажду добраться до рифм. Пододвигаю Жене записку: «Пора закругляться, читаешь почти два часа!» Он кивнул. И еще с полчаса заливался соловьем!..

Нахожу в одной из книг поэта шутливо-горделивую строфу: «Я брэнной славой не раним, но рад, что – и не белая ворона – сегодня стал ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН родного мне СОВЕТСКОГО РАЙОНА!». Город этот, повторяюсь, стал надежным пристанищем для поэта, его семьи. Второй родиной стал. После кочевой военной службы с постоянными переездами: то Средняя Азия, то Забайкалье, то Кубань, то Центральная Россия. Гарнизонная жизнь с вечно временным жильем. После увольнения в запас – недолгий приют в толстовской Ясной Поляне, где «в сообществе Толстого» написан сборник стихов «Яснополянские мелодии». «Сообщество», конечно, очень ответственное.

Постепенно вошел он в Советском и в активную общественную деятельность. Организовал литобъединение для молодых, помогал готовить им первые книжки. Вел уроки военного дела в школах. Стал первым атаманом Верхне-Кондинского казачества, почетным гражданином района, заслуженным работником культуры РФ. А вначале? Приехав однажды в командировку в Советский, нашел я поэта в сторожке строительной площадки. На утлой печурке пыхтел горячий чайник. На столике толпились черновики стихов. В окне, в отдалении, вздымались штабеля бетонных блоков, железной арматуры, нераспиленных сосновых кряжей. Живая, так сказать, жизнь рядом. Но вовсе не о ней, «живой», по прихоти души, по неким законам творчества, рождались на белом листе строки: «Я люблю Божий мир на рассвете, / Непорочный и чистый, как дети, / Как открывшийся солнцу бутон. / Боже! Что с нами станет потом?! / Взгромоздясь на свою волокушу, / День придет и отмыкает душу / И подарит последний закат... / И пишу-то об этом я к ночи. / Жизнь моя все короче, короче... / Боже! Может, я в чем виноват?»

Жил на белом свете поэт. Как жил? И вот сейчас ищу я это определяющее слово жизни, творчества. И нахожу: ОТВЕТСТВЕННО! К слову, к поэзии, близким своим, родному Отечеству. Не жалуясь на трудности. И что толку жаловаться? На Руси ведь всегда было нелегко. И особенно в последние времена. И все же как-то чаще в наших стихах, в разговорах-беседах звучали высокие понятия, которых прежде не столь касались мы: Родина, Россия, Отечество. Да, обидно было нам за державу. Захваченную и порушенную негодьями. Они еще позволяли нам гордиться величием и славой Старой Руси, Великой Победой над фашизмом, последовательно и беспощадно творя свои черные дела. Государственники, патриоты по сути, убеждениям, жизненному опыту, оценивали мы не чистых небес, а из адовых смоляных штолен навалившуюся на нас эту «живую жизнь» с горькими интонациями. Известно ведь, что если мир дает трещину, то трещина эта проходит через сердце поэта.

ЕРМАКОВ Иван Михайлович

(27 января 1924, д. Михайловка Казанского района
Тюменской области – 20 июня 1974, г. Тюмень).

Родился в многодетной крестьянской семье. В 1939 году окончил в родной деревне семилетку и поехал в Омск. Там поступил учиться в творческую студию при областном драматическом театре и одновременно начал работать актером-кукловодом в Омском кукольном театре.

С началом Великой Отечественной войны поступил в Омское пехотное училище. По окончании его в марте 1943 года был направлен на фронт командиром стрелкового взвода. Воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, дважды был ранен. Награжден орденом Красной Звезды. Войну закончил в Эстонии, был переведен по службе во внутренние войска МВД Эстонии.

Демобилизовался в 1947 году. В 1951 году возвратился в родные места. Учился в Тобольской культпросветшколе, окончил ее в 1953 году. Заведовал сельским клубом, потом Домом культуры.

Известность получил как автор сибирских сказов. Первый сказ Ивана Ермакова «Соколкова бригада» был напечатан в областной газете «Тюменская правда», а потом перепечатан в журнале «Сибирские огни» (1956, № 3). Один за другим стали публиковаться сказы, которые были быстро замечены читателями («Аврорин табачок», «Сорок седьмая метка», «Ленинское бревнышко», «Ценный зверь – кирза» и др.).

Работал и в жанрах очерка, рассказа, повести, но творческий успех к нему пришел именно в жанре сказа, трудном и довольно редком, который утвердился в нашей литературе после выхода в 1939 году книги П. Бажова «Малахитовая шкатулка».

В 1961 году вышел первый сборник И. Ермакова – «Богиня в шинели», который включал в себя семь сказов. В том же году в издательстве «Советская Россия» в Москве вышел его сказ «Голубая стрекоза». В 1973 году в Средне-Уральском книжном издательстве – сборник избранных сказов «Стоит меж лесов деревенька», в который вошло 16 произведений.

Наиболее полным изданием сказов И. Ермакова стал вышедший в 1984 году в Свердловске том «Учите меня, кузнецы» (серия «Уральская библиотека»). В отличие от П. Бажова И. Ермаков весьма умеренно использовал диалектизмы, опирался на современную речь послевоенной деревни, окрашивая ее разнообразными экспрессивными приемами.

В 1998 г. на доме, где жил и работал писатель, установили мемориальную доску. Земляки учредили литературную премию имени Ивана Ермакова. На родине писателя в Казанском районе ежегодно проводится научно-практическая конференция – Ермаковские чтения. 19 июня 2018 года одной из библиотек областного центра присвоено имя тюменского писателя Ивана Ермакова. В этой же библиотеке работает экспозиция «Слово о солдате», посвященная творчеству Ивана Михайловича.

Член Союза писателей СССР с 1962 года.

Нина СВЯЖЕНИНА,

член Союза журналистов России, лауреат народной литературной премии имени Ивана Ермакова

«ЧУДНЫ СВЕТЫ»

В январе 2014 года жители Казанского района торжественно отметили 90-летие своего талантливого земляка, члена Союза писателей СССР Ивана Михайловича Ермакова.

Давно нет его с нами, а я помню его живого. Вот он выступает перед народом со сцены этого же Дома культуры. В зале – то взрывы смеха, то жадная тишина. Студенческая аудитория ловит каждое его слово. А Слово было Бог! Властвовало. Одаряло. А ермаковские интонации и паузы! Он был истинным рассказчиком. Редким. Вы не знаете? «...Спустились на крылечко и прямо под сияние угадали. Взыграло – полнеба горит. У ненцев ни в сказках, ни в песнях про красоту эту дивную ни словечка не сказано. За обыденку им. А у русских старожилков сочинилось. Дни в это время коротенькие становятся, вот иная бабушка и догадывается: «Линяет солнышко, роняет перышки... Летят в полуночи, извиваются и чудны светы с них изливаются...».

Рассказы Ермакова завораживали. Где бы ни выступал писатель: в учебных заведениях, в заводских цехах, на фермах – везде Слово его было востребовано. «На солнышко, – говорит, – я удивляюсь. Вот кто труды свои украшать умеет. Зацвети! – от каждой согретой выращенной былинки требует. – Зажгись! Зажечь светом истины и красоты людские сердца – в этом призвание писателя», – был уверен Иван Михайлович. Эту уверенность он передавал молодым писателям и поэтам нашего родного и прекрасного края – от моря Карского до казахских степей. По-отечески наставлял: «Реализм – основа. Пиши без туману. А недомолвками-загадками с пареньком на крылечке разговаривай».

Разумеется (представить только!), я возражала: у «зеленой» первокурсницы литфака были свои правила и взгляды на поэзию. А Иван Михайлович смотрел лукаво, испытующе и подводил итог «разногласиям»: железная девочка. Это было время конца 60-х – начала 70-х годов – время дискуссий и споров, еще крепкого товарищества. Без зависти, корысти, без вражды. В цене – искренность и благородство. Прекрасное время. Мы должны помнить об этом. Время созидания. Шло развитие мощного нефтегазового комплекса Тюменской области, страны – нашей державы. Время трудовых подвигов на севере и юге Тюменщины.

Для писателей – интересные творческие командировки. Из каждой писатель Ермаков привозил расцветивающий красками родной земли то очерк, то сказ-быль. «От льдов до новых льдов неумолчна Река. Она в работе, она авралит. Она вздыбила сегодня главную волну в извечно покойном течении своем. На следу, на горячем медвежьем следу растут по ее берегам города, встают нефтепромыслы, станции и подстанции, опоры мостов. Искрят напряжением линии электропередачи, пульсируют голубые и черные жилы газонепроводов, заселяют ее берега искусные мастера и неискусные пареньки... Здесь нога человека. Нога человека, ступи, добрая. Совестьливая. И разумная... Башковитую, дерзкую дюжину лауреатов подарила лишь в этом году невоспетая Обь науке, народу... Далеко, далеко от ее берегов до Москвы. Далеко, а от Кремля

смотрится. Державная нынче! Державную высит волну. Державную правит судьбу».

«Я вот хорохорюсь, – с горечью писал Иван Ермаков, – перед ребятами бренчу – нефть, газ, геолога восхваляю, а на душе кошки... Почему оно так у нас получается: отечество одаряем, а край родной щиплем? Ежели ты истинный сын страны, то живи ты, трудись не за-ради ясной пуговки на мундире!».

Сам писатель от «ясных пуговок» чинов и званий был далек. Пустыми побрякушками казались они рядом с его талантом – божественным даром Слова. Выросший в крестьянстве, совестливый, он не терпел подлости, чванства. В его груди билось сердце солдата, смелое, мужественное. Это свойство честности, бескомпромиссности, глубокой порядочности он пронес через поля сражений Великой Отечественной войны. Он был из поколения отцов. Поколения Победителей. Не все, наверное, было гладко в его земном бытии. Он часто повторял строчки «Жора-кинохроник вовсе озверел: снял меня, сторелого, а я не догорел. Успокойся, Жора! – Жоре говорю. – В завтрашней атаке обязательно сторю».

Полные бесстрашия, самопожертвования и иронии слова повторялись вслед за писателем как своеобразный символ отваги воинов, наших отцов, отстоявших в жестокой войне жизнь на родной светлой земле. Ее образ зримо встает из книг Ивана Ермакова: «...К самым деревенским огородам просторные березовые рощи подступают. Деревья по ним редкие, кудрявые... Как с благодатных островов доносят оттуда ветерки запахи земляники, цветов, натопленного солнцем горячего березового листа... Верст тридцать отсюда проедешь, начинается богатая, степная земля – Казахстан. Течет сквозь нее река Ишим... Ишим – он излучинами течет, вилюшками. Местами такую петельку завернет, что десять верст по нему проплывешь – на сто метров вперед продвинешься. Чуть не сольется руслами: в одном рыба плеснет, в другом – рыбак вздрогнет. Берега такой петельки белоногое березовое озорство заселило... В кругу гектаров восемьсот пшеницы желтеется...».

В этих, родных краях, провел писатель не один десяток лет. Здесь когда-то стоял его деревенский домик. Теперь его нет. Только одинокие, поседевшие тополя клонятся в приветствии: «Милости просим, – шепчут, – собирайтесь, единитесь в памяти Сказителю русской – сибирской земли. Пусть будет вечная ему память».

Единению, собиранию творческих сил Тюменской области много способствовали первые наши писатели К.Я. Лагунов и И.М. Ермаков. Их направляющее тактичное влияние присутствовало всегда. Были ли это областные творческие семинары и Дни литературы или Всесоюзные, молодые тюменские авторы становились их непременно участниками. Иван Михайлович щедро открывал молодым мир большой литературы. А большой литературе – тюменские имена. Он не давал затеряться и мне в деревенском житье-бытье. Приишимские просторы без горизонта, медлительный круговорот лета и зимы делали меня относительно счастливой.

Непривычной, чужой была столичная литературная суета. Иван Михайлович замечал: «Печататься надо, писателю нельзя без изданий. Рано или поздно, малыш, ты придешь к этому». Смотрю на портрет писателя Ивана Ермакова. Умудренный взгляд. А в тюменских школах, в Приишимье, на малой родине писателя, звонкие юные голоса читают ермаковские сказы. Рассказывают: «...Чудны светы... изливаются».

Борис Юрьевич ЗУЙКОВ

(1953–2014) родился 24 мая 1953 года в городе Твери в семье Юрия Дмитриевича Зуйкова и Риммы Борисовны Некрасовой.

Окончив восьмилетку, Борис стал работать грузчиком. А когда пришла пора проходить службу в армии, оказалось, что по состоянию здоровья он к ней не годен. В ту пору это известие было для него постыдным – пришлось уехать в Архангельск.

В январе 1979 года, вернувшись в Тверь, год проработал на Калининской шелко-ткацкой фабрике помощником мастера. В 1981 году Зуйков успешно прошел творческий конкурс в Уральский государственный университет на факультет журналистики, но учиться по семейным обстоятельствам не пришлось.

В этом же году он переехал в город Тюмень, работал грузчиком на заводе ДСП-250 и штатным сотрудником малотиражной газеты предприятия. Затем подался на Север. В Советском появились первые публикации рассказов и начата работа над романом «Белогорье». Завершая роман, работал егерем, охотником-промысловиком.

В 1987 году переехал в город Ханты-Мансийск. В 1993 году после опубликования в московском издательстве «Мария» романа «Белогорье» поступил на высшие курсы при Литературном институте им. А.М. Горького.

В 1994 году принят в члены Союза писателей России.

Ушел из жизни 13 июля 2014 года. Похоронен в городе Твери.

Михаил РЯБИЙ

О «БЕЛОГОРЬЕ» БОРИСА ЗУЙКОВА

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне настоящий день, дай мне всецело предаться воле Твоей святой. На всякий час сего во всем наставь и поддержи меня. Какие бы я ни получал известия в течение дня, научи принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя! Во всех моих делах и словах руководи моими мыслями и чувствами! Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой! Научи меня правильно и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не огорчая, никого не смущая! Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение его! Руководи моей волей и научи меня молиться, надеяться, верить, любить, терпеть и прощать. Аминь.

Молитва оптинских старцев

Человек, который поистине любит чтение, обязательно не пройдет мимо палатки, где можно приобрести всякие подержанные книги. Они не выделяются твердыми переплетами с золотым тиснением – вид у них самый что ни на есть скромный...

Именно там, пожалуй, можно обнаружить роман Бориса Зуйкова «Белогорье». Часть его рассказов рассыпана в журнале «Наш современник», аль-

манахе югорских писателей «Эринтур», в газетах «Литературная Россия» и «Литературная Югра» рубежа 1990-х–2000-х.

С автором я познакомился в Ханты-Мансийске на излете XX столетия. Помню, выступал с каким-то докладом в Доме писателей, и после ко мне подошел не молодой, не старый человек и представился: «Борис!» Мы познакомились и, как это водится в писательской среде, закрепили нашу встречу беседой у камина. Потрескивали щепки в огне, мы уже сделали не один глоток из рюмок – и Борис Юрьевич начал неторопливый рассказ о себе.

С образованием поначалу у Бориса не заладилось, как с работой и здоровьем, поэтому окончил он только восемь классов, устроился грузчиком, к службе в армии оказался не годен. Это было для него настолько постыдным, что пришлось уехать в Архангельск.

На Севере – с 1980 года. Работал в Тугринском лесничестве. В ту пору он уже писал стихи и знал много наизусть из отечественной поэтической классики.

Робея, отправил свои вирши в районную газету «Путь Октября» – и от туда пришло письмо – с ним хотели познакомиться поближе, и после общения посоветовали поступать в Уральский государственный университет на факультет журналистики. Уже в следующем году он успешно прошел творческий конкурс, но учиться по семейным обстоятельствам не довелось.

Снова переезд, на этот раз из поселка Коммунистического в Тюмень: опять работал грузчиком на заводе, пока не разглядели талант, предложив место сотрудника в малотиражке. И снова не сиделось на месте: 1982-й – Самза, а затем поселок Советский. Казалось, здесь осел надолго в качестве работника лесокombината и внештатного сотрудника газеты «Путь Октября».

Именно с той поры занятия литературой стали поглощать все свободное время: появились публикации рассказов и начата работа над романом «Белогорье», а закончена она была в деревне с певучим названием – Заречное Октябрьского района, куда Борис Юрьевич переехал в 1983 году. Завершал роман уже егерем, а затем охотником-промысловиком.

В 1987 году переехал в Ханты-Мансийск: трудился на авиационной лесоохранной базе, потом – слесарем. Словом, куда только судьба не бросала!

Вместе с писателем Еремеем Айпиным ездил на реку Аган за экспонатами для парка-музея «Торум-Маа» в столице округа. В 1990 году стал участником первого съезда коренных малочисленных народов Севера. В это время возглавлял Ханты-Мансийское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Проанализировав работу отделения, на конференции 1992 года объявил о самороспуске организации и приступил к подготовке документов по организации общества, которое бы занималось сохранением археологических памятников.

В 1993 году после выхода в московском издательстве «Мария» романа «Белогорье» поступил на высшие курсы при Литературном институте имени А.М. Горького.

В 1994 году принят в члены Союза писателей России.

По возвращении стал главным специалистом центра «Наследие», который занимался охраной историко-культурных памятников Югры.

С 1996 года входит в состав редакционного совета альманаха писателей Югры «Эринтур», помогал ответственному секретарю писательской организации Югры Николаю Коняеву в качестве литературного консультанта.

Когда мы с ним встретились, редактировал газету «Литературная Югра» и продолжал работу над второй частью трилогии «Белогорье» – «Дух золотого камня».

О чем тогда попросил меня Борис? Внимательно прочесть первую часть его будущей трилогии «Белогорье» и поделиться впечатлениями человека, не чуждого художественной словесности.

Роман я внимательно перечел, хотя подходил он в большей степени под рамки жанра малой прозы – повести. Потом-то я догадался, почему Борис упорно называл свое детище «романом». Оно было задумано как широкая картина провинциальной жизни северной глубинки 1980-х годов. Профессионал высокого класса Владимир Николаевич Крупин, сам из семьи лесничего, человек православный и принципиальный, хорошо прошелся по этому произведению своим пером, как хирургическим ланцетом. И хотя «несшитость» некоторых мест едва бросалась в глаза, чувствовалось, что некоторые персонажи, как и сам герой, частично утратили свою конкретность. Зато книга получила жизнь!

Знакомясь с «Белогорьем», у меня было радостное чувство открытия нового автора с большим творческим потенциалом, он хорошо знал, о чем писал, и в этом было достоинство прозы. Правда, после окончания чтения я почувствовал тяжесть на душе, поскольку счастливого финала ожидать не приходилось...

Сам Зуйков был прозаик негромкий, критики его вовсе не поминали: так и осталось его творчество без того внимания, что сопровождало каждую новую серьезную вещь многих других северных авторов...

Готовя литературно-критическую статью по адресу «Белогорья», я вспомнил слова Виссариона Белинского: «Шум, конечно, не всегда одно и то же славою, но без шума нет славы». Мне искренне хотелось «шума» вокруг несостоявшегося романа, поскольку в реальной жизни на Севере я встречал персонажи из книги, которые продолжали существовать уже вне контекста породившей их художественной действительности.

А герой? В нем было так много общего с автором, что стоило с этим образом познакомиться поближе.

В начале повествования перед нами Игорь Крутов – парень, у которого «обида в душе росток пустила». После нескольких лет изоляции от общества государство ему доверило не охрану, а уничтожение своих богатств.

– Слушай, а куда все это увозят? – показал Игорь на огромное пространство, заполненное отходами с нижнего склада.

– Увозят?.. – засмеялась Оксана. – Зима придет – обольют солярой и подожгут. Зарево на целый месяц. Мы раньше к таким горящим складам играть бегали. На улице мороз, а возле них – как летом.

– Столько добра... – проговорил Игорь.

– Да ты как с Луны свалился!

Не мог главный герой смириться с появившимся в стране «злым духом» всеобщего разорения. Но начал он не с переделки общества, в которое вернулся из «мест не столь отдаленных»: ведь по большому счету можно сколько угодно болтать о том, что «мы обурели! И не понимаем, что не облагородили эту землю, а обкрадываем ее и пропиваем».

Дело-то ведь не в «разговорах» персонажей, подобных такому, как Эдик Говоров: говорящая фамилия, имя, преуменьшенное от полного – Эдуард – сами за себя говорят. Нет у положительного героя союзников, и никто не собирается ему помогать. Окружение тоже не радует: критиканы, скептики, рвачи, романтически настроенные, не имеющие жизненного опыта, юнцы, ответственные товарищи с портфелями...

Получается, первый шаг к спасению природы должен сделать бывший зэк Игорь Крутов. Северный поэт Петр Суханов как-то заметил по этому

поводу, говоря о Руси: «Каждый, кто любил ее – сидел!..» Игорь не только любит и желает процветания родине – он пытается отыскать тропу к духовному столпу той истины, с помощью которого она – Россия! – еще не рухнула – не развалилась.

Приход главного героя к православию означает для него быть максимально полезным своей Отчизне. Выбор пути очищает и героя, принявшего заряд из ружья на себя, но не допустившего повторного смертоубийства! Путь к истине только через страдание, через распятие на кресте своей совести, через осмысление духовных традиций многострадальной Руси. Крутов потому-то и Крутов, что нашел в себе силы преодолеть эту крутизну, смирить свою гордыню, и пусть, возможно, кому-то он показался слабаком, но для него непотворение злу – совсем не слабость. Это сила, высота духа! К чему ведут распри, нам показывает писатель через видение главного героя.

«Молодая Русь лежит, пробитая стрелой распрей с драгоценным крестом, который нам еще предстоит поднять. Чем раньше мы это сделаем, тем быстрее умрет старуха-атеистка. Я был на том свете, – страшным голосом прошептал Игорь. – Меня старец водил по небесной Руси. Он переворачивал страницы в книге истории, и я видел все... Потом меня смущал сатана, тянулся к моей душе, предлагал богатство и славу, если забуду все и буду молчать. Сатана завладел многими душами и хочет завладеть всеми. Он сказал: «К двухтысячному году вы будете мои». А я вспомнил слова из Писания, которые читал старец, и удивлялся: как же искусен сатана, как силен в борьбе за наши души...

– То, что ты говоришь мне, – погладила Татьяна по руке Игоря, – написано в Библии.

– Но ты не знаешь главного! – воскликнул Игорь и закашлялся. Лицо его искажилось.

– В служанках у сатаны ходит старуха-нигилистка. Через нее толпа теряет свои души, – Игорь опять закашлялся.

– Что еще узнал? – серьезно спросила женщина.

– Я увидел, что природа есть маленькая подсказка человеку в том, что Космос бесконечен. Но мы не верим в то, что есть душа, и этим обрекаем себя на смерть. Мы не верим в Беспредельность и потому смертны».

Крутов сумел преодолеть себя, подставить под удар еще одну щеку, значит, началось духовное возрождение общества, пускай пока с одного его члена, но настало все-таки! Ведь Христос тоже поначалу был один! Вспомним один из его заветов: «А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Евангелие от Матфея, 5, 39 – 5, 42).

Быть или не быть России? – так прямо ставит вопрос Борис Зуйков – и сам же на него отвечает: быть! Ибо «мы теперь не одни. С нами Бог».

Повесть «Белогорье» по внешнему виду мрачновата, ощущение, что ты забрел в таежные дебри и плутаешь вдали от родного дома – урманы, урманы... Но если идти вперед целенаправленно, то и беспросветность кончается. Хотя лично мне было жутковато, когда я встречался с некоторыми очеловеченными образами деревьев: «большие, в обхват, сосны, зачем-то затесанные с одного бока, будто убегали ввысь, спасаясь от топора и человеческих рук».

Солнце – теплая радость нашей жизни – в такой чашобе – редкий гость. А ведь в старославянской символике солнце всегда олицетворяло счастли-

вое обновление природы, наступление материнства, ощущение жизненного достатка, спокойной уверенности в завтрашнем дне.

И все же «Белогорье» – вещь солнцелюбивая. Образ солнца предстает в начале романа. Когда герой впервые погружается в воспоминания о своей юности пятилетней давности, о той поре взросления, когда он собирался в армию, то есть предполагал пройти все этапы взросления большинства молодых людей нашей страны, отдавая ей свой первоочередной и, думается, почетный долг. После службы была заветная мечта стать егерем, как и отец. Однако человек предполагает, а Бог располагает: вместо армии Игорь попадает за решетку: он обвинен в убийстве, пусть и неосторожном...

Грустит тайга, словно предчувствуя свое расставание с одним из своих воспитанников, кому она готова щедро передать свои тайны. А может быть, наступила такая пора, когда природа готовится к своему мнимому зимнему умиранию, которое неоднократно упоминается в фольклоре многих народов мира? «Лучи солнца, еще теплые, чуть блеснут в пожухлых листьях и остынут в малильнике».

Игорь только прикоснулся к таинству природы: ручей с чистой и холодной водой не навеивает никаких других желаний, кроме отдыха на пожухлой траве, лежа на ней, так легко мысленно выстраивать собственную жизнь, надеяться на благополучное исполнение всего задуманного... Характерно, что жизнь, внося определенные коррективы в судьбу Игоря, раскрывает ему глаза и на то, как отблагодарили люди мать природу. «Старая, заросшая березняком дорога подвела к обрыву над речкой с упавшими вниз деревьями. Некоторые лесины еще сопротивлялись, цепляясь оголенными корнями за откос, другие уже лежали, беспорядочно навалившись друг на друга».

Таким образом, автор, возможно, сам того не сознавая, с первой страницы связывает судьбу природы с участью человечества.

Когда повествование завершается, мысленно подразумевается вопрос: а появятся ли у нас в стране когда-нибудь настоящие оберегатели тайги? Неблагодарных потребителей пруд пруди, как и всякого рода законников развелось по делу и без дела!

Нельзя удержаться в этой связи от характеристики персонажа – образцового советского труженика, орденосца и прочая... Фамилия у него тоже говорящая – от звукоподражания «хрю-хрю»: бригадир Хрунько. Сколько еще можно встретить по свету таких неблагодарных, корыстолюбивых, свиноподобных людей!

Читать прозу Бориса Зуйкова нелегко – это не просто нравственно-мучительный процесс – это своего рода участие в приношении жертвы. Ради чего? Хочется надеяться, во имя нашего не сумрачного будущего...

Помню, перелистнув последнюю страницу, мне вспомнились чеховские три сестры.

«О боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса, сколько нас было. Но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать...»

Сергей Борисович ШУМСКИЙ

(10 февраля 1934, д. Струково Тасеевского района Красноярского края
– 24 мая 2008, г. Тюмень).

Родился в крестьянской семье. В 1958 году окончил музыкальное училище в Красноярске. В 1963 году – Литературный институт имени А.М. Горького. Три года был редактором на телевидении в Кемерово. В 1967 году переехал в Тюмень. Работал редактором Тюменского отделения Средне-Уральского книжного издательства, корреспондентом пресс-центра Главтюменьнефтегазстроя. В 1987–2003 гг. избирался председателем Тюменского отделения Союза писателей России.

В 1960 году по рекомендации В. Розова, семинар которого посещал Сергей Шумский, в Москве была подготовлена пьеса «Свои дороги».

Печатался в журнале «Наш современник», еженедельнике «Литературная Россия».

Первая книга «Соболихинский баянист» была издана в Свердловске в 1973 году. Затем последовали сборники «Качели», «Посреди белой ночи» и другие.

В 1993 году вышел сборник иронической прозы «Я есть (Письма из мусорной корзины)». В книгу «Пастуший стан» (Шадринск, 1998) Сергей Шумский включил отмеченную премией журнала «Молодая гвардия» повесть «Красавец и Байкал», автобиографическое повествование «Мои шесть братьев», написанную еще в семидесятые годы пьесу «Судили знахарку», рассказы, очерки и публицистические выступления разных лет. В последние годы выступал в периодической печати с короткими лирическими рассказами. Особое место в творчестве занимают воспоминания о встречах и переписке с писателем В. Астафьевым и драматургом В. Розовым.

Член Союза писателей СССР с 1979 года.

Виктор ЗАХАРЧЕНКО

Сергей Борисович Шумский несколько лет руководил писательской организацией Тюмени и был известен больше как общественный деятель, чем писатель, хотя таковым, естественно, был, потому что возглавлять подобную организацию, будучи просто управленцем или, как сейчас говорят, менеджером, не представлялось тогда возможным. Каким он был руководителем – сейчас не о том речь, но думается, даже многие его заклятые противники на фоне последовавшего затем на долгое время коматозного состояния организации вспоминают годы те с ностальгией.

Будучи освобожденным от своей хлопотливой должности, Сергей Борисович занялся подведением итогов: собрал труды свои и решил издать трехтомник. Но вмешались непредвиденные обстоятельства: он внезапно умер и кончиной своей удивил многих, если не сказать всех, знавших его. Это, хотя все мы под Богом ходим, поначалу казалось чем-то неправдоподобным, немислимым.

Сергей Борисович старательно поддерживал имидж человека редкого здоровья. Хотя память выхватывает сейчас, после его смерти, обратное: однажды, незадолго до кончины, он зашел ко мне в кабинет, прижал руку к груди и поморщился. «С чего бы это? – мелькнула мысль и тут

же потухла: – Болеет? Да не может этого быть!». Сейчас понимаешь: не все было хорошо в королевстве Датском, но тогда и намек на какое-либо его недомогание казался нелепым. Обратись он вовремя к врачам, возможно, здравствовал бы по сию пору. Но главной опорой в жизни для Сергея Борисовича была народная медицина. Он много и настойчиво собирал материалы о здоровом питании, траволечении, пропагандировал их, делал сборы, охотно делился ими с окружающими. Недаром одной из последних творческих задач писателя было желание издать записки о здоровом образе жизни.

С этой, как мне кажется, целью и замышлялся им трехтомник избранных произведений. Но книга «С. Шумский. Избранное», вышедшая вместо трехтомника в 2010 году в издательстве «Вектор Бук», сформирована исключительно на базе двух предыдущих книг прозаика – «Пастуший стан» (1998) и «На утренней заре» (2001). Смысл подобного «Избранного» малопонятен, так как оба издания – и «Пастуший стан», и «На утренней заре» – выпущены на достаточно серьезном уровне и достаточным тиражом. Единственным из того, что не было опубликовано ранее, в посмертное издание вошли воспоминания о встречах с В.П. Астафьевым («Радость встреч»).

Само его обращение к писательству есть факт авантюрный и мистический. Была у Шумского еще с детства мечта – стать музыкантом. Родился он с врожденной катарактой, с детства видел очень плохо, пока не сделал две операции. Музыка была для него окном в мир. В 1956 году, в двадцатидвухлетнем возрасте, Сергей Шумский окончил десятилетку и поступил в Красноярское музыкальное училище по классу баяна. Прочился два года. И вот, когда, казалось бы, мечта, к которой шел столько лет, осуществляется, он едет в Москву поступать в Литературный институт. Что толкнуло его на этот шаг?

Наверное, случай. Первые студенческие каникулы Сергей Шумский провел на строительстве Красноярской ГЭС: хотелось подзаработать, да и не привык сидеть сложа руки. Осенью как-то сама собой под впечатлением от будней громадной стройки написалась пьеса «Свои дороги». Вот с нею-то и поехал молодой музыкант в Москву. Поехал после того, как она была одобрена на краевом семинаре молодых литераторов, но не особенно веря в удачу, даже приобретенный к тому времени баян взял с собой, чтобы, не теряя времени, продолжать разучивать заданный на лето «Славянский танец» Дворжака.

Надо сказать, что первый опыт писателя – пьеса «Свои дороги» – был настолько серьезен, что руководитель творческого семинара, известный драматург Виктор Розов, рекомендовал ее студии Московского центрального детского театра для постановки. Для паренька из далекого Красноярска это было как воспарение. Первое же написанное тобой драматическое произведение ставят в Москве! Но сколь мистично появление «Своих дорог», столь же необъясним отказ Шумского от драматургии: следующая пьеса «Судили знахарку» появится только в Тюмени.

Казалось бы, ну возникли трудности с постановкой этого спектакля, пиши следующую пьесу, недаром говорят: первый блин комом. Но Сергей Шумский отходит от драматургии и обращается к прозе. Делает он это интуитивно, продолжая искать в литературе «свои дороги». Первый вариант вышедшей в 1973 году повести «Соболихинский баянист» был написан автором именно в годы учебы в Литературном институте. От-

чего же она появилась в печати только через десять лет после окончания Сергеем Шумским этого учебного заведения?

Литературный институт как заведение, где писатели постигают азы мастерства, – задумка, казалось бы, неплохая. В нем, кроме того что творчески одаренные люди получают знания о литературе и культуре, они проходят школу письма – весьма основательную. Точно так же учатся художники в академиях. Но в отличие от академий Литературный институт не столь явно оказывает влияние на формирование таланта своих выпускников. Более того, основную часть их он попросту «глушит», как браконьер динамитом рыбу на реке. Многие после окончания учебы навсегда излечиваются от желания творить и обращаются, просветленные, к земным делам.

Окончив Литературный институт в начале шестидесятых, к писательству Сергей Шумский возвращается в начале семидесятых. Именно в это время выходит его повесть «Соболихинский баянист». Повесть эта получилась настолько удачной, что имела несколько переизданий: в книге «В эпоху жаворонков: Молодая проза Свердловска и Тюмени», отдельной книжечкой в Средне-Уральском книжном издательстве, в авторском сборнике прозы «Качели», в трехтомнике тюменских писателей, появившемся к пятидесятилетию области.

Произведение это отличают краткость и емкость. Несколькими штрихами, фразами, действием создаются характеры героев. Сказывается драматургическая выучка автора. Очень короткий отрезок жизни главного героя – Васьки, попавшего после детского дома на работу в колхоз, наполнен драматическими коллизиями, где юноша сталкивается и со злом, и с добром. Его соседями по общежитию становятся бывший заключенный Генка Глушков и человек с непонятным прошлым Спартак Тропинин. Оба не в восторге от колхозного труда, пьянствуют и в конце концов сбегают, прихватив Васькин баян. Ничего хорошего от этих двух соседей юноша не видит: насмешки, обидные прозвища, а то и просто тумачи, но прошедший школу детдома, он стойко переносит их пренебрежительное отношение, умеет постоять за себя. Васька и в столь юном возрасте самодостаточен и внутренне устойчив. В нем, несмотря на все невзгоды, присутствуют нравственная сила и вера в торжество добра.

Книга «Качели» выходит в издательстве «Современник» в 1978 году. До этого события молодой прозаик регулярно печатался с очерками в областных и центральных газетах и журналах. Для того чтобы получить материал для работы, приходилось подолгу бывать в командировках: на трубопроводных трассах, в вагон-городках, на буровых, в леспромхозах, в чумах у оленеводов, в рыбацких бригадах. Результатом этих поездок стала вторая книга – «Посреди белой ночи», вышедшая в свет в издательстве «Современник» в 1986 году. В нее вошли многие документальные очерки, в том числе о знаменитом в то время строителе компрессорных станций Нежданове, о проблемах озера Андреевского. Большая часть этих очерков была напечатана в книге «Пастуший стан», а оттуда перекочевала в «Избранное».

Обращение Сергея Борисовича к очерку неслучайно. Во-первых, какое-то время это было связано с его непосредственной работой: он был редактором газеты «Авиатор Тюмени». Во-вторых, очерк как жанр был в те годы самым востребованным писательским продуктом, потому что благодаря своей оперативности и идеологической наполняемости он имел непосредственный выход на периодику (газеты и журналы).

В начале девяностых в журнале «Молодая гвардия» печатается повесть Шумского «Красавец и Байкал», и автор становится лауреатом премии журнала за 1990 год. Повесть эта – очередной успех писателя. В ней мы попадаем в уходящий в небытие, дышащий жизнью плотский мир человека и лошади.

Безнадежно стареющая, цепляющаяся за любую соломинку деревня предстает перед нашим взором колхозным конюхом Прокопием Емельяновичем, его помощником Андрюхой, внуком Колькой, но главная тема вынесена в заглавие – это соперничество купленного за большие деньги племенного жеребца Красавца и представителя местной, чудом сохранившейся породы – Байкала. Преклонение перед лошадиной красотой мощно наполняет повесть атмосферой чувственности, делая ее сочной, праздничной, недаром Прокопий Емельянович говорит: «А человек только тогда человек, когда во всем живом находит радость».

Время создания повести «Патока» датируется 1987-м, хотя на печатные страницы она попадает в 1998-м в книге «Пастуший стан». Повесть эта осталась за пределами «Избранного», хотя и имеет ряд несомненных достоинств. В центре ее повествования – гиблые люди, жители спивающейся вымирающей деревни Запольки. Писатель сумел с удивительной пронзительностью показать жизнь, лишённую будущего. Патока – это сладкая жидкость, которую привозят на фермы для откорма животных. Население окрестных деревень в открытую ворует ее, но уже для своих целей: настаивает на ней бражку. Писатель сумел и в этих падших созданиях разглядеть высокие начала. Неслучайно и название повести: именно в сладкой жизни видит Сергей Борисович причины всех наших бед. И неизвестно, где она страшнее: или в городах, отягченных вещами, изнывающих от переедания, или в спивающихся, но еще не утративших связи с природой деревнях.

В книге «Пастуший стан» увидели свет и две последние пьесы писателя: «Судили знахарку» и «Ночные голоса». Пьеса «Судили знахарку» создавалась по следам реальных событий, разворачивавшихся в 70-е годы вокруг знаменитой травницы из Борового Ирины Федоровны Спиридоновой. Хотя комедия эта не увидела сцены, о качестве оной можно судить по тому, что драматург Розов, ознакомившись с ней, предлагал ее театру Олега Ефремова для постановки. Без сомнения можно сказать, что пьеса эта имеет как краеведческую, так и эстетическую ценность.

Главная героиня комедии (так горестно обозначил жанр своего произведения Сергей Шумский) – травница Прохорова Ульяна Васильевна, чьи сборы спасли от смерти сотни безнадежно больных. Уникальные знания свои она почерпнула из старинных книг и опыта траволечения. Но официальная медицина видит в ней колдунью и шарлатанку, вершит над ней суд, надо сказать, вполне гуманный, так как не отправляет ее за решетку, а всего-навсего запрещает лечить людей.

С удивительной достоверностью в комедии показан советский чиновный человек – ученый-ботаник Паштецкий, которому поручено разгромить невежественную знахарку. Если приказано свыше, он готов уничтожить даже единственного человека, способного ему помочь. В конце своей разоблачительной речи он неожиданно обращается к подсудимой:

– Скажите... назовите место, где вы собирали болиголов, в наших краях, кстати, его почти нет, и как вы его применяли?

– Ты... умрешь. Ты знаешь, что он тебя может спасти, но ты умрешь, – говорит Ульяна Васильевна эксперту, понимая, чем он болен. – Ты знаешь... Судишь меня. И себя ты судишь на смерть.

Небольшие книжечки «Люди и окна» и «Я есть: Записки из мусорной корзины», увидевшие свет в 1993 году, можно отнести к экспериментальной прозе. Писатель в них пытается найти объединительное начало для многих своих зарисовок, философских размышлений, коротких историй-анекдотов. Именно в это время у него появляется интерес к небольшим рассказам-бывальщинам. В окончательном варианте они будут напечатаны в книге «На утренней заре».

«Пастуший стан» (1998) и «На утренней заре» (2001) – книги, где наиболее полно представлено прозаическое наследие Сергея Шумского. В первую из них входит и автобиографическая повесть «Мои шесть братьев» – явление для позднего Шумского знаковое. Именно в повестях реализованы лучшие качества его пера: умение показать в динамике внутренний мир героя, точность детали, емкость и краткость языка. Естественность, простота, натуральность – вот те киты, на которых покоятся повести Шумского.

ПОБЕДИТЕЛИ ФИЛОФЕЕВСКОГО КОНКУРСА

Священник Николай ТОЛСТИКОВ

УБОГИЕ

рассказ

От Вальки хулиганы отхлынули так же разом и скопом, как и налетели. Харкая кровью, Сатюков долго еще корячился на четвереньках под кустами; у него хватило силенок выползти на смежную со сквером глухую улочку. Здесь и споткнулся кто-то о парня, лежавшего в растяжку поперек тропинки.

– Юнец, а напился в стельку. Молодежь!

– погоди, не бухти понапрасну! Ишь как его извозили!

Вальку подняли и усадили на задницу два мужика, в темноте не разглядеть – чьи, да и голоса их до Валькиного слуха доносились, будто сквозь вату – по ушам, что ли, так те гады-обидчики повешали. Сатюков не дергался, когда его повели под руки куда-то: главное – свои, родные, русские, он уж слезу готов был пустить. Очутившись в избе, заваленной едва не до потолка железным заржавленным хламом, при тусклом свете лампочки Валька узнал одного из своих спасителей – Сашку Дорофеева по прозвищу Бешен. А другой, приволокший таз с холодной, – Ваня Дурило, юродивый! Вот так компания, два известных в городке дурака...

Сашка окончил в городке школу с золотой медалью, потом один за другим два института, осел в Питере важной шишкой в конструкторском бюро, но вышла загвоздка: загуляла красавица жена. Кончилось все разводом, квартиру сразу разменять не удалось. Бывшая супружница без зазрения совести приводила любовника, спала с ним. А Сашка сгорал от ревности за тоненькой стенкой в соседней комнате. Жену-то он любил! И у него тогда, ночь за ночью, потихоньку съехала крыша...

Так болтали в городке, когда Дорофеев со справкой возвратился к старушке матери и, потыкавшись туда-сюда, притулился разнорабочим в конторе по благоустройству. Он исправно махал метлой, подметая тротуары, лазил с ножовкой по деревьям в парке, опиливая сучья, высаживал на клумбах цветочки и даже в подручные к главному городскому ассенизатору Федору Ключе иногда попадал.

Все, что его ни заставляли, Сашка выполнял безропотно, только порою на него находило: выкатив испещренные красными прожилками белки глаз, он начинал торопливо лопотать что-то, непонятное и загадочное для порядком струхнувшего невольного слушателя, которому вцеплялся в рукав. Гражданин убежал; Сашка несся следом. Огненно-рыжий, с обросшим густой щетиной лицом, в потрепанной, одной и для гулянки, и для работы одежде, мчался он, едва не бороздя землю длинным носом, и не приведи Господь, если натыкался опять на кого. Тот несчастный, даже и не робкого десятка, только что не напускал в штаны, столкнувшись с его отрешенным, диким взглядом. Бешен, да и только!

Теперь вот Валька – ни жив ни мертв – сидел на табуретке, приваленный спиной к стене в доме Бешена, и сам хозяин пристально разглядывал его, комкая в руках белую тряпицу. Мужики принялись вра-

чевать ссадины на Валькином лице – все ж потом поменьше мамкиных ахов и охов будет.

– Бьют-то слабо, не по-русски, – проворчал Ваня Дурило, оставляя в покое хнычущего Вальку и раздирая пятерней на груди густую шерсть, где запутался, поблескивая, большой медный крест.

Со своим «спасателем» Сашкой Бешеном Валька встретился вскоре опять. Бежал мимо дорофеевского дома и – глядь! – Ваня Дурило на крыльце стоит, и не просто на настиле или ступеньках, а залез на столбик, к которому когда-то крепились перильца, и выстаивая на одной ноге, размахивая руками, кричит залиvisto петухом. Разинувшего рот Вальку едва не сшиб с ног выскочивший из ворот рассерженный участковый.

– С дураков какой спрос! – пробурчал он, окинув парня неприязненным и в то же время смущенным взглядом.

А с крыльца неслось:

– Ки-ка-ре-ку! Ура, дурдом! Кругом – дурдом! Вся жизнь – дурдом! Ки-ка-ре-ку!

Выглянул из-за калитки Бешен, заметив Сатюкова, поманил его пальцем. Валька, сторожко косясь на по-прежнему торчащего на одной ноге на столбике оборванца, поднялся вслед за Сашкой по скрипучим ступенькам крыльца. В горнице на непокрытом столе стояла кой-какая посуда, была разложена немудреная закуска. На табуретке сидел зачуханный смердящий старикашка Веня Свисточек и, вздергивая поптичьи головенкой с реденькими белыми волосиками, поглядывал на вошедших невинными, на удивление чистыми глазами. Позади Вальки и хозяина с криком захлопнул дверь соскочивший со своего насеста придурочный Ваня.

Сатюков, присев на краешек лавки, чувствовал себя неудобно и неловко. Свисточек, все так же невинной выцветшей лазурью глаз пялясь на него, натренированным до автоматизма движением выкинул перед собой ладонку и, расщеперив корявые грязные пальцы, затряс ею перед Валькиным носом: «Гони копейку!» Валька и тут чуть было не полез в карман за мелочью, как тогда, еще до армии, в Ильин день – храмов праздник, когда пошли с Сережкой поглазеть на крестный ход.

Опасно: в школе как бы не влетело, но зато спокойно – среди бела дня, не в пасхальную ночь, когда через ментовское оцепление прорываться надо. Проникнуть внутрь храма братаны не решились, остались дожидаться действия, поджидаясь к кирпичам церковной ограды. От скучающих на паперти нищих отделился босой, заросший свалывшимся волосом мужик, сильно прихрамывая, приблизился к ребятам и, закатив дурашливо глаза, двумя сложенными пальцами принялся молотить себя по губам.

– Дядя, да-дай ку-ку...

Ваньку Дурило ребята знали – известная в городке личность, но утраченные его идиотским видом, отошли от дурака на всякий случай подальше и в узком проеме калитки столкнулись с другим убогим, вернее, чуть не затоптали его, сидящего меж положенных поперек дорожки костылей. Белобрысенький, он завохтал, захрюкал потревоженно, а когда протянутую ладонку ему не позолотили, сердито засопел, вытолкнул сквозь зубы довольно внятно крепкое словцо. Взахлеб ударил колокол. Из церковных врат потекла толпа богомольцев, качнулись, заблестали над нею крест, хоругви.

Парни повисли на ограде, цепляясь руками за железные пики ее наверх. Крестный ход с пением двинулся вокруг храма, и Валька с Сережкой намерились перебежать на другую сторону, чтобы поглазеть, как богомольцы будут возвращаться. И столкнулись за угловой башенкой ограды опять с убогими. Те поначалу ребят не заметили.

– Скупой народ пошел! – сетовал Дурило белобрысенькому вполне нормальным голосом. – Закурить даже никто не дал.

– Угощайся! – белобрысый, подойдя к нему от прислоненных аккуратно к ограде костылей, протянул пачку сигарет. Закурили.

– Как нынче посбиралось-то?

Белобрысый молча хлопнул ладонью по оттопыренному карману; глаза убогого светились радостно и довольно.

– Есть в тебе чтой-то от настоящего дурака, вот и подают хорошо, – позавидовал Ваня. – А мне мало, как ни стараюсь. Хоть и Дурилом прозвали.

– Так ты дурило и есть.

Тут нищие заметили подглядывающих за ними парней.

– Че вылупились-то? Хи-хи! – Ваня вдруг закатил глаза и, расставив широко руки, будто собрался ловить, пошел, приплясывая, на струхнувших ребят.

Белобрысый, достав милицейский свисток, залился трелью, захохотал и, подхватив костыли, заподпрыгивал на них прочь...

И вот не думал, не гадал Валька, что придется ему сидеть в гостях у Сашки Бешена между двумя столь досточтимыми людьми. До первой стопочки и кашлянуть побаивался. Выпил – осмелел. У убогих в башках скоро «зашаяло»: что-то быстро-быстро, но непонятно залопотал сам с собою Веня Свисточек, а Дурило заблажил. Заорал про золотые горы.

– Я философ! – резко оборвав завывания, заявил он. – Божеских наук. Втолковываю темным людишкам у церкви, что да как, лишь бы денюгу давали. Хоть и четыре класса у меня, – расхвастался вконец.

– Веня, ты у нас тогда профессор с одним-то классом! – весело крикнул Бешен.

– Читать умею, – подтвердил Свисточек и опрокинул стакашек.

– Выходит, я академик, с двумя-то высшими!

Проскрипела незапертая дверь, и вошла маленькая, закутанная в черный платок старушка; блеснули стеклышки очков на носу.

– Опять пируете? – перекрестившись на киот с иконами в переднем углу, строго спросила она. – Санко, сколько же тебе говорить, чтоб не путался с этими шаромыжниками! Ты – человек ученый! Да и вы-то че пристали к мужику? Эко, ровно поросята, в Троицын-то день!

Веня в ответ зычно икнул, невинные глазки его замутились, и он кулем рухнул под стол. Ваня закудахтал было, но старушка оборвала его:

– Полно, дураково поле!.. Выпроводил бы ты их, Санушко, пока мамкино добро с ними не спустил!

– Не могу, Анна Семеновна! Они мои братья во Христе!

Старушка вздохнула, дескать, что с тебя, простяги, взять, и тут же ойкнула, приложив ладошку к губам:

– Забыла... Василия Ефимовича проводывал? Нет? Эх ты...

– Сейчас же, немедленно! – засобирался Сашка. – Кто еще со мной?

Дурило сонно зевнул и со стуком уронил голову на стол.

– Запрет их. Пусть дрыхнут...

На улице смеркалось. Двухэтажный темный дом с чуть заметными бликами света из-под занавеси в окне верхнего этажа оказался Вальке по пути. Сатюков побрел бы и дальше своей дорогой, но Бешен придержал его:

– Зайдем!

– Расскажешь потом, Санко, как он там! – старушка попрощалась и ушла.

Сашка стучался долго; наконец где-то вверху скрипнула дверь, дребезжащий старческий голос спросил: «Кто там?» Бешен назвался. Зашлепали по лестнице шаги, при свете керосиновой лампы открывший дверь старик выглядел пугающе: трясущаяся плешивая голова, на усохшем личике густели тени. Сашка помог хозяину, поддерживая под локоть, подняться обратно в лестницу, и в светлой уютной комнатке Валька по-настоящему разглядел его.

Сатюков думал, что давным-давно старикан этот помер. Ведь Валька еще совсем сопливым пацаном был, когда на городковской танцплощадке, не оснащенной еще ни гитарным бряком, ни заполошным барабанным воем, ни вытьем и ором местных дарований, простецкая советская радиоло исправно в субботние и воскресные вечера раскручивала свой диск – и любую пластинку ставили на утеху публике.

А что за публика собиралась! В меньшинстве – на площадке, в большинстве – около. За высоким, обтянутым металлической сеткой барьером, будто в скотском загоне, на дощатом помосте в одном углу толклись парнишки-малолетки, в другом – их ровесницы. Было рановато – и радиолу в крашеной будке запускали время от времени. Мальчишки и девчонки суетливо дергались, толкая локтями друг дружку. Молодежь повзрослей, посолідней подходила в сумерки.

Тут и репродуктор, подвешенный на дереве, верещал не умолкая, и пол ходил ходуном под ногами резвящихся, грозясь обломиться. Стволы столетних лип с корою, изрезанной ножичками и прочей колющей штуковиной, обступавших танцплощадку, подпирали могучими плечами подвыпившие застарелые холостяки; меж ними, яростно отбиваясь от комарья, выглядывали своих чадушек, скачущих за барьером, мамыши. У их подолов путался зеленый ребячий подрост, норовя в удобный момент перешмыгнуть через сетку. В потемках в глубине парка вспыхивали потасовки, кто-то кого-то с улюлюканьем гонял, кто-то ревел ушибленным телком. Люд же, самый разношерстный, прибывал и прибывал, словно осы гнездо облепляя барьер танцплощадки...

После современной легкой музычки из раскаленного колпака репродуктора плавно плыли звуки старинного вальса. Распаренная толпа уморившихся танцоров, отпыхиваясь, сваливала к лавочкам посидеть, если хватало места, а в освободившийся круг неторопливо входил невысокий плотный старичок. Полувоенный френч ловко обтягивал его сутуловатую фигуру, на ногах поблескивали скрипучие хромачи. Аккуратный пробор седых волос, подкрученные вверх усы.

Старик выбирал «даму», слегка склонясь к ней, приглашал на танец. Девка млела, не смея отказать, и осрамиться побаивалась, но наконец соглашалась. Кавалер легко вел ее, откинув немного назад красивую голову, лихо кружил, и самая неумелая деваха входила с ним в раж, забывала про свои «ходули» – на удивление, ступали они как надо, и вертелось, плыло все у девчонки перед глазами – хорошо-то как! Старик, словно двадцатилетний, падал на одно колено и стремительно, под

восхищенное аханье зевак, обводил даму вокруг себя. Набегали другие пары, в основном девчонки, суматошно кружились кто как умел, а над парком затихали последние аккорды «Дунайских волн»...

Нет, старичок Зерцалов был теперь не такой шустрый и бойкий. С бескровным лицом, с коричневыми пятнами на лбу и щеках, с заплывающими в мутной мокроте беспомощно глядевшими глазами, но по-прежнему в наброшенном на плечи френче, он шаркал в тапках по горнице. При слабом свете настольной лампы в простенках между окнами, прикрытыми шторами, виднелись какие-то картины в массивных, украшенных резьбою рамах, передний угол занимал огромный рояль; с другой стороны во всю стену чернел громоздкий буфет с затейливыми фигурками и узорами. Старик прошлепал к письменному столику с чернильным прибором, в который были вмонтированы остановившиеся часы с трубящими в рога статуэтками охотников, сел на стул с высокой, из витых деревянных прутьев спинкой. В горнице-музее Зерцалов сам был наподобие экспоната, разве что живого.

– С Троицей вас, Василий Ефимович! – громко проговорил, чуть ли не прокричал Сашка и вперился куда-то в угол. – Вот незадача! Лампадка-то не горит!

Он вскочил на стул, чиркнул спичку и запалил огонек, высветивший святой лик на иконе. Валька грешным делом подумал, что хозяин сейчас заругается: мало кому чужое самоуправство, вдобавок с прыжками и скачками, понравилось бы, но Зерцалов, подшлепав к Бешену и взяв его за руку, поблагодарил:

– Спаси Бог... Сижу, ровно нехристь.

Сашка, перекрестившись, вдруг запел сильным чистым голосом:

– Благословен еси Христе Боже наш,

Иже премудрые ловцы явлей, ниспослав им Духа Святаго,

И теми уловлей вселенную,

Человеколюбче, слава Тебе!

Старик, тоже глядя на икону, подтянул хрипло, еле слышно тропарь.

Прощаясь, он слабо пожимал гостям руки.

– Александр, пока лето, отвезите меня в Лопотово, в монастырь... Покорнейше прошу! Перед смертью побывать бы там еще разок!

– Сделаем, сделаем! – кивал Сашка.

Уходили, оглядываясь. Фигурка старика с керосиновой лампой в руке долго еще, провожая, жалась в дверях на крыльце.

Сашка Бешен и Валька слово сдержали: раздобыли лошадь с тележкой, посадили старика на охалку сена и отправились к развалинам монастыря. Тронулись в путь не рано, солнце стояло уже высоко, парило, как перед ливнем. По дороге, развороченной весной колесами и гусеницами тракторов и теперь высохшей, с выворотнями земли, колдобинами, ямами, кобыла, боясь обломать ноги, вышагивала неторопко, но телегу все равно подбрасывало и трясло почем зря.

Зерцалов, вцепившись бескровными иссохшими пальцами в грядку телеги, как выехали, не проронил ни слова: порою казалось, что старик, полулежа на сене, спит с открытыми, подернутыми мутной мокротой глазами.

Побеспокоил, разбудил его тяжелый дурной запах, который временами приносил ветерок, особенно когда повозка выскакивала из перелесков, обступающих дорогу, на ровное открытое место. На речном берегу уже стало не продохнуть... Вода в реке текла черная, с белыми пузырящи-

мися барашками ядовитой пены на поверхности. Ни зеленого листочка водоросли, ни резвящегося рыбного малька; вдоль обоих берегов тянулась желтая мертвая канва.

Лошадь зафыркала, уперлась, не пошла вброд. Сашка соскочил с телеги, ухватил кобылу под уздцы и, уговаривая, кое-как затянул в реку. Перевел, сам бултыхаясь по пояс. За речным изгибом вроде все так же приветливо и весело зеленел монастырский холм с развалинами церковей. Старик попросил остановиться, слез с телеги. Придерживаясь за нее, побрел рядом, торопливо и жадно озирая окрестность.

Когда взобрались на холм к остаткам крепостной стены, нескрываемая, почти ребячья радость с лица старика исчезла; он был растерян, похоже, узнавая и не узнавая место. Вместо домов соседней деревеньки груды головешек чернело пепелище, валялся битый кирпич, распяливали обугленные сучья деревья, начиналась испаханная тракторными гусеницами и полозьями саней полоса с вмятыми в землю, еще кое-где зеленеющими искореженными яблоньками и, извиваясь, тянулась к вырубленному бору. У оставшихся у самой воды вековых елей желтела, осыпаясь, хвоя: весенний паводок погубил их.

Старик не смог преодолеть рытвину, споткнулся и боком упал на груды вывернутой глины. Бешен и Валька бросились ему на помощь, но он остановил их слабым жестом руки и ладонью прикрыл глаза.

– Сад у него тут был, – вполголоса забормотал на ухо Вальке Сашка. – Прежний, монастырский-то, в войну вымерз, пока Василий Ефимович как бывший офицер и «враг народа» в лагере сидел. Так он новый посадил, и – смотри! – что гады вытворили, объехать поленились. А домик у деда еще раньше какие-то идиоты разорили, сам я потом окна досками заколачивал. И уехал-то он всего на ночь: косари в баньке мыться собрались, да загуляли, в городок их понесло, и Василия Ефимовича с собой сманили... Он все домишко отремонтировать хотел, да слег, больше сюда и не бывал. Я сам не рад, что его привез. Знал, что реку стоками с бумажного комбината отравили. Что ж творится здесь, Господи!..

Сашка, не переставая, бубнил на ухо Вальке, а старик, отняв от глаз мокрую ладонь, пытался всмотреться в расплывчатые очертания изувеченного, наполовину вырубленного ельника. Где-то там прикрывал вытесанный игуменом Григорием крест косточки невинно расстрелянных монахов, и на том месте кто-то без тоски и горя валил деревья, потом трелевал их к дороге, уничтожая попутно сад. А ведь даже в войну бор не тронули...

Надо туда добраться, может, родник найдется и крест укажет! Но подняться не было сил...

– Живого бы его довести обратно! – озабоченно сказал Бешен.

...Старик Зерцалов умер в городском саду на другой же вечер после поездки в Лопотово. Гроыхала музыка на танцплощадке, орали что-то «импортное» местные дарования, так же замороженно лепился к барьеру разношерстный народишко, а старик, стоя в потемках у вековой липы, вдруг схватился рукою за сердце и медленно сполз по шершавой коре дерева. Пока не рассвело, и не подошел никто, думали – лежит какой пьяный, так и пусть себе валяется.

Обо всем этом рассказывал Сатюкову расстроенный, чуть не плачущий Бешен.

– Пойдем в церковь, помолимся за упокой души! – предложил Сашка.

Валька покорно поплелся за ним. В храме за службой стояло немного народу, без толкотни и тесноты, как в праздничный день. Бешен подвел Вальку к большой старинной иконе.

– Преподобный Григорий! – пояснил шепотом. – Покойный Василий Ефимович его наравне со своим ангелом-хранителем почитал. Затешила свечку!

Валька обжег неосторожным движением пальцы об огонек, охнул и, взглядевшись в потемневший от времени лик на иконе, отпрянул – глаза старца в черном смотрели строго и осуждающе. Сатюков, боясь еще взглянуть, попытался разобрать клейма-картинки вдоль бортика иконы: монах, водружающий крест на речном берегу, тот же чернец возле церкви, а вот какие-то воины с обнаженными мечами окружили его, стоящего с воздетыми руками... Жаль, не все можно было разобрать.

Валька, все еще в смущении, отошел, стараясь ступать неслышно, с беспокойством поискал Бешена. Сашка возле царских врат напротив иконы Богородицы стоял на коленях и клал земные поклоны. Служба, должно быть, подошла к концу: вышел с крестом батюшка, благословил всех, и Сашка первым приложился к кресту. У выхода из церкви Бешена обступили старушки, даже Вальку, попытавшегося протиснуться к нему, оттерли.

– Помолись за нас, грешных! – Сашке совали и пирожок, и пряничек, и денежку, но Бешен отказывался от даров.

– Дурак! Дают – бери, бьют – беги! – снизу, с паперти, заворчал раздраженно Ваня Дурило.

Напротив него сидел, задрвав белесую бороденку и раскачивая растопыренной пятерней, Свисточек. День, видать, у убогих выдался некормный.

– Приходи, слышишь, сюда! Особенно когда худо будет, – бормотал по дороге домой Сашка. – У Григория преподобного постоишь, в беде не оставит...

Бешена Валька видел тогда в последний раз. За зиму как-то встречаться больше не приходилось, а весной, в ледоход, услышал: погиб Сашка. От церкви брели они с Дурилом и Свисточком и, как обычно, срезая путь, полезли через речку, не по мосту. Бешен шел первым; напарники его, прикуривая, задержались на берегу. Сашка ухнул в промоину, проорал, и пока Ваня с Веней бестолково бегали по берегу, течение, быстрое в этом месте, утянуло Бешена под лед. Но ходила упорно в городке и другая версия: убогие сами спихнули Сашку в полынью и потом преспокойно ждали, пока он, орущий, уйдет на дно. Дескать, завидовали тебе мы, а теперь ты нам позавидуй...

Александр ОРЛОВ

Я пробуждался, понимая, мир ничей,
И солнце в чудотворном карауле
Ко мне прислало тысячи лучей –
Так было утром, в радужном июле,
Когда гулял по полю суховой.

И не было росы, и мир ещё был сух,
И было всё вокруг теплом увито,
И от стогов, неубранного жита
На небо возносился русский дух,
Освобождённый от назойливого быта.

И утро возрастало тихо-тихо,
И славили священные миры
В полётах вдохновенно комары,
Которых соблазняла комариха
Укусами зевотной детворы.

Мне хлестали дожди правду жизни не раз
Сквозь туманы, чей запах был горек,
Но не верил я в неба унылый показ,
Шёл на свет, как за правдой историк.

И слезливые тайны некошенных трав,
Что изрезаны вдоль редколесьем,
Мне шептали о том, что искатель был прав,
И что все мы с рождения грезим.

И я шёл напролом по неровностям луж,
Не терпел сам к себе оговорок,
И меня осуждала пытливая глушь
Под присмотром волков и тетёрок.

И когда в захолустье я сделал привал,
Мне открылись холодные звёзды.
И одну я всю ночь напролёт согревал,
И воспели любовь алконосты.

* * *

Я говорил в тиши с пустой дорогой,
Что есть во мне, и в ней, и в нас двоих.
Она казалась мне вдовой убогой,
Делившей всех на мёртвых и живых.

Она ведёт куда? Кто дал ей право
В крутых извилах за собой вести?
Она щедра, немыта, и лукава,
На ней исчезли войны, вожди.

Но кто она? Истопанная пажить?
Иссохшая от старости тропа?
Она покой готова взбудоражить,
На ней коряги, ямы, черепа.

И я по ней иду и шаг за шагом
Растрачиваю время, а потом
За лесом, за полями, за оврагом
Исчезну на рассвете вековом.

* * *

Сень родовых крестов
Слышу зовёшь, зачем?
Мне не найти слов,
Будто бы глух и нем.

Скрыта среди домовин,
Превращена в труху,
Что тебе за помин?
Нужен как на духу.

В душу ко мне не лезь,
Что тебе до меня?
Молвь, почему я здесь,
Может, моя родня?

Выли меж круч ветра,
Прошлого слышу зов,
Это в золе костра
Сень родовых крестов.

* * *

Я ожившее солнце таскал на плечах,
Не внимая смертельности жара,
Запах воли пылливо шатался в хлебах,
Пересчитывал метры гектара.

И колосья, что быстро ушли на размол,
Меня молча добром поминали.
От палящего света я всё же ушёл
В Божий сумрак предвечной печали.

Подгонял меня нервно всю солнцепёк,
И дымился вспотевший затылок,
Но я шёл неотступно, не пал и не слёг
Под прощальные взмахи дробилок.

И сидел я один, слушал ропот костра
И смотрел в необъятность юдоли,
И за солнцем ушла молодая жара,
Мне оставив загар цвета смоли.

* * *

Чародейные речи
О грядущем отлёте
Журавлиное вече
Заведёт на болоте.

Эти сроки настали,
Но выходят, однако,
В листопадном запале
По следам полумрака.

Прокурлыкают птицы
Тростнику и осоке,
Одиноким влюбиться
Уготовлено в сроки.

Посбиваются клином
Журавли над землёю,
Я небесным тишинам
Своё сердце открою.

ТРАВНИЦА

Ей сложно выходить уже на двор
И ощущать и снег, и дождь щеками;
Она жива, но только до сих пор
Чего-то ждёт молельными ночами.

Сроднился с ней изношенный халат,
Согрелось сердце в козьей безрукавке.
Кто прав был в прошлом, а кто виноват,
Она решает в повседневной давке.

К ней приезжают все: и стар, и млад,
Из дальних деревень, и городские,
Калеки, алкоголики, глухие.
И сквозь отчитку слышен перемат.

И трав сушёных у неё избыток,
Для каждого особый есть отвар,
И не берёт старушка гонорар
За грешных исцеляющий напиток.

Багульник, зверобой, аир, иссоп,
И мех, и мясо им убитой дичи
Приносит ей чахоточный лесничий,
Ей хилый плотник приготовил гроб.

С лесов, полей, болот, долин и роц,
Которым виден в небе беспилотник,
Ей собирает криворотый скотник
Бадан, бессмертник, медуницу, хвощ.

Её сосед – безрукий долговяз –
Всё носит ей акафисты, просфорки –
От сельского священника наказ,
Который хуже самой жёсткой порки.

Ей отдыхать давно уж недосуг,
И травным сбором выдыхает чарка.
И приговор, и порчу, и присух
Изводит из просителя знахарка.

И плачет в одиночестве навзрыд,
И кается впотьмах под образами,
И верит, что Христос её простит
И примет с искуплёнными грехами.

* * *

Дождей приблизились обстрелы,
И влагой пажити дымят,
Никто не видит кукушат:
Движения птенцов несмелы,
Они в неведомость глядят.

Им кажется, что вдоль опушки,
Где бродит кто-то, но не я,
Где рыки чудятся зверья,
Где девы плачут от присушки,
И молят Бога кумовья,

Где свет подвластен дымным лохам,
И шелест манит пустельгу,
Чья тень скользит по лозняку,
По травам чахлым и подсохлым,
Летит прощальное ку-ку...

* * *

Я чувствую: полетя холод кротов,
Он ощутим тобой и мной едва.
Поманит мгла в подлунный околоток,
Рождая на пути земном слова.

Навстречу мне из дождевой утробы
Спускаются по тучам и воде

Мои мечты – блаженные зазнобы,
Их след зеркальный стелется везде.

Швырнут деревья красные обноски,
Склонится вниз соломенный лопух,
Застынет мир, и в багрянистом воске
Свеча вселенной согревает дух.

* * *

Наступит вскоре паутины лёт,
Покажется, что лето вновь напрасно
Связало дни мои крестообразно.
Они останутся, когда оно уйдёт,
И будет на сырых дорогах грязно.

И на прощальный сев озимой ржи
Туманы приведёт летопроводец,
В поля заступит время безработиц,
Коротких дней, и холода души,
И звёзд, сковавших до весны колодец.

И буду говорить душе я вслух,
И в ожиданьи скорого ответа
С печальной улыбкой домоседа
Почувствую тепло весны, и вдруг
Вернётся в сердце неземное лето.

Геннадий САЗОНОВ

ОДНАЖДЫ ЗИМОЙ

из книги «ЯБЛОКИ НЕБЕСНЫЕ»

Рассказ

Морозная мгла окутывала скотный двор.
Внутри тускло светили лампочки, было тепло.
– Давай, Сивый, оставайся главным! – хрипло скомандовал Гоша.
И споткнулся о доску, упал. Сено, которое нёс в кормушку, оказалось на полу.
– У-у! – погрозил кому-то, поднимаясь. – Свалить захотел? Фиг тебе!
В густой с рыжеватым отливом бороде Гоши торчали сенные былинки.
Он дружески посмотрел на Сивого. Рослый бык как будто мотнул мордой.
– Начальствуй, – одобрил Гоша, – а я поеду.
Третьи сутки он не вылезал со двора.
Издержал хлеб, сахар, чай, а сменщика не было. Самовольно оставить быков на откорме не решался – вышвырнут с места. Как-то он показал свой норов начальству, так после год без дела сидел, перебиваясь случайными шабашками.

Под вечер с центральной усадьбы прикатил бригадир.
– Не замёрз ещё? – спросил для вида.
– Живой, слава Богу, – устало ответил Гоша.
– Сменщик Вован в лёжку лежит, – доложил бригадир. – Подожди, подберу другого, а пока отлучись в деревню.
– И на том спасибо! – Гоша пожал ему руку.
От сильного мороза хомут задубел.
Напрягая непослушные руки, Гоша всё-таки стянул хомут, успел завязать его, поставил лошадь в сани, пристегнул вожжи.

И бодро покатыл по расчищенному просёлку.
Над головой мерцали большие и малые звёзды.
Вдалеке над лесом висел узкий татарский месяц. Окрестные деревни лежали в безмолвии. «Тишина-то, как сто лет назад!» – подумал он. На взгорке красными огоньками мигала огромная металлическая вышка, построенная каким-то «билайном» – пришельцем из неведомого для Гоши мира.

Въезжая в деревню, где он жил один (в остальные дома прибывали дачники с началом весны), Гоша заметил у крайней избы человека. Привстал в санях, протёр глаза – никого нет. «Наверное, померещилось», – решил он.

Включил электрический фонарь во дворе, распряг коня и повёл в стойло. И услышал за спиной скрипучие на морозе шаги. Теперь это уже не мерещилось.

К нему шёл заросший щетиной тип.
При свете фонаря были видны грязные пятна на штанах, рваная куртка, на голове старая ватная ушанка.

«Из бомжей» – быстро определил Гоша.
Случалось иногда, что такие люди бродили по деревням. Они весной и летом промышляли овощами с огородов, а осенью и зимой – кражами в домах и дачах. Но в его родном Мартынове они бывали редко, Гоша

даже не помнил, когда в последний раз их видел. Может, они чувствовали, что в деревне всё-таки есть жилец, поэтому и опасались заходить.

– Хозяин, подай хлеба, – простуженным голосом попросил бомж.

И, помолчав, еле слышно добавил:

– Христа ради!

Гоша хотел ругнуть нежданного гостя и послать куда подальше. Он и без того смертельно устал с дежурством, а тут ещё подавай кому-то. Но что-то его остановило, может, вот это: «Христа ради!».

– Подожди, – ответил Гоша.

И быстро вошёл в избу.

На кухонной полке была последняя буханка хлеба. Завтра Гоша хотел купить провизии в автолавке, которая заезжала на ферму. Он отрезал полбуханки и вышел.

– На, держи, – подал мужику.

Тот взял хлеб и жадно откусил.

– Куда идёшь? – спросил его Гоша.

– Иду куда-то... – протянул тот. – Спасибо, брат, выручил.

– Ну ладно тогда, – буркнул Гоша.

И они разошлись.

Растопив печь, Гоша отваривал картошку, добавил в неё тушенку, лук.

Пока похлёбка закипала, он прилёг на диване и уснул.

Вскоре заполошно вскочил, думая, что долго спал, хотя прошло несколько минут.

Он вспомнил про лошадь, она ждала тёплого поила; взял ведра, включил фонарь, пошёл за водой на колодец.

Уже с водой остановился на дороге.

Тот самый бомж, которому он дал хлеб, будто привидение, сидел на обочине, на снегу.

– Ты чего, ведь замёрзнешь! И волки здесь похаживают, вон лес-то... Сожрут!

– Пускай сожрут, лекарь тебя возьми, – хрипло выдавил он.

Гоша удивился. Поговорку «лекарь тебя возьми» знала когда-то вся деревня, она была на языке у Мишки Медведева. Лет пять назад он продал родительский дом в Мартынове, и с тех пор не появлялся.

Новые хозяева, купившие избу, тоже не очень-то старались, летом обкосят траву вокруг дома – и привет родителям. Изба осела на один угол.

Гошу чуть не бросило в жар от догадок.

– Лекарь возьми, говоришь? – спросил он. – Не Мишка ли ты – Медведь? Подойди поближе!

Бомж неохотно, полушажками, вступил в свет, падавший от фонаря на дорогу и снег.

Гоша жадно рассматривал его, улавливая в лице что-то давнее, знакомое; но для себя не мог точно определить – Мишка перед ним или нет?

Шмыгнув носом, тот заплакал.

– Это я, Григорий, я! Прости, что не сознался сразу, – бормотал он сквозь слёзы.

Уже давно Гоша не видел, чтобы мужик плакал, ему стало не по себе.

– Ладно, прощаю, – обронил он. – Пойдём в избу.

Гоша снял с плиты похлёбку и разлил поровну.

Мишка взял ложку, выразительно посмотрел на хозяина, а потом щёлкнул пальцем по горлу.

– Не держу хмельного, извини, дорогой, – улыбнулся Гоша. – Лет десять как завязал с этим делом...

Мишка, похоже, не поверил.

Он помнил времена, когда Григорий был большим любителем выпить, а порой напивался до посинения, до беспамятства.

Мишка перевёл взгляд с Гоши на иконы в углу избы.

– Да, только это и помогло, – кивнул Гоша. – Слава Богу!

И он перекрестился.

Молча ели горячую похлёбку.

– Ты, Михаил, как у нас оказался? – спросил Гоша у Медведева.

Мишка отложил ложку, вытер ладонью выступивший на лбу пот.

– Проститься пришёл. Думал, никто зимой-то не живёт в деревне, не знал, что ты здесь обитаешь, – ответил Михаил.

– Проститься? – не понял Гоша.

– Да, проститься, – Мишка о чём-то задумался. – Может, я завтра умру! Умру, и всё, лекарь тебя возьми!

– Вон оно что! – протянул удивлённо Гоша. – Проститься, говоришь. Интересно!

После пили чай с сухарями.

Мишка молчал, а Гошу так и подмывало на расспросы, но он не хотел тревожить гостя.

Словно почувствовал это настроение хозяина, Мишка вдруг заговорил:

– Может, ты подумал, что я стал вором? – Медведев как-то испуганно посмотрел на Гошу. – Нет, я не ворую, я только бродяжничаю. С этой жидовской перестройкой я потерял работу, не нашел другую. На что жить? Не мог за квартиру заплатить. Хотел в деревню вернуться, а избу родительскую, ты же знаешь, я продал, дурачок. Вот мои сыновья взяли и выгнали меня из квартиры. А чаво, я с ними судиться буду?! Стыдно, Григорий, горько и стыдно, и за них, и за себя.

И он опять завсхлипывал, растирая кулаком слёзы.

Гоша молчал, не зная, что сказать. Он был потрясён горем, которое свалилось на бывшего соседа.

– Ты, Михаил Петрович, не отчаивайся, – наконец обронил он. – Будет день – будет и пища! Бог не выдаст, свинья не съест.

Мишка улыбнулся, вытер бежавшую к переносице слезу.

– У тебя тут как в раю! Хорошо! А чего один-то? Семья, я помню, была?

– Была да сплыла, – неохотно отозвался Григорий. – История наподобие твоей. Долго рассказывать, да и неохота сейчас, как-нибудь в следующий раз. Вот в материнскую избу из города пришёл. Живу, на ферме в совхозе вкалываю. Помаленьку копчу небо. Лошадь завёл вместо машины. Здесь машина ни к чему, а лошадь – подмога, с ней веселее, хоть дачники и смеются.

Гулко треснуло бревно избы.

– Во мороз шпарит! – отозвался на гул Гоша. – Я три дня дежурил, в сон клонит. Пойду на печку залягу, а ты, дорогой, сам устраивайся на диване, вот тебе подушка, одеяло, простыня.

– Спасибо, Григорий, спасибо! – поблагодарил Мишка. – Я уж от кроватей-то отвык, напоследок хоть отосплюсь, а то вон по осени спал прямо в кювете на окраине Вологды.

Гоша не откликнулся на монолог бывшего соседа. Хозяин буквально заполз на тёплую печь и мгновенно заснул крепким богатырским сном.

Морозная мгла, сгущаясь в неплотный туман, выходила из низин, от опушки леса, и вскоре закрыла собой всю деревеньку.

Белое ночное безмолвие царило в округе.

По крестьянской привычке Гоша проснулся рано, хотел слезть с печи, посмотреть, как там Мишка, но вчерашняя усталость ещё не отошла полностью, и он опять заснул. И проспал на работу, может, первый раз за всю жизнь. «Пусть бригадир с напарником пошевелиются, – успокаивал себя Гоша, когда слез с печи, – а быки от голода не упадут».

Мишка сидел на диване, будто и не ложился.

– Ты чего, не спал что ли? – спросил Гоша.

– Спал, лекарь тебя возьми, за милую душу. Отоспался напоследок.

– Что ты всё заладил: напоследок да напоследок! – не утерпел Гоша.

– Откуда мы знаем, когда он будет, этот твой «напоследок»? Лучше подавайся в монастырь, вон в Прилуки – вот что я тебе скажу. Будешь там чем-нибудь помогать братии, и кусок хлеба, глядишь, будешь иметь.

– Ты это, – спросил Мишка, – правда?

– Давай, давай! Конечно, не зря говорю!

– А что? – глаза у Мишки загорелись. – И попробую!

Они быстро выпили по чашке чая, вышли из избы.

На дровнях, бодро покрикивая на мерина, Гоша подвёз Мишку к автобусной остановке.

Дал ему денег на дорогу до города.

И когда уже переезжал поле, Гоша обернулся и увидел, что Мишка сел на подошедший автобус.

«Ну, с Богом!» – перекрестился.

Дня через два Григорию дали отгул.

Он решил по делам доехать до города.

Зашёл в рейсовый автобус, сел рядом со знакомым мужиком из соседней деревни.

Пожали друг другу руки.

– Не упадёшь? – с усмешкой спросил тот, оглядывая Григория.

– А что такое? – удивился Гоша. – Ты о чём?

– Да вот позавчера, я как раз тоже ехал из дому, зашёл в автобус какой-то бомж. Шох да ворох, а перед городом и очурился, то есть умер!

– Он же чувствовал! – вырвалось у Гоши.

– Кто чувствовал? – знакомый мужик даже отодвинулся от него.

Гоша промолчал.

И на всём пути не проронил ни слова.

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ХОЖДЕНИЕ В КАРАКОРУМ

Сибирский путь Александра Невского

Синописис

Солнышко встало. Солнышко встало, солнышко взошло на востоке и покатилося солнышко на закат. И родина – началась.

Когда, почему и зачем вышло во мне это невозможное ощущение, перешедшее в твердое убеждение? Князь Александр Невский мне, именно мне поручает выразить его историческую достоверность. Ну объясните мне, мне самому, какие невероятные амбиции, какое нелепое самомнение, какое непомерное тщеславие, какое честолюбие заставляют (?) меня убежденно утверждать: Россия в Сибири началась в середине 13 века!

Почему – мне? Наверное, не только мне. Но до меня дошло точно.

Кстати, сам Александр Ярославич не знал, что он – Невский. Ему этот титул присвоят летописные потомки. Он знал, что он – Рюрикович и сын Ярослава. Ярославич. Яр. Ярок. Яростен. Славен. Яр, но славен. Славянин.

Полагаю, у каждого из нас есть право на собственное понимание его жизненного подвига. Для меня он – главное: Александр Русский. Понятно: Александр Гордый. Несомненно: Александр Храбрый. А точнее всего? Александр Мудрый.

В русской отечественной исторической мифологии нет легенды о самом гордом князе, который победил мужественным смирением. Победил? Избежать неизбежного поражения – это победа? Задача государя – не победить, но сохранить. Сохраняясь, побеждаем.

«...И ходи святой Александр в Канович...»

Случайная летописная строчка? Главная строчка российской истории! А кто знает? Кто помнит? О чем это? Когда? Куда? Что за Канович? Что за Александр? Святой?

Стэндап. КараКорум. Монголия.

Омельчук: Александр Ярославич шел сюда с запада. Он пришел от закатного, закатывающегося солнца. Он шел, первый великий русский, «встречь солнцу», прокладывая путь тем, кто «встречь» создаст великую Россию: и в Европе, и в Азии. Первое движение русских «встречь солнцу» начинал великий князь Александр.

Зачем Александр идет сюда, какая звезда ведет его в этот замечательный город – в столицу Империи ЧингисХана – КараКорум? У него совершенно конкретные политические цели и задачи. Он входит в союз государств, которым является Монгольская Империя. Он получит здесь «небесный ярлык» на княжение – в Великом Новгороде, Владимире и Суздале, в Киеве «всея Руси».

Но Александр решает не только задачи современной ему Руси. Он предвидит, предугадывает... У него явно есть провидческое видение, здесь, в КараКоруме, начинается Российская Империя в Азии. Это про-

изойдет позже, но начинается она именно во время его визита и подписания Соглашения с Великим кааном.

Он ищет в глубинах Азии не просто свою судьбу, он определяет судьбу России – и Руси, и будущей России – на долгие времена. Здесь начинается утверждаться Российская Империя на берегах трех океанов: Тихого, Атлантического и Северного Ледовитого. Здесь в 13 веке решались судьбы Русской земли и века 21-го. Великая степь. Не развалины, не руины КараКорума – просто степь. Зачем я в КараКоруме? Кто меня сюда привел? Почему я здесь? Конечно, я иду по следу Александра Ярославича. Да, это он меня сюда привел. Он привел сюда и будущую Россию. Чтоо здесь обрел Александр Невский? Что здесь обрела будущая Россия?

В 1250 году отсюда начинается будущая Российская Империя в Азии. Поэтому я здесь. Мы с дежурным каракорумским орлом Батху зорко оглядываем просторы нашей будущей родины. Родину надо не только любить, но и знать. Древний орел на моей руке, конечно, все помнит. И мы будем помнить. Как орла зовут? Батху. Слушай, Батху, какой зоркий орлиный взгляд на будущее своей родины. Конец синхрона.

Автор: Я сам себе не поверил, когда мне это взбрело в голову: Россия – изначально! – от Тихого океана до Атлантического. Изначально. В божьем помысле, в божественном замысле. В небесной идее России. По божественному произволу. Ментальная Россия.

Вовсе не по Ломоносову России «прирастать» Сибирью и Сибирской Арктикой. Не прирастать. Азиатская Сибирь = Азиатская Россия – изначально Восточная Россия. Западная – Московское царство, прежде Великая Русь. Они – запад и восток России – не отдельно – они сразу и вместе, единое целое. Будущая Российская Империя. Никаких механических прирастаний. Ментально – в божьем просмысле. Может, в божественном произволе.

Я понимал, что это – мозговые заморочки, умствования на запоздалое неприятие классически расхожего: «Сибирь – как колония». Чего-то не хватало. И тут мне помог, пришел на выручку – кто? – сам Александр Невский. Уже в его времена, в 13 веке, Сибирь, и русские княжества в Европе, и тогдашняя Великая Русь существовали в едином государстве. Русский улус, Славянский улус, Орос-улус Великой Империи, где не просто ментально, а фактически существовало общее государство со столицей в КараКоруме.

Мы воспитаны в каноне: татаро-монгольское иго – горчайшая беда Руси. Однозначно. Подлинная сложная достоверность – крамола. Ересь. И довлеет это давно. Но кто усомнится в святом и благоверном? Александр Невский. Безусловное и безупречное «лицо России». Главный национальный герой. Родоначальник современной России. Русский лидер безупречной репутации. Неоспоримо. Государственный муж. Государственный мудрец. «Номер один» тысячелетней России.

Конечно, я помнил, что великий князь Новгородский Александр Ярославич добирался и до моей родной Сибири, совершил вояж – государственное путешествие, государственный визит аж до самого КараКорума. Но это мельком, мимоходом: советские историки ни свое, ни мое внимание не заостряли и на азиатских маршрутах Александра Невского не акцентировались. Между прочим, вскользь...

Зачем на другой конец света ехал молодой победитель беспощадных тевтонов Александр? Он же не просто шведских ландскнехтов и немецких псов-рыцарей разбил: европейскую агрессивную орду. А едет в Кара-

Корум – столицу мировой Орды ЧингисХана и его наследников. Князь только что похоронил отца, нашедшего свою смерть после посещения Сарай-Бату в Золотой Орде. И вернется ли сам живым из КараКорума – ни ему самому и никому не ведомо.

Но чтобы мудро править на родине – во Владимире, Суздале, Киеве, Новгороде Великом, он должен получить «небесный ярлык» в КараКоруме. С большИм лишком год, почти два, будет длиться азиатский маршрут будущего великого князя. Александр получит «небесный ярлык». Великий князь «всея Руси» и первый гражданин – господин новгородский. Да, это не вполне европейские традиции – это геополитические восточные премудрости и благословение азиатского неба на власть.

Что демонстрирует этот дальновидный, но трудный шаг Невского? Неизбежность? Покорность? Смирение? Слабость? Синдром побежденного? Предательство? Я хочу понять его логику, вникнуть в его размышление. Его собственную прозорливую, дальновидную, перспективную логику. Летописцы и историки, пожалуй, простят великому государственному мужу эту вынужденную покорность. Профессионалы-интерпретаторы скрипя зубами простят, но скорее – не примут. Негоже русскому государю унижаться даже перед «Владыкой Вселенной» ради «мандата Неба», добровольно поддаваться принуждению к союзу с сильнейшим. Лучше забыть, запомнить, представить мелкой случайностью, временной слабостью великого лидера.

Но сам-то Александр Невский? Он что – топтал собственную гордость? Великую русскую славянскую гордость? Княжеское достоинство? Но если понять логику князя Александра – рано или поздно поймешь и логику стратегии России.

Александр получал азиатский мандат на власть в Новгороде Великом и статус Великого князя всея Руси. Но не только. Русь, становясь азиатской страной, в будущем получала свой мандат на Российскую Империю на двух континентах – в Европе и Азии. Дальновидно и через века смотрел на судьбу своей родины этот молодой еще человек неполных тридцати лет: Лермонтовский возраст. Мудрость выше гордыни. Мудрость – высшая гордость.

Я – азиат в первом поколении, но на судьбу своей страны смотрю именно из Азии – из российской Азии. Государственный подвиг – это мудрость. Русь с Сибирью, Сибирь с Русью, Россия в Сибири – Азии началась именно при Александре Русском в далеком 13 веке, в его середине, после его трансконтинентального визита. А царь Иоанн IV Грозный, присовокупив к Московскому царству ханства Казанское и Астраханское и добровольно примкнувшее Сибирское ханство (1555 год), продолжит традицию великих азиатских империй – дарованную по «небесному мандату» власть.

Я еще сам не привык к собственной мысли: Россия ментально, в божественном замысле изначально и сразу замысливалась как единое целое трех океанов – от Великого до Атлантического и океана Северного полюса. Россия – страна трех материков – Европы, Азии и русской Америки. Единственная такая на планете. Творец – не учитель географии, и, пожалуй, не знал имен континентов. Россию он замыслил как единый континент, это уже потом дотошные административные географы начнут рисовать границы.

Для меня сейчас совершенно ясно: Провиденье вело под уздцы коня всадника Александра – с него исторически начинается Россия в Сибири.

Страстный путь. Крестный путь. Великий русский всадник, стремящийся к солнцу Русского Востока. Александр Ярославич. Яростный путь.

Не страшно ли мне самому в своем размышлении? По правде – страшновато. Александр Невский и для меня – пример державной гордости. А это же надо усомниться во всех его достоинствах. На поклон – к врагу, к «поганому», захватчику, надменному язычнику. Так нас учили... Где ж она, гордость первых великороссов?

Но если войти в логику молодого русского князя, осознается, не сразу, но осознается: не учили, а придумывали. Изобретали. Визит в КараКорум совсем уж в русском летописании не замалчивался, но пропускался – досадная мелочь. Если не простить – то не заметить. Русские летописи, подчас чрезмерно восторженно восхвалявшие деяния досточтимого князя, обошлись лаконично осторожным: «Ходи святой Александр в Канович». (Канович – в церковно-славянской огласовке КараКорум – ставка великого Каана).

В современной геополитической лексике Империя ЧингисХана – это союз государств. Ханств, княжеств, улусов, эмиратов, среди которых – часть Поднебесной. Среди которых – и всея Русь, Орос-улус.

Хождение Александра в КараКорум – да, не без некоторого принуждения обстоятельствами, вхождение в союзное государство. Понятно, Александр Мудрый добровольно согласился платить в союзный бюджет. Тогда это называлось ясак, выход, дань. Но у этого союзного государства существовал обет защиты от внешней угрозы и по крайней мере на четверть века Русь была надежно защищена Союзным договором о совместной обороне будущих имперских рубежей.

И даже не это главное. Главное: Россия – это Европа и Азия. Вместе. Изначально. Мне, азиату в первом поколении, это чувство необходимо.

И это – все: об этапном событии, может быть – главном событии изначально единой, евроазиатской истории России. О Божьем замысле России.

Геополитический термин «Сибирь» тогда еще неведом, но Империю ЧингисХана мы можем назвать по-разному: Восточная, Азиатская, Великая, Монгольская, в том числе Сибирская Империя со столицей в северо-монгольской, южно-сибирской ханской ставке – КараКоруме.

Сарай-Бату, Каспийская степь.

МОНОЛОГ АЛЕКСАНДРА:

– Где родина? Откуда начинается? Да там, где солнышко встает. Я встречу солнцу иду, и родина продолжается. Не кончается родина. Там, за КараКорумом, говорят: океан Великий, из которого наше солнце верняком и выкатывается. Наше русское солнце – на восходе. Боюсь чего ли? А чего уже бояться? Коли дорогу выбрал – назад ходу нет. Даст Бог – союз составим. Монголы – народ не жадный, и царь их свою долю знает. Только слова надо держаться. Сказал слово – держи. У великого хана слово – крепче сабли, метче стрелы, надежнее огня.

Погибель Руси с восхода никогда не придет. Угроза там, где солнце западает. Оттуда все – темное солнце заката. КараСолнце.

Встречь... И солнце. И океан. Так, батюшка Каспий?

Автор: О чем мой фильм? О сибирском пути князя Александра Невского. Именно о сибирском. О пути через Сибирь. Князь Александр и на восток – в КараКорум, и на запад – в Новгород Великий – шел Си-

бирью, просторами современной Сибири. Фильм – о сибирском пути первоначальной России.

Мои комментаторы – доктора истории: из Азии, Улан-Удэ, азиат Олег Ринчинов, взгляд из Азии. Из Европы, Санкт-Петербурга – европеец Роман Соколов (Улан – «красный», Санкт – «святой»).

Олег Сергеевич Ринчинов – естественно, чингизид, ведущий бурятский тибетолог, монголовед, буддолог. Сегодня он – научный руководитель Бурятского центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения Сибирского отделения РАН. Доктор исторических наук начинал ученую стезю как математик, кандидат физико-математических наук. Это от него я впервые в своей жизни услышал неизвестное «небесный ярлык». И где услышал! У Меркитских ворот! Не бывали? Значит в Азии не бывали. Но шанса не упустите! Великая степь за Воротами спокойно дремала в волшебной дымке света дальних веков.

Синхрон. Омельчук: Олег Сергеевич, из Сарай-Бату каким путем к КараКоруму добирался князь Александр?

Ринчинов: Скорее всего, через территорию нынешнего Казахстана. Существовало несколько путей. Первый путь – каким шли калмыки в свое время, как раз «задевая» Иртыш, пойму Иртыша, Ишим. Степной путь. По границе между лесной и степной сферой путь пролегал. Это путь кочевников.

Омельчук: Там дорога или только калмыцкая тропа?

Ринчинов: Нет-нет, просто кочевья. Шли от кочевья к кочевью. Второй путь – через города Средней Азии на юг: через Мангышлак уйти к нынешней Хиве, по оазисам Шелкового пути через Самарканд, Бухару, Ферганскую долину.

Омельчук: Калмыцкий путь – это верховья Иртыша, Ишим... до самого КараКорума.

Ринчинов: Да, соответственно преодолевается Алтай. Считаю, этот путь – одно из ответвлений Шелкового пути, который в принципе сохранялся до начала 20 века. Купеческий путь лежал через плато Укок по территории современного Алтайского края, затем выход в город Кабдо, город Ульсутай и уход соответственно до КараКорума: там по меркам всего большого пути рукой подать.

Омельчук: Вполне вероятно, что всадник Александр Невский поднимается на плато Укок... Смотрит на истоки Оби – Катунь, Бию.

Ринчинов: Вполне может быть. Вполне. Я думаю, могли этот путь задействовать. Могли идти через Среднюю Азию. Через Среднюю Азию путь дольше, но он выигрывал в плане комфорта: там караван-сарай, инфраструктура какая-то для путешественников, купцов, торговцев.

Омельчук: А какой путь опаснее? Какая-то вооруженная свита у князя была?

Ринчинов: Естественно. Это время еще до больших междоусобиц внутри самой Монгольской Империи. Я думаю, разбойничьих, бандитских угроз особо не существовало ни на одном из путей. Достаточно мирная сибирская дорога. К тому времени половцы от верховьев Иртыша до низовьев Волги – вполне мирный народ, лояльный к монголам.

Омельчук: А к чему ближе лежит сердце Олега Сергеевича: северный путь привлекал Александра, все-таки он северный человек, северный князь.

Ринчинов: Я склоняюсь к северному пути. Скажем так: южно-сибирский путь. Южно-сибирское бездорожье?

Омельчук: А какие опасности могли быть и скорее всего были на этом пути у отряда Невского?

Ринчинов: Разбойничество случайное. Больших природных преград нет. Люди кочевали там тысячелетиями, в свое время арийское нашествие оттуда началось. Примерно из этого же региона, на юг, в Индию пошли индоарийцы. Вполне нормальный путь для людей. Для нас, конечно, сейчас покажется трудным, мы избалованы самолетами, автомобилями, а для человека того времени иных комфортных вариантов не существовало. Для Александра, который, наверное, уже в два года сел в седло и уже больше не слез с него, всю жизнь провоевал, как говорится, всегда на коне – до смертного одра. Для него это нетрудный путь. Скажем так, долгая, очень долгая конная прогулка. **Конец синхрона.**

Берег Иртыша. Истоки.

МОНОЛОГ АЛЕКСАНДРА:

– Неширокая речушка, но течет, сказывают, далеко. Иртышом называют. Землерой. В океан скатывается – вечно Ледовитый. Тайга по берегам непроходимая. Длинная тайга, дольше, чем степь. А уж, кажись, длиннее и больше степи ничего не придумаешь. А и там за тайгой народы живут. Морозно, зябко, даже солнышко не восходит полгода, а они ничего – свой оленный скот пасут, кормятся и живут. Отважные народы, отчаянные. Своим живут, на чужое не зарятся. Простор – это свобода. Мы еще половину своего пути не минули. Удивительные края! Чего я боялся? Дикие места? Но здесь даже зверь на человека по-человечьи глядит. Зорко. Когда тесно народу – сам зверьем становится, завидует, бесится, отнять хочет, убить, чужим завладеть. У нас на Руси почему брат на брата, сын на отца, внук на деда? Буйна славянская кровь, бешена, бурлива. Свое право знают, чужого ведать не хотят. А как усмирить? Как успокоить? Порядок Руси нужен, распорядок. Вон Чингизхан какую обширную страну сочинил, а порядок держится. Всем своим богам его народы молятся, а хану великому – одному.

Так, брат Иртыш?

«История государства Российского». Николай Карамзин.

«Сия путешествия были ужасны: надлежало проститься с отечеством на долгое время, терпеть голод и жажду, отдыхать на снегу или на земле, раскаленной лучами солнца, везде голая печальная степь, лишенная убранства и тени лесов, усеянная костями несчастных странников; вместо городов и селений представлялись взору одни кладбища народов кочующих».

Автор: Карамзин непреклонен: «Сыновья Ярославовы, скитаясь в сих мертвых пустынях, вспоминали плачевный конец отца своего и думали, что они также, может быть, навеки простились с любезным отечеством». Автор «Бедной Лизы», наверное, по-другому не мог думать и писать, но ведь уже два столетия минуло, а карамзинская интонация в несентиментальной исторической науке Отечества все продолжается.

Хотя историческая достоверность и объективность «отца» русской истории Карамзина не подводили: «Наконец Александр и брат его благополучно возвратились от великого хана, который столь был доволен ими, что поручил Невскому всю южную Россию и Киев».

Монголия – это ветер. Простор и ветер. Несмолкающий ветер. Здешнее пространство – земля ветра. Степь создана для дорог. Да пожалуй, степь уже и сама дорога. Дорога человечества. Дорога свободы.

Степь – это путь. Степь – это седло. Степь – это на бегу. Даже так: на лету. Степь – это стрела. Степь – неустойчивое движение. Степь – это только задумчиво вперед.

Что он здесь, в Великой Степи, у монгольского хана, искал? Сам шел? Вольно? Свободно? Добровольно? Принужденно? Пленно? Конвойно? Песок степи – волны океана. Пески забвения. Время вечных песков скрыло следы КараКорума и Великой ханской Империи. Только пески. Никаких следов. Кажется, здесь ничего не происходило. Не могло произойти. Но наша память... и я – в центре событий.

Автор: Я говорю: сибирский путь. Сибирский путь Александра. Не утверждаю, но говорю. Сегодня меня трудно опровергнуть: никто не знает точно. Точнее, никто не знает ничего точно. И если кто не только усомнится, но и опровергнет – спасибо ему: значит он разыскал точные сведения о государственном маршруте князя Александра Ярославича.

Калмыцкий отход, калмыцкая дорога, калмыцкая Сакма пересекает верховья великих сибирских рек – Иртыша, Чулыма, Тобола, Оби, Ишима, Енисея. Сибирские реки, сибирские земли. Исконная Сибирь.

Мой европейский собеседник – взгляд из Европы – профессор Роман Александрович Соколов. Он известный историк, знаток русского Средневековья. В Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена (легендарный ИНС – Институт народов Севера), доктор истории возглавляет (директор) Институт истории и социальных наук. Мы с ним пили кофе в знаменитой пушкинской «Кофейне Беранже» на Невском. На Невском проспекте. Уместное местечко для европейского взгляда на азиатскую родословную России.

Синхрон. Омельчук: Как близко к Сибири шла дружина Александра Невского в КараКорум?

Соколов: С точки зрения географии и разумности – конечно, это южная Сибирь. Безусловно, по-другому быть просто не могло. Калмыцкая дорога и Барабинская степь.

Омельчук: Точно как называется – Калмыцкая...

Соколов: Сакма. Если от Сарай-Бату: через Волгу, северный Каспий, переправа через реку Урал, который тогда еще Яик. Далее, я думаю, почти строго на восток. Думаю, Александр севернее забирал. Это удобнее с точки зрения целесообразности географической. Обь переходил, Катунь, Бию. Истоки Енисея – Биахем, Кеахем. Насколько я понимаю, переправляться через реки проще в их верхнем течении, нежели ниже. Они здесь поуже. По большому счету Плано Карпини, описывая свое путешествие, говорит о том, что были переправы, устроенные монголами. Под переправами имею в виду, естественно, не мосты, а поселения, которые существовали по берегам рек. Селения с паромами. Обязанностью жителей этих селений было помочь тем, кто хочет перебраться на другую сторону на плотах, лодках... плотах-паромах.

Омельчук: Понтонах 13 века?

Соколов: На понтонах... Мостов, конечно, не было.

Омельчук: А как думаете, насколько многочисленной была свита Александра Ярославича?

Соколов: Ну это сугубо мое предположение.

Омельчук: Сугубо, сугубо. Там же каждый штык на счету.

Соколов: По современным понятиям, ну до полуроты, наверное, человек 50–60 с ним должно было быть.

Омельчук: Повар свой?

Соколов: Обязательно. Потом – они же шли вдвоем с братом Андреем. Свита у них была одна на двоих, безусловно. Они и сами воины смелые и решительные. Больше едва ли, потому что каждому человеку нужна пища, каждому нужно кормить своего коня, каждому необходимы повседневные вещи. Получается, каждый воин не только был дополнительной защитой, но естественно, и дополнительной обузой. Вы о поваре упомянули. Наверное, правильно предположить, что повар и воином был одновременно, а не просто специалистом, который только черпаком владеет.

Омельчук: Лекарь?

Соколов: Возможно. Тот, кто по крайней мере может оказать первую помощь мазями, какими-нибудь приворотными зельями...

Омельчук: Сибирский путь Александра, насколько был опасен маршрут государственного визита?

Соколов: У монголов была создана система, которая помогала путешественникам передвигаться, система ямов и переправ через реки, но тем не менее.

Омельчук: Но ведь Великий Шелковый путь был обустроен не хуже Транссиба советского?

Соколов: Хуже. Дело в том, что хуже советского Транссиба, но в возможностях 13 века. Оставались и разбойники, которые никому не подчинялись.

Омельчук: Наверное, все же монгольский, великоханский конвой был – как раз от разбойников, от четкого прохождения всяких там таможенных застав, пограничных засад?

Соколов: Безусловно, все это было: сопровождение для путешественников, тех, кто отправлялся с посольством к хану. Александр Невский, естественно, ехал в качестве представителя государственной власти, соответственно именно в такой роли выступал. Но тем не менее... Никаких гарантий. Да простудиться по дороге можно элементарно. И никаких тебе арбидолов.

Омельчук: Об этом хождении практически нет никаких письменных сведений. Если бы какие-то особо опасные приключения случились, в летописях они могли бы сохраниться?

Соколов: Именно так. КараКорум – самый сложный вояж, безусловно. Отправляясь на столь далекое расстояние к столь серьезному правителю, обладающему очень серьезной властью, нельзя было быть до конца уверенным, что путешествие закончится благополучно. В конце концов пока он долго ехал, элементарно могла измениться политическая ситуация. Уверенным в том, что все закончится благополучно, он, конечно, быть не мог.

Омельчук: Подарки вез и берет? Если сберег и ему дали «небесный ярлык», значит ровно столько, сколько положено, привез? То есть падений все-таки, наверное, не было?

Соколов: Вы правы, если бы произошло что-то серьезное, то это должно было бы попасть если не в летописи, то в его «Житие». Во-вторых, являться ко двору великого хана без подарков не принято. Отношения Орды и Руси укладывались во многом в систему «подарок-отдарок». Подарок – это подношение материальное, а отдарок должен же быть боль-

ше, ведь это отдарок хана. Хан велик: вот тебе, дорогой гость, власть. Власть в твоей земле. «Небесный ярлык».

Ринчинов: Это мудрость по большому счету. Дальновидность. В конечном счете это позволило Александру полностью сохранить суверенитет русских людей над своими землями, политическая преемственность не была утрачена, и до настоящего времени она длится – уже до 21 века.

Омельчук: Мы можем говорить о добровольности, а не принуждении?

Ринчинов: Мудро, добровольно, гордо. Монголы к 1250 году свое владение миром уже доказали, они владели полумиром. В новых условиях ханы, князья, эмиры, местные правители встраивались в эту систему взаимоотношений. Если правитель сильный – естественно, к нему идут с большим почтением. **Конец синхрона.**

Стэндап. Хархорин. Музей.

Грандиозный макет древнего КараКорума.

Омельчук: Это великий КараКорум. Столица великой Империи монголов. Это единственная реконструкция КараКорума, существующая в мире – в городке Хархорин современной Монгольской Народной Республики. Реконструкция именно середины 13 века, когда сюда приходило первое русское посольство. По тем временам большой город. Замечательный! В городе – православный квартал, ставка великого хана, где происходили все события, и Александру Ярославичу был вручен «небесный ярлык» на княжение в Великой Руси. Скорее всего, он останавливался в славянском православном квартале. И он, и сопровождающая его дружина. Город наверняка был очень шумным. Послы стекались со всех концов Империи.

Государственный квартал, Кремль монгольский. Много торговых рядов, городское простонародье, ремесленники, даже ювелирные лавки. Женщины всех времен любят драгоценности. Православный квартал рядом с мусульманским. **Конец синхрона.**

Автор: Скорее всего, Александр получал великокняжеский «небесный ярлык» – хаана «всёя Руси» в КараКорумском дворце Удэгея, который, кстати, вслушайтесь! – назывался «Тюмен (Tumen) ам галант...», Дворец десяти тысяч лет благоденствия. Tumen. 10 тысяч лет. Как Александру толмач произнес это слово? Тюмен? Тюмен? Тюмень? В общем, и это без всяких излишних фантазий на нашу с вами, дорогие тюменцы, радость – Александр знал: он в tumen,e.

– Я в Тюмени!

Он слышал, он знал – Тюмень. Tumen здесь: 10 тысяч лет. Хорошее пророчество и для нас, тюменцев. КараКорум гарантирует: 10 тысяч лет. Понятно, это как минимум. Кстати, это можно использовать как приветствие:

– Тюмен, друг. Десять тысяч лет благоденствия, друг!

– Тюмен, Тюмень!

Мое тюменское ухо греет: Россия в Азии начинается во дворце, в имени которого я слышу: Тюмень – родина моих внушек Ани, Леры, Алисы и Аленушки.

На картах тех лет еще не обозначены ни Чинги-Тура, ни Тюмень. Но калмыцкий путь на картах, а еще лучше на глобусе – самый близкий, ближний к современной Тюмени. И явно отряд князя Александра переходил в верховьях знакомые нам тюменские реки: и Ишим, и Тобол, и

Иртыш. В истоках. Вглядимся в наши истоки. Юной Сибирью шел молододой князь Александр. Сибирский путь его подвига.

На степном горизонте – КараКорум.

МОНОЛОГ АЛЕКСАНДРА:

– Какой дворец великолепный! Десять тысяч лет благоденствия. Тумен ам галант... «Небесный ярлык» здесь вручают. Что получаю? Монголы, они щедрые: 10 тысяч лет благоденствия. Им не жалко. 10 тысяч – слишком много, да так и не бывает, но пару-тройку сотенок лет благоденствия Руси не помешает.

Здесь монголы всё терпят, всех. Рядом с нашим храмом христианским мечети магометанские. Все под Богом ходим. Веры всякие, а Сущий един. Есть ли страх? Да как не быть. Все страшно. Как у нас сказывают: налево пойдешь – голову сложишь, направо – смерть найдешь.

Страх есть, но есть и вера. Верно делаю, по правде. Бог ведет, а Бог всю правду знает. Не все поймут, многие не познают, и нынешние, и потомственные. Но делай по правде, а значит – с Богом.

Синхрон. Соколов: Государственный визит. Именно так: государственный визит в понятиях того времени. Визит правителя, который претендовал на весьма серьезные вещи. Разумеется, как государственный деятель он должен был совершить эту поездку, хотя требовалась недюжинная решительность. Думаю, мог не поехать. Но тогда пришлось бы сразу расставаться с великокняжескими амбициями. Без КараКорума невозможно стать Александром Невским.

Конечно, радости от того, что ему необходимо ехать далеко-далеко к монголам, у Александра не было. Безусловно. Когда он принимал решение, руководствовался мыслями: он князь, он должен поехать и подтвердить свои прерогативы. Но виденье и предвиденье, они у него появились в тот период, когда он уже совершил эту долгую, сложную, многомесячную поездку, когда он фактически – своими ногами – прошел расстояние, которое сейчас составляет Евразию, современную Россию.

Александр понял, насколько важно быть включенным в могучую политическую систему. У него в этот момент могли появиться мысли и предвидения, что это путешествие, совершенное им с запада на восток, возможно, когда-нибудь будет совершено его далекими потомками, настанет государственное единство, подобное тому, какое существовало в 50-х годах 13 века, но только в обратном направлении. Исходной точкой этого движения на восток станет Русь. Я полагаю, князь об этом задумывался.

Омельчук: Роман Александрович, свирепствует точка зрения, что визит Александра Ярославича – это попранная русская гордость, добровольное ярмо. Как вы полагаете, сам он это в себе преодолевал, понимая, что дальновидная мудрость стоит того?

Соколов: Я должен согласиться со словом «свирепствует» и этой точкой зрения. А почему свирепствует? Да потому, что мы смотрим из века 21-го на события 13-го столетия глазами современного поколения. Но это неправильно – в теории. Нужно понимать, что те люди жили реалиями своего века. А что было тогда с Русью? Незадолго до того северо-западная Русь пережила попытку мощного крестоносного натиска. Я же говорю, он ехал без особой радости. Но было ли это предательством русских интересов? Конечно нет. Нужно было встроиться в эту систему таким образом, чтобы просто-напросто сбросить славянскую идентичность, русскую госу-

дарственность. Русь ведь сохранила государственность: ею по-прежнему управляли те же самые князья того же самого рода Рюриковичей.

Омельчук: Можно ли говорить, что Империя монголов – это союзное государство или по крайней мере союз государств?

Соколов: Союз государств – более правильно. Разумеется, и это важно подчеркивать: при главенстве монгольского хана. Само собой в случае неподчинения – очередные налоговые набеги. Александр эту задачу безусловно решал. Он встраивался в эту систему, встроился в нее. Я бы даже сказал, что попутно (вряд ли он об этом думал изначально), но попутно им была решена еще одна важная задача на перспективу. Фактически Русь при нем оказалась включенной в общекультурный контекст многонациональной Империи. По сути это прообраз будущего многонационального государства. Я не думаю, что мое предположение слишком смелое. Александр фактически один из первых, если не первый, кто начал формировать будущее единство России. **Конец синхрона.**

– Русский Улус, Улус Орос Александра Невского – Сибирское союзное государство (ССГ) – псевдоним будущей Российской Империи.

Синхрон. Омельчук: Олег Сергеевич, как к такой версии развития последующих событий вы бы отнеслись: получая «небесный ярлык», Александр Невский начинает историю Российской Империи в Азии? , История Российской Империи начинается в Азии с хождения Александра в КараКорум. Может?

Ринчинов: Думаю, да, можно так сказать. Прививка имперскости в тот момент, наверное, и была получена, идея единовластия и, скажем так, территориального, экономического, военного и идеологического – самое главное – расширения, она все-таки тогда была получена. Российская Империя, особенно в период расцвета (19 век) находилась практически в границах Империи ЧингисХана. Кроме Монголии и Китая. Практически границы совпадают.

Я по образованию физик-математик, и для меня обязательно рациональное зерно искать, попытаться рационализировать и алгоритмизировать.

Омельчук: Империя алгоритмам не поддается?

Ринчинов: Я все-таки больше склонен к тому, что монголов интересовал Шелковый путь. А скажем, Волго-Балтийский путь, который Залеская Русь контролировала, можно считать ответвлением Шелкового пути. Монголы были первыми, первую ВТО по сути-то они создали, Всемирную Торговую Организацию. Это была их сверхзадача. **Конец синхрона.**

Синхрон. Омельчук: Мы можем говорить, что по существу, когда Александр Ярославич входит в союз азиатских государств, будущая Российская Империя родилась в 13 веке? Как замысел?

Соколов: Вы знаете, когда коллеги отвечают на этот вопрос, зачастую начинают долго рассуждать, вилять, юлить, колебаться. Я отвечу очень коротко: да. Считаю, это действительно именно так. Государственность, которая в тот период была создана, государственное пространство, изначально очерченное мечом монгольских ханов, стало трансформироваться. Оказавшись частью этой системы, незначительной изначально, Александр Ярославич был последователен в выполнении этого замысла, заложил основу для будущей Российской Империи – не побоюсь этого слова. А как же иначе?

Государственное пространство... Центр, да, на востоке. В КараКоруме. Но потом мы видим: центр государственного пространства – уже на западе, в Москве или Санкт-Петербурге.

Историк Георгий Вернадский полагал, что русскую историю можно разделить на несколько частей: сначала борьба леса и степи и победа леса над степью. Потом победа степи над лесом, как раз имеется в виду вторжение монголов. Победа леса над степью – когда было сброшено то, что иногда называют неправильно, на мой взгляд, «игом». Правильное слово «зависимость». Потом объединение леса и степи.

Вот сейчас разве можно говорить о том, что главенствующее значение занимает европейская часть России? Конечно нет. А можно ли говорить, что главенствующее значение занимает Сибирь? Тоже нет, потому что мы – единое государство. Но это с чего-то должно было начаться. Можно искать начало при Петре, можно искать начало при Иване Грозном. Но нужно смотреть в корень. Получается очевидный ответ: это Александр Ярославич и его отец, который тоже побывал в КараКоруме. Поэтому я и отвечаю на ваш вопрос однозначно да!

Обратим внимание на пространство, которое евразийцы называют Евразией, а Евразия в их понимании фактически – Российская Империя. Оно представляет собой площадь, которая просто создана жить в единстве. Так должно быть. Это ее нормальное состояние, этой территории Евразии. Созрели необходимые предпосылки, что помогло потомкам ЧингисХана объединить эту территорию, и как мне представляется, эти естественные географические условия позже позволили создать и Российскую Империю, которая сейчас существует в форме современной российской государственности, федеративного государства. **Конец синхрона.**

Синхрон. Омельчук: Представим: современный математик Олег Сергеевич Ринчинов – великий русский князь Александр Ярославич, титул Невский. 1249 год: логика русского князя, чем он руководствуется? Вот вы, Олег Сергеевич – великий князь Александр: пойду на поклон, на смирение или, коли достойнее, поговорим как достойные соратники? Или же принуждение, я вынужден, на коленях? Или просто мудрый шаг государственного деятеля, который знает, что только в союзе с сильным он отстоит свою независимость. Вы сейчас не Олег Сергеевич, а Александр Невский: Я – Александр Ярославич...

Ринчинов: Вот я Александр Ярославич, у меня реальность такова, очень непростые взаимоотношения с соседями, даже со своими родичами, которые претендуют на княжеский престол. С орденами крестоносцев, которые давят, напрямую претендуют на то, чтобы отобрать у меня вотчину, лишит меня отцовского наследства, отобрать Псков, Новгород, русские княжества забрать себе. В то же время есть сила где-то в степи: если я договариваюсь с этой силой, она берет меня под невидимый зонтик, и я сохраняю свою вотчину, в которой я вполне как суверен действую, обладаю полностью суверенной властью. Имея такую инвестицию большой силы, я могу взаимодействовать уже с сильных позиций со своими родственниками, удельными князьями, западными захватчиками. Появляется альтернатива. Это не поклон врагу – это взаимовыгодный союз. Ну почему бы нет? Почему бы – да.

Омельчук: А все-таки унижение – вопрос Александру Ярославичу – унижение русской гордости присутствует или это в реальности того времени мудрое государственное размышление?

Ринчинов: Здесь надо исходить из того, что в принципе все феодальные отношения были построены на иерархическом принципе: есть сильные, есть слабые. Чтобы стать местным полюсом силы – мне надо к более сильному прислониться. **Конец синхрона.**

Автор: Цель моего хождения в КараКорум – пробиться к подлинному Александру Невскому, к его истинно главному государственному подвигу. Это ж он подарил мне мою родину: Сибирь, азиатскую Россию, русскую Азию.

Стэндап. Берег Иртыша – путь назад.

МОНОЛОГ АЛЕКСАНДРА:

– Не власть на Русь везу – мир везу. Сильная власть – это всегда мир. На силе мир держится, а не на слабости. Мир Руси нужен, только мир. Монголы – хорошие товарищи, слову не изменяют. Только сам не обманывай, этого не потерпят. Жестоко не потерпят. Договорились по справедливости. Защита – это же работа, а всякая работа цену знает.

Хан цену не завесил, просил только срок соблюдать, ясак вовремя передавать. Непросто это на нынешней Руси, ох непросто. Но не обедняем. Дороже обойдется, коли тевтонам уступим. Жадны зело, пощады не ведают. Монголы, понятно, себе на уме, но боле простодушны, не столь коварны. Только не обмани. Тогда... Обычай у них такой, главный грех – предательство. Свой ли предал, другой. Мне поверили как товарищу. Смелый смелому должен верить. Удалось! Тяжело все, но в КараКоруме удалось. Главное – удалось. Живем союзно, друг дружку выручая. В главном сошлись: друг дружку союзно выручая, всё по правде.

Мы с тобой, брат Иртыш, нынче одной страны. Где она начинается, где кончается? Где твердь заканчивается – и на восход, и на заход, и на север – везде эта страна. Быть Руси такой. Запомни, Иртыш – до самого своего устья запомни, до океана Студеного.

О ком думаю? Думаю – о ком? О ближних? О дальних? Чувствую, юная моя Русь – на перепутье. К западу лицом – поклон. К Азии лицом – восход. Чую – надолго. На восход. Солнце подскажет, солнце не подведет.

Синхрон. Омельчук: За свою короткую жизнь Александр Ярославич совершил, наверное, с пяток точно великих подвигов. Ваш приоритет? Самый главный подвиг нашего главного русского государя?

Соколов: Если настаиваете. Я думаю, Александр первый, кто включил Русь в поликультурную систему, если угодно – многонациональную систему. Это удалось сделать ему первому. Но тем самым были заложены основы будущего великого дела – страны, в которой мы сейчас живем – многонациональной. С чего-то надо было начинать. Он начал с этого, и в этом, как мне думается, его главный подвиг.

Омельчук: Это все-таки в ментальности нашей российской предопределено, мы – единое целое Европы и Азии – изначально?

Соколов: Был такой исторический деятель 18 века – фельдмаршал Миних, с которым я склонен согласиться в следующей мысли...

Омельчук: Сидел у нас в сибирском Пелыме в ссылке, а потом был сибирским губернатором в Тобольске. Бурхгардт Миних.

Соколов: Так вот он говорил: «Россия управляется непосредственно Господом Богом, иначе непонятно, как она до сих пор существует». Я согласен. Разве это не чудо?

Омельчук: Россия – чудо?

Соколов: Россия – чудо!

Омельчук: Александр Невский – правитель не идеальный, но гениальный?

Соколов: Очень хорошее определение. Не идеальный, далеко не идеальный, он мог быть и жестоким, этого никто не отрицает. Но он был гениален. Это факт. **Конец синхрона.**

Автор: Матрица России: Александр Невский, Сергей Радонежский и «Троица» Андрея Рублева. Мне эта триада нравится. Код России.

Александр Невский не боится ошибиться, не боится быть непонятым. Не боится проиграть. Проигрыш в матрице – будущая победа. Это перекресток. Любой выбор – не ошибка, но будущая судьба. Выбор судьбы – собственный выбор собственной судьбы. Не за что обижаться на выбор Александра. Князь Александр выбирает родину – будущую Россию, Россию трех океанов, Россию трех материков, Россию трех тысячелетий. Россию – Тимен – десяти тысяч лет благоденствия.

Александр Невский – русский код истории. Всеобщей истории. Код русской цивилизации. Ключевой князь. Стратегический князь. Предвидевший на века вперед. Предтеча современной России. С заката шел воин, с восхода – победитель.

Азиатские корни России. Ими пренебрегали. Брезговали. И сегодня еще много таких осталось – брезгуют. России как бы стыдно самоидентифицироваться. В Азии. Победитель перед побежденными не оправдывается. Так устроен мир. Извиниться может. Но не оправдывается. Победа оправдания не ищет. Россия никогда и никому не проигрывала.

Хождение европейца князя Александра в сибирскую Азию – не откровенно засекреченное, но как бы спрятанное событие отечественной истории. А ведь – ключевое, первоважнейшее, знаковое. Возможно, сакральность события всегда подразумевает такую спрятанность? неясность? секретность? Предоставляя нам право расшифровывать ход событий. Сибирь – планетарное событие. Вся история моей родины – отечественная. Отечественная история. Великая отечественная история.

Автор: «Россия нигде не заканчивается», – обмолвился недавно лидер нашей с вами родины. Россия везде только начинается. Очень резонно и очень конкретно.

Но мы знаем точно, где начинается наша страна. Россия начинается с восхода. ...и восходит солнце... Русское солнце. Солнце России.

Чтобы где-то в глубинной Сибири в рабочем лесозаводском поселке Могочино на правом берегу Оби встретились и поцеловались хохол Костя и белоруска Таня, должны были произойти Великая Октябрьская социалистическая революция, успешная Столыпинская реформа крестьянского переселения в Сибирь, товарищ Сталин умеючи победить товарища Троцкого и эффективно провести всесоюзную коллективизацию. Моего отца Константина Терентьевича сослали в Сибирь как младшего из сыновей раскулаченного деда Терёши, а моя мама Татьяна Кузьмовна пришла в сибирскую деревню Сарафановку босиком в обозе столыпинского добровольца деда Кузьмы Марковича. Только благодаря всем этим великим обстоятельствам 20 века на свет появился у урожденных европейцев – моих родителей – я, азиат в первом поколении. Урожденный сибиряк. Наверное, князь Александр Ярославич меня не предвидел и не предусматривал, но своим азиатским госвизитом все же поспособствовал.

Спасибо, князь.

ПОЭЗИЯ

Сергей ДОНБАЙ

Родной язык в нас снова растревожит
И русскую тоску, и нашу прыть.
От первых потаённых чувств: «Быть может...»
И до надежды страстной: «Может быть!»

Родной язык. Мы все уйдём и сгинем.
Но строчка будет жить, ей хватит сил:
«Скажи поклоны князю и княгине», –
Так Бунин в прошлом веке попросил.

А в детстве, кто из нас, как небожитель,
Не отхлебнул из русского ковша?
Родной язык – и ангел наш хранитель,
И песня, словно общая душа,

Которую всё реже дарит радио,
Но верещит всё громче на износ.
Родной язык: «Не в силе Бог, а в правде», –
В тысячелетье прошлом произнёс.

Народа нет и не было немого.
И гордость, и смиренье на лице
Он выразит: «В начале было Слово...»,
«Пусть... будет пухом...», – он вздохнёт в конце.

Он узелок на память нам и – затесь,
Он оберег наш и – сторожевой,
Он был и есть, как Бог, без доказательств.
Родной язык – наш промысел живой.

ЧИБИС

Вале

Радости случились,
Не прошла печаль:
Позабывтый чибис
Окликает даль.

Поднимись, воскресни,
Чибис у дорог –
Пионерской песни
Давний ветерок.

И по-детски смело,
Только нам двоим,
Лето вдруг запело
Голоском твоим.

«У дороги чибис...»
Он кричит... чудак!
Радости случились,
Лишь печаль – никак...

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ ПОБЕЖДЁННЫХ НАРОДОВ

Я был туристом в стане побеждённых:
Вот немец и француз, поляк и швед.
История народов просвещённых
Не помнит громких не своих побед.

А если вспомнит, так переиначит
И уведёт, так выгодно шутя,
Что пресловутый «писающий мальчик»
Всего важнее станет для тебя.

И победитель в стане побеждённых
Не знаменитый силою медведь,
А русский неуклюжий медвежонок –
Так легче снисходительно смотреть.

Все эти карлы и наполеоны,
Нас приходившие завоевать,
Лжедмитрии и гитлеры опять
В истории народов просвещённых
Нас варварами жаждут называть.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Гроза догоняет грозу.
Сто молний в минуту блистает
На небе вверху и внизу,
И ночь непроглядная тает.

Едва поднебесный фонарь
В ночной погружается дёготь,
Как грома, берётся громарь
За ниточки-молнии дёргать.

От них приседает земля,
Деревья дрожат, как подранки,
И воеет железо не зря
Со страху на автостоянке.

И землю нагорный потоп
С небес, как возница, бичует! –
Во время библейское чтоб
Почувствовал каждый ночует.

Большая ночная гроза.
И страшно, и сыро, и сирю...
Вершится на наших глазах
Прообраз творения мира.

ВОЛЯ

Я родился, вздохнул, задохнулся и ожил:
Этот воздух, который впервые схватил,
Был густым от страданий и пыли дорожной,
Смешан с пеплом и горем Отечества был.

И входили в свободном потоке стихии
Навсегда: возраст воздуха в тельце моё,
Молодая, морозная сила Сибири –
И снега, и таежные жабры её.

Мама помнит, на сносях картошку копала...
Я не помню, когда у меня неприязнь
Появилась к той части людей, что считала,
Что спесиво считала: земля – это грязь.

Приходилось и поле копать, и могилу,
Череп в руки я брал, отряхнув чернозём...
Верю в землю родную, как в чистую силу!
Жизнь не брезгает смертью – смелее во всём!

Я тонул, но река меня не утопила...
И в награду за этот мальчишеский страх
Мне ловить пескарей без числа разрешила
И всё лето качала на тёплых плотах.

Но и я выручал в свою очередь воду:
Если в чайнике снег разогреть на костре,
То как будто стихии даруешь свободу –
Волю вольную ласковой летней сестре!

Талый чай тяжело закипает, морозно.
И до самой травы снег просел под костром.
Кружка с чаем дымится в ладонях... и можно
Быть счастливым в тайге с этим малым теплом!

Оттого, что куржак, как живой, розовеет,
Оттого, что вот здесь, как когда-то меня,
Чью-то новую жизнь соберёт и согреет
Воля воздуха, влаги, земли и огня.

* * *

Одинокая нота
Веселится в полях,
Ей одна лишь забота:
Ля-ля-ля, ля-ля-ля!

Одинокая нота,
Но не грустно отнюдь.
Ничего ей не надо,
Ничего не отнять.

Словно ей то ли дело
Под прицелом стоять,
Безрассудно и смело
Палачам напевать.

Одинокая нота
Далека, но близка.
И плывут отчего-то
Хорошо облака!

Может всё, что хотите,
А всего лишь одна.
Словно ангел-хранитель
Беззаветна она.

Одинокая нота:
Ля-ля-ля, ля-ля-ля –
Беззаботно свобода
Распевает моя.

ПРОЗА

Анатолий КОНДАУРОВ

ПЛЕСК КУИМСКИХ НЕГДЫМОВ

Куим – крохотное селенье, запропастившееся в пойменных урманах Большого Демьяна – так почтительно величают инородцы реку Демьянку, что, покрутившись несчётными зигзагами не одну сотню верст, вливается в Иртыш.

Не до лучины. В быстро светлеющих предутренних сумерках Парасковья снуёт по дому. Чуть стукнется ухват о кирпичный под, да тихонько сбрыкает алюминиевая чашка.

Родьку, разбуженного задолго до света, покачивало. Наброшенная на плечи отцовская куфайка¹ свисала до пола.

– Пушай привыкат, – сказал отец, подтолкнув сына к двери.

– Вот, не забудь, – Парасковья протянула мужу холщовый мешок со снедью.

Родьке было плохо: во дворе – сумрачно и зябко, он хотел спать и собрался было захныкать, как отец, взяв его в охапку, уложил в фургон.

Повозку трясло на ухабах; в ушах жёстко шелестела солома; отфыркивался конь, громко и недовольно.

– Но-о! Но-о! – понукал отец, шлёпая вожжами по лошадиному крупу. Он вдруг запел грустно и протяжно. Родьке запомнилось что-то вроде: «Ехал с девушкой трактом почтовым... попросила она, чтоб я песенку спел... я запел, а она зарыдала...»

Родьку убаюкивало: он освоился и с постелью, и с разными звуками и не слышал, как повозка остановилась, и отец переложил его в балаган.

Он сильно испугался, когда высунулся из припорошенной сеном дыры: небо было красным-красно, где-то орала вороны, и он был один.

– Тятя! Тятя! – жалобно позвал он.

– А-а, проснулся, помощник! – сразу откликнулся отец, возникший в балаганном проёме с литовкой в руках.

Родьке стало стыдно за свой испуг. Завидев рассевшееся на кочуге воронье, он спросил:

– Тять, а можно их, воронь, поймать?

– Да чего же нельзя: подкрадись тихонько и насыпь им соли на хвост!

Родя старался. Зажатая в кулачке соль таяла. Вороны, завидя ползущего к ним ребёнка, орала громче прежнего, снимались с насиженных мест и, сбившись в стаю, улетали вдаль. Родя, задрав голову, побежал было за ними, да упал, угодив в ямину.

– Ничего, – успокоил отец. – Получится в другой раз. Только ты, Родион, больше под ноги, на землю смотри, чем на небо...

И ещё крепко и надолго Роде запомнился вкус холодного молока из берестяного туюска с куском подового пшеничного хлеба, а также как отец приговаривал: «Коси, коса, пока роса. Роса долой – и мы домой».

Для Родиона ворошить траву – как игра. Он, орудуя маленькими грабельками, прыгал от валка к валку; озоруя, взбрыкивал, как жеребёнок.

А работы не было конца. Родя, нарезвившись, начинал уставать. Погонявшись за кузнечиками, он ложился на землю, на щекотавшую окось. Куда ни оборотись: травяные валки застывшими муравчатыми волнами разбегались по лугу от края до края.

Травостой год от года менял свое обличье: луг то затягивало кипенным лабазником, то вдруг осыпало солнцеликими одуванчиками, то сквозь метляк и зубровку пробивалась лилейными пуговками ромашка.

– Ро-о-дя! Ро-о-дя! – пулей мчалась рыжеволосая Варька, только колёнки сверкали.

– Ро-дя! Бежим скорее! Там с реки бударка татакает – нас в школу будут забирать!

Родя, поддавшись панике, едва успевал за скорой на ногу Варькой. Коровья тропа обрывалась логотины, дальше паутинками расплзалась в разные стороны.

Едва отдышавшись, Родя опомнился:

– Ты сдурела? До школы целый месяц, куда нас?..

– А я сей год в школу не пойду – мне мамке помогать надо. И ты не ходи, – назидательно добавила рыжая. – Кто управляться будет?

Они валялись на примятой траве.

– Фу! – сказала Варька. – Я ногой в коровье гавно залезла!

– Пошли на лыву, скупнемся! – предложил Родя. – Там, за лывой, ручей есть. Я тебе негдымов¹ покажу – они в осоках плескаются.

– Ка-аво? – растягивая и так большой рот, не поняла Варька.

– Тебе вру, что ли? Мне тятя давно показывал. Я тогда на покосах ишшо хотел солью воронь поймать.

– Ка-аво? – опять удивилась Варька. – Родя, ты пошто такой-то? Солью, Родя, рыбу осаливают, а не воронь.

По пути Варька сломила перестойную ветку кипрея: сверху – уже пух, только пониже на стебельке остались фиолетовые цветочки. Она пушком щекотала себе нос до тех пор, пока не расчихалась.

– Тихо, – сказал Родя. – Распугаешь.

Они склонились над водой и стали ждать.

– И чё? – не выдержала Варька.

– Да вот же они!

Из желтоватой глужи и взаправду лениво всплыла наверх стайка рыб – серых, толстоспинных.

– Я знаю, кто они, – прошептала Варька. – Это же сорожни².

– Нет, сорожни другие. Они как лапотки – широкие, и глаза и перья у них, сорожней, красные. Это точно негдымы. Жирнюшшие! Они в покосное время идут в верховые соры³, там и зимуют – тятя сказывал.

– Тятя, тятя! – разозлилась отчего-то Варька, шлёпнула веткой по воде, и она шумно вскипела разом, словно взорвалась.

– Ах! – испугалась Варька, вскакивая.

– Ну вот, – обиделся Родя. – Теперь они спрячутся...

Лыва – заросшая старица – вся в осочных берегах, только в одном местечке – чистая отмелюшка.

Варька, стянув через голову платье, первая – шлёп в воду и забарахталась.

1 Негдым, мохтик – (местн.) елец.

2 Сорожня – (местн.) сорюга.

3 Сор – озеро.

1 Куфайка – телогрейка на вате; фуфайка.

Родя задержался, возясь с портками, и... шлёп!

Накупавшись, они вылезли на берег и, подстелив домотканую одежку, улеглись: Родя, смущаясь, – на живот, беззастенчивая Варька – на спину.

Полуденное солнце жарило всюду. Нагретый воздух, густо настоянный на прибрежных травах и застойной воде, дымным маревом колыхался над старичным тюпиком¹.

Не разлепляя глаз, Родя словил паута, усевшегося ему на ухо.

– Щас я тебя самолётиком сделаю, – пообещал он насекомому. Проклолот брюшко тонкой соломинкой и, как только паут зажужжал во всю мощь, – отпустил.

– Во-о, вишь, полетел! – ликовал Родя.

– Ну вот... Надо было желание загадать, – встряла Варька.

– Како ещё?

– Родя, а когда мы вырастем, ты меня не бросишь?

Родион что-то буркнул в ответ, но Варька поняла по-своему:

– Смотри, Родя, ты слово дал!.. Родя, Родя, а у тебя на жопе родя, – зазорничала Варька, тыча вицей в ягодицу.

– А ты... – разозлился он. – Ты маленькая, а сиськи большие!

– Где? Где?

– Вот! – Родя вырвал из её руки прутик и ткнул в набухшие соски. –

Будут такие, как у нашей Зорьки вымя!

– Дурак ты, Родя. Дурак и не лечишься...

Они поссорились.

Родя схватил одежду в охапку и убежал, сверкая голой задницей.

– Дурак! Дурак! – визгливо кричала вслед Варька.

Перед домами, пока Родя суетливо одевался, обжигаясь о крапиву, Варька догнала его.

– Ладно, Родя, не скись... Пойдём у тунгуса сухую рыбу стащим, а? Слышь, он на берегу осиновку² долбит, нас-то и не увидит.

– Нет, – твёрдо отрезал Родя. – Негодно так. От чужого болести будут. Пошли лучше малину почавкаем!

Малина давно «убежала» через городьбу – разрослась аж до берега. Беспрестанно хохоча, они нагибали ветки; ягоды – горстями – в рот, до оскомины.

– Варька! Ты где носишься? А ну – домой!

Они притихли, затаившись, но тут же разбежались.

Родя оказался прав: никто и не собирался забирать их в школу.

Из дома вышли лумкоевские: высокий худой мужик из правления колхоза (он казался ещё выше от восседающей на макушке выцветшей фуражки с околышем), следом – придурочный Липитяй и обеспокоенная мать с мешком, набитым овечьей шерстью. Высокий тащил под мышкой свиную шкуру, перевязанную саргой³, а другой рукой пытался застегнуть кожаный офицерский планшет.

У Липитяя было два берестяных туеса.

– Мам, что у него? – спросил, набычившись, Родя.

– Яйца, Родя. Это ж положено так – налог на курочек.

– Яйко, яйко, – заgrimасничал Липитяй, размахивая туесами.

1 Тюпик – оконечность озера в узком месте.

2 Осиновка – лодка из цельного ствола дерева.

3 Сарга – годовой слой древесины, содранный в длину прута.

– Смотри у меня! – хрипло сказал мужик. – Разобьёшь – я те отдубасю!

– Басю-басю – отдубасю, – согласился юродивый.

Наконец высокий справился с сумкой. Увидел Родю и сказал:

– А, так вот он каков, пострелец твой. На отца смахиват.

На ходу поймал Родю длинными пальцами за макушку, больно крутанул. Родя подсел, вырвался из хватки, отпрыгнул вбок.

– Не трожь! – выкрикнул громко и зло.

– С норовом. Гляди-ка... В отца. Тот тоже всё дичился, колхоз ему нипочём, тайгу ему подавай. И чё? Щас всех на фронт прибрали...

Мать пошла провожать непрошенных гостей на берег. Родя, оставшись дома, рассматривал бумагу на столе.

– Чево им надо от нас? – спросил, когда мать вернулась.

– Чё хорошего! Налоги на нас привезли. И на тебя, и на Варьку план дали – сено ставить по сорок центнеров каждому. Вот ведро¹ бы постояло!..

В сенях зашуршало.

– Заходи, заходи, Лукьяновна. Здеся мы, дома, – засуетилась мать. – Родя, поди загони корову, да иди к Варьке, забор поправь – ихний бык забесился, всё там изнахратил. А мы тут с Лукерьей покалякаем, что да как.

Родя нашел Варьку в стайке. Шмыгая носом, широко расставив ноги, она сидела под коровой. Струи молока звонко били в подойник.

– Родя, чё делать? Моя мамка хочет к зиме в Урматку съехать. Жалко её – болеет и болеет, а там сестра ёйная... А папки наши – я знаю – уже не возвратятся...

И Варька разревелась громко, некрасиво. Корова занервничала, ударила ногой по ведру. Родя, изображая взрослого, положил руки на Варькины плечи, задумался, намереваясь сказать важное, главное, но сказал другое:

– Варь, давай завтра убежим на лыву, к негдымам. Я с травинки силку сделаю и тебе их насмыгаю. Хочешь?

Варька ревела всё тише, согласно кивала головой – хлюпающий нос мешал ей говорить.

1 Ведро – летняя сухая и ясная погода

ПОЭЗИЯ

Владимир КУШНАРЁВ

ПРО ДОМ

Продали дом –
Запустовавший, старый.
Без всяких споров
Деньги поделя,
Легко вздохнули:
Всё на место стало –
Тревоги ночи
И заботы дня.
А он, большой,
Смотря в родные спины,
Уже не слыша
Шедших голоса,
К подслеповатым стёклам
Крышу сдвинул –
Как встарь хозяин –
Кепку на глаза.

В НАЧАЛЕ

Всё дальше, дальше этот день:
Стою на мелководье –
Песок волнистый, рыбок тень,
Жара, трава, вдали плетень,
И звать меня – Володя.

Потом мне скажут имена
Травы, рыбёшек, солнца,
Реки, прозрачнейшей до дна,
Берёзы, что живёт одна,
Калины у оконца...

Ну а пока, ну а пока
На мне – картуз бумажный,
В окне застряли облака,
Да рядом бабушки рука,
И ничего не страшно!

КОЕ-ЧТО О САМОЙ БОЛЬШОЙ БЕДЕ

Когда в груди сквозит ненастье,
И все мечты горят огнём,
Я вспомню: есть же где-то счастье,
И кто-то обитает в нём.

...Но рядом дом. Там безысходность
Кому-то иссушила веки,
В окне разбитом – звёздная холодность,
И человек забыл о человеке.

...Ещё я знаю... По соседству
Живые узы продолжают рваться,
И року вопреки два сердца
Никак не могут распрощаться.

Им – тяжелей. Их путь не светел,
Чем мне, побитому немножко.
...Пойду-ка в сад послушать ветер,
Да по пути луну впущу в окошко...

* * *

Идут с севера облака,
К утру выпадет первый снег.
Затаилась земля пока,
И на ней не спит человек.

Верит он, что пролог тепла
Со снежинки начнёт отсчёт,
Что в ладони его вплыла,
Так и не превратившись в лёд...

ПРО ДОЖДЬ

Где совсем немного песка,
Взгляды где вместо слов и рук,
Терпеливо их ждёт река
С колдовским названием Ук.

Под обрывом искрится плёс,
Омут дремлет – который век...
Дождь идёт, и не видно слёз –
Вот и рад дождю человек.

Где-то женщина далеко,
Выйдя к радуге на крыльцо,
О нём вспомнит светло-легко,
Подставляя дождю лицо.

* * *

Идут часы. Стоят часы.
Шумит река. Во льду река.
В моей руке – А мы летим –
Твоя рука. В руке рука.

С УТРА ПОВЕЯЛО ТЕПЛОМ...

С утра повеяло теплом.
Мальчишки-непоседы,
Забыв про сон, оставив дом,
По талым улицам с трудом
Ведут велосипеды!

Сияют никелем рули,
Звенят, сверкают спицы...
На пяточке сухой земли,
Как трудно ни было, смогли,
Сумели разместиться.

Такие пекут кренделя
Небрежно удаль выдавая, –
Враз забываешь, что земля
Под ними кружится полдня,
А не арена цирковая...

ПОД ЗВЕЗДОЙ ИШТАР

– Ты вспомни, милая, Как это было: Земля весенняя К утру остыла, Луна ушла, И лишь одна горела Звезда Иштар По имени Венера.	– А будет так потом? – Конечно будет. О нас, влюблённых, Небо не забудет. И впредь на нём являться Станет первой Звезда Иштар, По имени Венера.
---	--

ЖЕЛАННОЕ

... А мне-то надо от тебя всего:
Положенные руки мне на плечи,
Вдвоём за чаем речи за столом,
Без всякого изыска, просто речи.
Да, вот ещё –
Предчувствий полных вечер.

ПРОЗА

Валерий МУРЗИН

ПЕРВЫЙ БОЙ

(глава из романа «Граница»)

Двадцать третье марта. Утро. Добрынину не спалось, он проснулся задолго до подъёма, когда ночь ещё боролась с зарождавшимся днём. Он сначала лежал, вслушиваясь в тишину, затем неспешно встал. Фыркая от удовольствия, по пояс умылся прохладной водой из ручья, приятно освежившей тело. Какое-то смутное тревожное предчувствие заставило его пройтись по посту, расспросить дежурившего старшину, как прошла ночь. Короткий доклад Малышева немного успокоил лейтенанта. Ночь как ночь. Выли женскими головами шакалы. Шуршали в камышах кабаны, с рассветом вышедшие к реке на водопой.

В шесть часов Добрынин, остановив жестом старшину, командовал подъём. Рота выстроилась перед палатками, полусонно шурясь. Туалет, завтрак, развод.

Солнце, как только появилось из-за горной гряды, разогнало утреннюю прохладу. К десяти утра оно поднялось высоко и плыло по безоблачному небу ярко-белым расплывчатым кругом. Стало жарко. Дождей не было три недели, что, впрочем, обычно для южного Пянджа. Трава зажелтела, пригнулась к начавшей трескаться земле.

Солдаты работали с голым торсом, их загоревшие разгорячённые тела блестели от пота. Отполированные землёй лезвия больших сапёрных лопат мелькали белыми молниями. Земля, выбрасываемая бойцами из траншеи, ложилась перед нею в ровный валик, формируя бруствер. Ветра не было. Над окопами повисла, постепенно уплотняясь, молочная пелена пыли. На позициях уже проглядывались контуры котлованов для штаба, убежища, подземной казармы и складов. Ротный ходил по незаконченным траншеям и размечал лопатой секторы ведения огня будущих огневых точек.

В одиннадцать часов Фонин окликнул Добрынина, призывно помахал рукой и скрылся в штабной палатке. Валера чертыхнулся про себя: что за новый секрет приготовил для него заместитель по воспитательной работе? Просто так Фонин не позвал бы ротного. Добрынин на входе привычным движением самодельной суконной метёлкой сбил пыль с обуви, отвёл рукой горячий брезент палатки, пригнувшись, скользнул в проём брезентовых шторок и натолкнулся на взволнованного Фонина. Не дожидаясь вопросов, Костя выпалил сипло-тревожным шёпотом:

– Валер, пост наблюдения обнаружил душманов.

– Понял, – Добрынин снизил голос. – Волну пока не гони, пусть бойцы работают. Противник должен думать, что не обнаружен. Позови незаметно старшину. А я пока на вышку. Посмотрю сам, а там примем решение.

– Добро, – лаконично ответил Фонин.

Добрынин поднялся на вышку. Старший пограничного наряда доложил лейтенанту о переправе боевиков через Пяндж, напротив времен-

ного погранпоста. Добрынин минуты две смотрел в бинокляры ТПБ-2 (оптический прибор наблюдения – пограничная труба биноклярная), но в густых зарослях камыша ничего не разглядел.

— Не наблюдаю. Направь на место, где духов обнаружил, — попросил лейтенант, отстраняясь от бинокляров.

— Сейчас... — сержант мельком заглянул в прибор, слегка повернул, вновь уступая место офицеру. — Вот они.

— Не вижу... А, вот где собака зарылась. Хорошо замаскировались.

В зарослях слегка колыхались камыши, это всё, что разглядел Добрынин. Он оторвался от прибора, вцепился напряжённым взглядом в лицо сержанта.

— Сколько их всего?

— На афганском берегу точно не определил, примерно человек пятнадцать-двадцать, может чуть больше. На наш берег переправилось около тридцати. На заставу обстановку доложил, — без нотки волнения в голосе ответил пограничник.

— Дистанция до них навскидку девятьсот, так?

— Да. Если точно, то восемьсот семьдесят метров.

Добрынин снова наклонился к прибору, подрегулировал резкость, ещё раз осмотрел место переправы и не отрываясь от бинокляров воскликнул:

— Смотри какой глазастый. Я не мог разглядеть, а ты увидел! Сибиряк?

Лейтенант перевёл взгляд на сержанта, с любопытством разглядывал сухощавого, среднего роста пограничника.

— Нет, я смоленский.

— Смоленский! Где-то на Смоленщине и мои корни есть, — пробормотал лейтенант. — Молодчина. Ведите наблюдение дальше. Если подойдут к нам ближе пятисот метров, три зелёных свистка в воздух.

— Есть три зелёных в воздух.

Добрынин спустился с вышки, подозвал старшину и заместителя. Втроем, пригибаясь, прошли по траншее к снайперской позиции. Валера показал, где переправился противник, велел старшине незаметно выводить безоружных солдат в тыл за сигнализационную систему, к очистным сооружениям.

С вышки свистнули. Валера снова поднялся наверх.

— Что у тебя?

— Тащант! — начал скороговоркой сержант. — Человек восемнадцать залегли в метрах двухстах от реки на нашем берегу, двенадцать движутся к нам, они вышли к первой ступени водозабора. Вооружение, станковый пулемёт 7,62 мм ПКМ, снайперская винтовка, гранатомёт РПГ-7, автоматы. Это только то, что я смог разглядеть. Может ещё что несут.

— Понял. Снимайте ТПБ, спускайтесь вниз. Только по одному. Потом под огнём не получится, всех одной очередью положат. Позицию займи на наблюдательном пункте, слева от вышки. На заставу я доложу сам. Приказ ясен?

— Приказ ясен. Есть снять прибор, наблюдение продолжить с НП.

Пограничники по одному, без суеты спустились с вышки. Добрынин сразу шмыгнул в штабную палатку. Связался с заставой по радиостанции. Ответил Некрасов. Валера довёл обстановку. Начальник заставы обещал помощь, но на это ему нужно было минут тридцать. Валера по-

звал замполита посоветоваться. Фонин сразу засыпал вопросами, в его голосе проскальзывали тревожные нотки.

— Что будем делать? Нас пятеро с оружием. На каждый автомат всего по четыре магазина, гранат нет. Сто двадцать патронов на нос, пятая часть боекомплекта, это на пять минут нормального боя. До подхода резервов из отряда не меньше часа пройдёт. От заставы броня подойдёт не раньше, чем через полчаса. У вертушек из московского отряда, если сейчас вызвать, тоже минут тридцать-сорок подлётное время. За полчаса нас духи разделают под орех... Что молчишь?

— Думаю, Костя. Чапай думает, — Добрынин нервно хохотнул. — Что мы имеем? У нас с тобой три бойца с оружием и двадцать девять с лопатами, одна машина. Старшине через месяц на дембель, двое бойцов полтора года служат, остальные вообще салаги без оружия, неделю с учебки. Не забывай, «бачи» вообще грозились нас лопатами забить, — Добрынин задумался на минуту, глубоко вздохнул, медленно выпустив воздух: — Сделаем так. Заберём у старшины патроны, оставим один магазин, пусть он с бойцами отходит в тыл, к развилке дорог. Мы с тобой и пост наблюдения здесь останемся. Будем тянуть время, держать духов вчетвером сколько сможем. Вот и весь план.

— Понятно... Дело пахнет керосином, — бесцветным голосом ответил Фонин.

Добрынин окликнул старшину. Малышев подбежал, сел на корточки рядом с лейтенантами.

— Эдик, магазины выкладывай, один себе оставь. Берёшь «бачей», отходишь за систему к развилке дорог. Если духи нас затопчут, придержи их у дороги сколько сможешь. Бей одиночными. Расстреляешь патроны, уходи арыком к заставе, по тылу. Мою рацию возьми. Всё понял?

— Разрешите с вами остаться, — медленно и твёрдо выговаривая слова произнёс старшина.

— Нет. Уводи бойцов в тыл, иначе всех духи положат.

— Товарищ лейтенант! Валерий Ник... — начал Малышев, но его прервал Добрынин.

— Эдик, я знаю, что ты хочешь сказать. Ответь на один вопрос. У тебя дети есть?

— Нет.

— А у меня сын, у Кости тоже. Я хочу, чтобы и у тебя были дети. Ясно? Всё! Выполнять приказ, старшина!

— Есть выполнять приказ, — выдавил старшина.

Малышев побежал по траншее, на повороте обернулся, замер всматриваясь в лейтенантов, запоминая. Добрынин и Фонин, навалившись грудью на стенку траншеи, что-то разглядывали внизу. Замполит вытянутой ладонью показывал на камыши. Старшина потоптался в нерешительности, боднул головой воздух и трусцой побежал в глубь позиций собирать солдат.

Снизу донёсся треск, словно палкой быстро провели по штакетнику. Пули веером прошли над траншеей, пробили площадку наблюдательной вышки, выщёлкивая из досок щепки. Вторая очередь ударила в бруствер между нарядом и лейтенантами, выбросив фонтанчики земли.

Тиу-ти-и-и, птиу-ти-и-и, над головами лейтенантов пропели рикошетные пули. Они синхронно пригнулись.

— Ну что, Костя, началось! Приготовились к Аллах Акбар!

— Воистину Акбар! — неожиданно выпалил Фонин.

— Ну ты завернул. Запомню, — Валера хохотнул. Взвинчивая себя, прошипел сквозь зубы злобно: — Когда в аду дровишки под котёл с душарами подкидывать буду, обязательно вспомню.

Костя Фонин растянул рот в ехидной усмешке, его глаза сузились, словно он целился в душмана. Хлопнули друг другу по плечу, ткнулись лбами больно, и эта боль встряхнула.

— Костя, у них снайпер. Больше двух секунд не появляйся в секторе. Дал очередь, сразу меняй позицию, дважды с одного места не стреляй. Траншей открыто — бегай не хочу. Рассредоточиваемся, — лейтенант интуитивно выбрал место, где вероятнее всего начнёт атаку противник, и определил его для себя: — Я на левом фланге, ты в центре, от туда можно простреливать оба фланга. Наряд на правый, там больше шансов уцелеть. Если что со мной, команду. Рация пусть у сержанта останется, связь береги.

— Не маленький. Валер, всё понял. Я пошёл?!

— Давай.

Бандгруппа вышла к глиняному зданию насосной. Внизу коротко ухнуло. Земля ответно вздрогнула. Душманы, наткнувшись на минное поле, замешкались, то ли ища обход, то ли делая проход. Пулемётчик и снайпер обстреливали пост.

Добрынин не стрелял, подслеповатыми глазами высматривал в бинокль душманов, высунувшись на две-три секунды, сразу сползал на дно траншеи, менял место, набегу отплёвываясь от пыли, висевшей в знойном воздухе.

Минут через пять прибежал Фонин, обрадовал новостью: вышла помощь. Соседние девятая и седьмая заставы поднялись по тревоге, с восьмой один бронетранспортёр пошёл по границе вдоль реки, второй тылом по шоссе через Дусти. Из отряда спешит резерв — мотоманевренная группа.

Стало легче от того, что они не одни, о них знают, к ним спешат. Пограничники сэкономили патроны, вели огонь одиночными. После каждого выстрела меняли позиции. Снайпер не давал высовываться надолго. Душманы под прикрытием пулемёта подошли почти вплотную к пограничникам, их разделяли какие-то полторы сотни метров. Очереди ложились всё плотнее, сметая в траншею жиденькие, недосыпанные земляные брустверы. К Валере снова прибежал Костя.

— Старшина вышел к развилке, всё нормально у него. Броня на подходе, в двух километрах. Вон видишь пыль.

Они выглянули одновременно и сразу скатились на дно. В то же мгновение землю вздыбило свинцовой струёй, и пули, дыхнув жарким смертным воздухом, пролетев и кувыркаясь над головами, воткнулись в тыльную стенку, обсыпав лейтенантов фонтанчиками золотистого горячего песка.

— Пристрелялись, сволочи. Видел? Кажется, броня повернула от реки к нам, идёт вдоль камыша по дороге или мне показалось? — спросил Добрынин.

— Тьфу-ты, кепку обронил где-то, — отплёвываясь и стряхивая песок с коротко стриженной головы, фыркнул Костя. — Всё правильно, Валер, они к нам повернули.

— Их же сейчас расстреляют из камышей. Не дай бог они в проход полезут в минное поле. Там же духи, они их с двух сторон в упор... бляха-муха... Костя!

— Что мы сделаем? Сотня метров по голому склону, это самоубийство.

— Костя, прикрой! Я отвлеку на себя духов.

— Ты куда? Стой! — Фонин схватил Добрынина за рукав, крикнул в спину. — Возьми ещё пару магазинов.

Добрынин обернулся, выхватил магазины, побежал, на ходу распахивая по карманам, махнул рукой в сторону душманов: прикрывай. Фонин негромко, для себя, убеждённо произнёс фронттовую поговорку Великой Отечественной:

— Сам погибай, а товарища выручай. Значит выручим.

Валера, намотав ремень на кисть, накинул сверху на предплечье автомат и пополз вниз по крутому склону, извиваясь ящерицей. Стараясь не зачерпнуть стволом землю, по неглубокой, открытой до колена траншее скатился на животе под обрыв. Осмотрелся, стена камыша закрывала от душманов. Не прячься, пробежал до трубы и с разгона, отчаянно балансируя, рванул по ней. Преодолея почти весь участок, как вдруг ноги соскользнули, и он, ударившись плашмя всем телом о трубу, едва не свалился в болото. Чудом удержавшись, прильнул ушибленной грудью к холодному металлу, закусив до крови губу, ужом заскользил дальше.

Потратив больше времени, чем рассчитывал, всё же успел вовремя. Прикрываясь камышами, добрался до глиняного забора. Выглянул из-за угла и оторопел. Впереди, метрах в двадцати, спиной к нему стоял душман, одетый в пальто-халат чакман. Бронетранспортёр, подставляя борт, поворачивал на дорогу, ведущую к насосной. Слева от башни, за люком механика водителя сидели лейтенанты, Костя Некрасов и Леша Владимиров, справа пара пограничников готовилась спешиться.

Душман поправил на голове шерстяную шапку-пуштунку, бережно положил автомат на пыльную дорогу, присел на одно колено, выверенным жестом снял с плеча гранатомёт. Добрынин выскочил, когда басмач дослал кумулятивную гранату в ствол и вскинул гранатомёт на плечо. Холодный пот выступил между лопаток. Секунда, две и на броне бронетранспортёра, разбрызгивая горящие капли расплавленного металла, раскидывая ошметки человеческих тел, вспыхнет ярко-оранжевый бутон кумулятивного взрыва.

Душмана в его бело-коричневой одежде было превосходно видно на фоне зелёного камыша. Не целясь, от пояса, лейтенант выпустил весь магазин в противника. В три секунды автомат выплюнул тридцать пуль. Яркие пунктиры трассеров впились в душмана. Добрынина оглушило собственной очередью, осыпало отскочившими от стены горячими гильзами, а ему показалось, что он слышит, физически ощущает собственной кожей, как пули глухо хлюпают, вонзаясь в тело врага.

Моджахед бросил гранатомёт, вскочил, перепрыгнул арык и скрылся в камышах. Оружие осталось на дороге. По лейтенанту в тот же миг открыли огонь. Он едва успел нырнуть за стенку дувала. Добрынин отсоединил пустой магазин, попытался засунуть его в подсумок. Руки тряслись, он не мог попасть в ячейку, колотила нервная дрожь.

«Как же так? Я в него весь магазин с двадцати метров всадил почти в упор. Не попал? Не может быть! Он что заговорённый? Я же не мог промахнуться, — сознание отказывалось понимать увиденное несколько мгновений назад. — В магазине каждый третий трассер. Я же видел, как яркие светлячки трассирующих впивались в его тело».

Тонкая, всего в полкирпича, глиняная стенка рассыпалась от пуль, чудом не зацепивших пограничника. Кирпично-желтая пыльная завеса

укрыла на миг. Лейтенант бросил пустой магазин на землю. Спотыкаясь, почти падая, скакнул за стену насосной, пытаюсь на лету присоединить магазин, и как назло не смог попасть в паз. Кувыркнулся через плечо, сел, затравленно дыша, оперевшись спиной о стену, сделал глубокий вдох, успокаиваясь, медленно выдохнул, вставил магазин до щелчка фиксатора, отвёл затвор, резко бросив его, и тот хищно звякнул, дослал зелёную гильзу с жёлтым жалом в патронник. В уши словно напихали ваты, и сквозь её давящую вязкость в голову вплывал звон, болезненно режущий барабанные перепонки.

Воздух задрожал в нервном тике. Дук, дук, дук, дук, дук... Заработал крупнокалиберный пулемёт бронетранспортёра. Почти заглушаемые его басовитым рыком, сухо трещали автоматы десанта. Добрынин выглянул на секунду. Крупнокалиберные, 14,5-миллиметровые пули КПВТ (крупнокалиберный танковый пулемёт Владимирова) вздыбили цементную пыльную пудру на дороге, рассыпались веером по кустам, охапками сбивая камыш. Наводчик-оператор и десант отгонял душманов от здания насосной станции, давая возможность лейтенанту отойти. В груди затеплело, его прикрывали свои.

Он не слышал, как с высоты поста трое пограничников расчётливыми скупыми выстрелами не давали вести боевикам прицельный огонь. Не слышал, как сержант по радиации корректировал действия боевой группы, ведь они здесь, в низине, в густых зарослях четырехметрового камыша, не видели ни друг друга, ни противника.

Добрынин замешкался, упустил драгоценные секунды, по нему стреляло несколько боевиков, он сменил позицию. Прострелил камыши одной очередью, снова выпустив весь магазин. Перезарядил и снова полосонул навскидку, примерно туда, откуда стрелял враг, автомат злобно трясся в его руках. Его быстро засекли, прижали к земле перекрёстным огнём. Душманы обходили его справа и слева. Добрынин расстрелял шесть магазинов, незнакомо задымился раскалённый ствол. Остался магазин, последний. Задуманное он выполнил, отвлёк противника на себя, бронетранспортёр цел. Пора было уходить, ещё минута-другая – и ему не выбраться из этого мешка.

Десант спешил с брони. Пограничники плотным огнём отогнали противника от низенькой постройки, за которой стонал и что-то громко кричал афганец то ли на фарси, то ли на пушту. Выбрав момент, Добрынин отошёл к болоту, прикрываясь зданием, прополз на животе по трубе. В кустах молодого камыша отдышался, собираясь с силами. Осталось, поднимаясь по крутому склону, проскочить открытое пространство.

Добрынин выждал момент, когда вновь заработают пулемёты бронетранспортёра. Рванул по открытому участку, делая зигзаги. Душманы ждали этот рывок, открыли огонь.

Пули просвистели совсем рядом. Он упал, сразу перекатился влево. Вскочил, побежал, забирая вправо, отсчитал две секунды, сходу в падении скользнул боком по земле, перекатился вправо. Кувыркаясь, он успел заметить, как на месте, где он упал, пули ковырнули землю. Вскочил, секунду бежал прямо, затем резко рванул вправо и почти сразу упал с перекатом. Пули прошли над ним впритирку, злобно взвизгнув над ухом.

«Промазали, — злорадно подумал Добрынин, — не дождётесь». Лейтенант пополз по-пластунски, сердце билось исступленно, захлёбываясь. Ему казалось, что по нему стреляет тот самый убежавший

душман, в которого он выстрелил весь магазин, и сейчас он ведёт поединок именно с ним, поединок жизни со смертью. Сзади, захлёбываясь в бесконечно длинной очереди, били оба пулемёта бронетранспортёра.

Добрынин наконец дополз до траншеи, выложившись до бессилия. С минуту лежал без движения, набираясь сил, заглатывая пересохшим ртом горячий с пылью воздух. Знакомый аромат пробился откуда-то из детства, перед его глазами на кромке мелкой траншеи встревоженно качался пушисто-сиреневый цветочек мяты. Мимолётно вспомнилось училище, ещё до присяги. На курсе молодого бойца командир взвода капитан Василий Митрофанович Шендриков их, семнадцатилетних пацанов, до изнеможения заставлял ползать по-пластунски на время, стирая в кровь колени и локти, учил передвигаться под огнём, стреляя холостыми патронами и бросая взрывпакеты поодаль. Жаль, погиб взводный в конце второго курса в нелепой автокатастрофе. Спасибо, Василий Митрофанович, за науку!

Не тронутый пеклом живой цветок мяты всё качался ободряюще: я живу, и ты живёшь, полежи рядом со мной.

Казалось, подняться было невозможно, но лейтенант, пересилив себя, сначала пополз на четвереньках мимо цветка, потом, оперевшись на автомат, встал и пригнувшись, покачиваясь пьяно, побежал по ходу сообщения. Почти перестали стрелять. Добрынин плюхнулся в окопе рядом с Фониным. Костя стоял и методично стрелял одиночными, не меняя позицию. Валера схватился за накладной карман его брюк и потянул вниз. Костя опустил на дно траншеи, недовольно уставился немигающими воспалёнными глазами. Добрынин немного посидел, прикрыв глаза, отдышался, охрипло спросил:

— Все живы? Никого не зацепило?

— Живы, ни царапины! — взгляд замполита потеплел, и он спросил участливо:

— Сам как, цел? Лицо в крови.

— А? Ерунда! Порезало немного осокой и камышом. Ты мне ответь на один вопрос. Я прикрывать просил, а вы не стреляли даже.

— Как не стреляли? Ещё как стреляли. Когда тебя прижали, сразу огонь открыли. У нас на троих десятка два патронов осталось. Носиться от ячейки к ячейке замучились. Я в жизни столько не бегал, как сейчас.

— Странно, я не слышал...

Добрынин вдруг удивлённо округлил глаза, повёл носом, приняв хиваясь.

— Костя, ты мясо что ли жарить?

— Какое мясо? — в свою очередь удивился Костя, его брови приподнялись, изогнулись дугами.

— Чуешь, горелым мясом пахнет.

Костя медленно провёл взглядом сверху вниз по вспотевшему в грязных потёках лицу Добрынина, по его мокрому в соляных разводах камуфляжу:

— Валерка, на свои руки посмотри!

Добрынин глянул на кисти рук. На левой ладони чернела полоса обгоревшей кожи, по линиям трещин сочилась кровь. На правой вздулись красные водянистые пузыри. Сразу по рукам лезвием бритвы полоснула боль. От неожиданности он чуть не вскрикнул. Сдержавшись, замычал сквозь стиснутые зубы.

— Ух, м-м, бля..., твою... Это я когда перекачивался, м-м-м, видимо за ствол раскалённый схватился. Бляха-муха. Не помню когда.

— У тебя в крови адреналина было – на троих хватит, вот и не чувствовал боль. Пойдём я тебе мазь «Спасатель» дам, перевяжу.

— Потом. Посмотрю, как там наши.

— Без нас справятся. Духи к реке отошли. Второй БТР пришёл, на ВПП стоит.

Словно подтверждая его слова, совсем близко зарокотал крупнокалиберный пулемёт бронетранспортёра, между очередями внизу глухо хлопал подствольный гранатомёт.

— Йо-хо-о-о!!! — донеслось с наблюдательного пункта.

Лейтенанты побежали к НП. Но бой уже прекратился.

— Что за крики Тарзана? Что стряслось? — спросил Костя, навалившись на стенку окопа рядом с сержантом.

— Железно, третьего накрыли. Лейтенант Владимиров с подствольного гранатомёта прямо духу под ноги гранату положил. Того через голову перевернуло, как в кино! — крикнул в ответ разгорячённый боем сержант.

Через полчаса вернулся Малышев с бойцами. Близился обед. Есть не хотелось, не было сил. Старшина принёс в штабную палатку чайник, с укоровым поглядом на лейтенантов. Добрынину не хотелось говорить, и он подумал: «Ничего, Эдик, тебе не скажу сейчас, и не смотри обиженным сычом, потом может быть скажешь спасибо, а не скажешь... Бог с тобой!»

Они пили горячий зелёный чай с таким усталым видом, словно целые сутки без отдыха разгружали железнодорожные вагоны.

* * *

ПОЭЗИЯ

Эльдар АХАДОВ

Нежное

Сквозь облачка струится свет,
Прозрачный, нежно-золотистый,
Так слову доброму вослед
Душа становится лучистой.
В дали небесно-голубой
Она, как прежде, ищет чуда...
Не плачь. Ну что ты... Бог с тобой.
Ты видишь: Он с тобой повсюду.

Голос во сне

Тот голос был так радостен и звонок,
Так пел и звал, рождаясь в тишине,
Что сердце шевельнулось, как ребенок,
Прислушиваясь к музыке во сне...
И вот оно – летит из кельи тесной
Туда – на свет, на радость поутру,
Где кружится и тает гром небесный –
Влюблённый в шепот листьев на ветру...

На пустынной площади

На пустынной площади ночной
Тихий дождь беседовал со мной.
Всё вздыхал: «Не время для свиданий»,
Всё шептал: «Опомнись и не жди!»
В поздний час меж фонарей и зданий
Бродят только мысли и дожди». —
Всё ходил за мной, не умолкая,
А потом смутился и исчез...
И огни последнего трамвая
Мне тебя доставили с небес.

Я давно ничего не боюсь

Я давно ничего не боюсь:
Надоело ходить и бояться
Языкастых соседских бабусь –
Записных дворовых папарацци,
Что там скажет подруга сестры,
Как посмотрят твои на работе...
Люди так беспощадно добры,
Подвергая друг друга заботе!
Только – что нам все их словеса –
Откровенные или не очень, –
Нам, которым одни чудеса
Заготовила щедрая осень,
Где ночами колдуют дожди,
И вздыхает листва золотая,
Каждый миг замирая в груди
И опять за окном пролетая...

Тайный свет

На земле есть истинное чудо,
Мир не знает, в чем его секрет:
Где бы ни являлась ты, повсюду
От тебя исходит тайный свет.
Он невидим равнодушным взглядам,
Всё привыкшим мерить на рубли,
Но когда живое сердце рядом
Бьётся, задыхаясь от любви,
Ты одна, окутанная светом,
Неизменно видишься ему...
И оно, признавшееся в этом,
Вслед тебе рассеивает тьму.

Снова снам не дано прикасаться к очам

Снова снам не дано прикасаться к очам,
Снова двое в разлуке не спят по ночам:
То подушка не та, то не в тему кровать!..
Им ведь некого в ней до утра целовать.
Но другим не расскажет ни он, ни она –
Отчего они оба не ведают сна...
Там, где нужно друг другу себя подарить,
Право, незачем что-то другим говорить.

Текли бесконечные капли дождя

Текли бесконечные капли дождя,
Трамваи блестели устало,
Вдруг ты оглянулась, почти выходя
Во тьму из торгового зала.
И вздрогнуло сердце моё от любви,
На душу твою откликаюсь...
А в кассах всё так же звенели рубли,
И девушки не отвлекались...

Как молния

Как молния – глаза в глаза –
Пронзительно и безнадежно
Любви внезапная гроза
Душой командует мятежно.
Кромсая плоть кипящих луж,
Отверзшаяся, словно залежь,
Она берется вновь за гуж,
Во всем надеясь на себя лишь.
Взметнется, жизни не щадя,
И стихнет, громом истекая...
Лишь в окнах искорки дождя
Да в камне жила золотая.

Ночное такси

Нам больше невозможно жить поврозь!
В тебе – моё, во мне – твоё дыхание...
Той ночью я пропах тобой насквозь,
А мир притих на лезвии сознанья.
Летело сумасшедшее такси.
Шофер косился в зеркало обзора.
Прости влюблённых, Боже, и спаси
От взоров ошалевшего шофёра!
...И шелестел букет стыдливых роз,
Собой укрыть пытаюсь безуспешно:
Глаза мои, счастливые до слёз,
Глаза твои – сияющие нежно...

ПРОЗА

Габдель МАХМУТ

МАНСУРИКУ НУЖЕН ПАПА

Малыш проснулся оттого, что услышал громкое «Тпру-у!»...

Голос был мужской, ему незнакомый.

Телега остановилась, укачавшая тряска и скрип колес, под которые Мансурик сладко проспал всю дорогу, внезапно прекратились, вокруг стало непривычно тихо. И эта тишина разбудила его. Мансур всю дорогу спал на постеленной для него телогрейке на душистом сене позади незнакомого человека, слыша его запах, новый для него. Как всякий мальчик, он невольно тянулся ко всему мужскому, поэтому даже чужой этот запах его не оттолкнул, больше того, показался близким, которым следует дорожить – ведь так долго не знал он мужских, отцовских ласк. Мужчина спрыгнул с телеги, поднял малыша на руки, тихо опустил на землю, погладил его по русой голове, сказал: «Все, Мансур, приехали! Теперь будешь тут жить». Еще не пришедший в себя Мансурик тер глаза, стоял возле телеги, переминаясь с ноги на ногу, не зная, что делать...

Сначала они жили в городе Тобольске.

По утрам мама уходила на поиски отца его, говорила, что может быть, найдет на работе. Возвращалась к вечеру, но без отца, зато с кульком мармеладок, которые очень любил Мансурик, или розовых пряников, пахнущих сладкой ванилью, которые по утрам, уже в отсутствие мамы, он ел с молоком...

Однажды мать принесла и с порога всучила своему малышу машинку с лестницей на крыше. Мансур даже запрыгал от радости. То была первая у него магазинная игрушка, на солнце она сверкала то красными, то малиновыми красками. «Теперь ты у меня пожарник!» – сказала мама. С этой машинкой, обняв ее и поглаживая за гладкие и блестящие бока, малый засыпал до утра.

В один из таких дней он вынес свою машину во двор, потянул за веревочку, увлекая за собой. Но машина часто переворачивалась или падала на бок, наскакивая на траву или комок земли. Поиграв так, Мансур обнаружил щель под запертой на замок калиткой, просунул голову. Там, за забором, бродили нарядные дядечки и тётечки. Любопытство толкнуло малыша к ним, несмотря на твердый наказ матери не покидать двор – он ведь ненадолго и недалеко будет. Мансур покатил машинку за собой, улыбка засияла на его лице: на дощатом тротуаре машина теперь не падала.

Некоторое время спустя он повернул обратно, но своя калитка почему-то никак не узнавалась, не выделяясь среди подобных, как бы старательно ни искал он. Побегав так туда-сюда, от растерянности Мансурик робко заплакал. Возле плачущего появилось несколько взрослых, они участливо расспрашивали Мансура на непонятном ему языке: «Чей ты будешь, мальчик? Как тебя зовут? Где живешь?» Но ничего из этого Мансурик не понимал, тем не менее ответил тем, что когда-то запомнил: «Там!..» Потом рядом возник дядечка в красной фуражке и повел его за

Привыкаю к твоему теплу

Привыкаю к твоему теплу,
Льну к нему доверчиво губами...
За окном всю ночь следя за нами,
Барабанит дождик по стеклу.
Впитывая капли теплоты,
Лишь тебя я чувствую повсюду
В ранний час, когда, подобный чуду,
Возникает день из темноты.

Когда тебя мои ласкают руки

Когда тебя мои ласкают руки,
Похожа ты на робких учениц,
Неискушенных в таинствах науки:
Куда и как глядеть из-под ресниц,
О чём шептать, как вздрагивать умело,
Где пауза важнее, чем жест и вздох...
Но сможет всё неопытное тело,
Когда любовь войдёт в него как Бог!

Притяжение любви

Ты ножницами рук и ног
Кроишь и раздвигаешь воздух,
И небо за глотком глоток
Искрится в радугах и звёздах,
И всё ожившее вокруг
Иного не имеет платья,
Помимо ног моих и рук,
Стремящихся в твои объятия.

Прощание с Эгейским морем

И в этот день мы тоже были там,
На яхте, с птицей утренней схожей,
Где волны льнут к просмоленным бортам
Прохладной и морщинистой кожей...
Стихал закат. Тянулись корабли,
И дальний порт темнел многоголосо...
В последний раз о море и любви
Нам пели итальянские матросы.

собой. Мансурик долго сидел в его кабинете, рассматривая картинки на стене. Тут и нашла его мама.

В городе отец у Мансура никак не находился, жизнь городская у мамы почему-то не заладилась, у родни с ними стало тесно. Мансур с мамой какое-то время отсиживались вдвоем, своим углом за всю прошедшую зиму они так и не обзавелись.

Потом пришла ранняя весна, прошли долгие дожди на всей земле...

Потом была большая река Иртыш и белый пароход, что дымил густым черным дымом над огромной трубой. Вместе с толпой туда устремились и они. После дождя глинистые тропинки на берегу стали скользкие, будто мылом намазанные. Направляясь к пароходу, мать неловко поскользнулась – они покатались под самый трап, почти до самой воды. Матросы их долго доставали оттуда. За все это время Мансур не издал ни звука, хотя было нестерпимо больно в правой ноге. Видя, что мама плачет, он подумал, что надо утешить: «Мне не больно, не плачь, инэу!» – сказал он, еще крепче сжав свои зубки, кулачки прижал к груди и молчал. В каюте тётка во всем белом резко потянула его за ногу, от новой боли Мансур даже вскрикнул и потерял сознание. «Какой же ты молодец, Мансурик, – сказала медсестра, когда он очнулся, – ты у нас настоящий герой!» «Защитник растет!» – гордо добавила мать.

После парохода они жили в татарской деревне, где мамочка ждала, пока снимут гипс и поправится нога Мансурика. Потом, когда он научился скакать на обеих ногах по отдельности, пожил в другом ауле у родственников. В каждом из них по дороге на мамину родину они тщетно искали его отца.

Все родственники принимали их хорошо только на первых порах. И безмятежная жизнь быстро кончалась, начинались упреки: «Почему не выйдешь замуж, Марьям, такую красавицу любой мужик будет носить на руках». И Мансур с мамой уходили к другим.

Но приходит конец всякому терпенью. Ведь без семьи никогда не будет и угла своего. Когда до родной Казанлы, на которую Марьям возлагала все свои надежды, оставалось пройти еще две деревни, здешняя родственница познакомила ее с новым женихом, сказала: «Если и за этого не согласишься, к нам дорогу забудь, пора за ум браться».

Поразмыслив, Марьям решила: будь что будет.

Хасан был старше на семнадцать лет, при такой разнице муж молодуху свою должен беречь и жалеть наверняка. Сам он прошел через всю убийственную войну, что не приведи Аллах – цену жизни познал сполна, значит, будет дорожить обретенной семьей. Да ведь и мастер на все руки, как рекомендуют – с таким не пропадешь. А с лица воды не пить. Что толку, что многие сватавшиеся были молоды и красивы, да не все они оказывались путевые. Ведь не со всяким хочется свить гнездо.

С последней войны недавние вояки вернулись раненные в голову, будто свихнувшись от этой войны: появились на родине, и запили, закутили, дебоширили, а в пьяном кураже как полоумные жен своих таскали за волосы, били смертным боем, как, наверное, и врагов-то на войне не били. Такие же дурные были и холостяки. Но самое противное, чего никак не понимала Марьям: такие и работать не торопились, не желали, несмотря на нехватку мужских рук везде, так постепенно спивались недавние победители. Марьям не хотела попадать в такие руки, потому и проявляла разборчивость, непонятную для родичей. Путные мужики были прибраны добрыми женами. А Хасан был не урод и не

калека. Да не дурной, как видно, чего еще искать-то? Послушалась она совета родни, они ведь тоже не желали ей худа...

...Пока распрягали лошадь, Мансурик помогал матери переносить привезенные пожитки. Он брал посильное, что вручала ему мама, и бегом относил в дом: кастрюлю, чайник, чумичку, сковороду... Своего добра они с мамой нажить еще не успели, ведь дома-то собственного у них не было никогда, как помнит себя Мансур. Все, что привезли, им выделили те родственники после того как мама согласилась с их предложением о замужестве. Ничего за это они не взяли, сказали только, что Мансур их отблагодарит, когда вырастет. Мансурик кивал, соглашаясь, и радовался, что он обязательно станет большим.

Вот так они с мамой нашли его родителя – теперь Мансур будет звать его «атам», как все другие дети, имеющие отцов.

У Хасана скарб состоял из двух мешков плотницких инструментов да фанерного шорницкого чемодана. Один из мешков был набит колодками для разных размеров обуви. Рукастый по всему Хасан, имевший нужные для любого деревенского труда инструменты, вселял уверенности Марьям. Вся одежда у молодой семьи, можно сказать, была на них. На дворе созревало раннее лето, к зиме обзаведемся всем, чем надо, мечтал каждый.

Дом, куда они определились на первое время, был старенький, но не ветхий, о четырех бревенчатых стенах да пристроенных дощатых сеней. Сени были темные, без какого-либо оконца и щелей, поэтому Мансурику тут было боязно, и он старался быстренько юркнуть в избяную дверь.

Сразу слева от двери располагалась большая беленая печь. Пол в избе был двухуровневый, из некрашенных досок. Второй высокий полсак начинался в трех шагах спереди от печки. Слева от нее светило окно во двор, откуда была видна калитка и весь участок, за которым в сотне метров всего стоял стеной кедровый бор. Передняя стена имела три окна на солнечную сторону, открывавшие вид на соседские дома через улицу, по которой новая семья прибыла сюда.

Справа от входа было большое окно с видом на широкую деревенскую площадь, покрытую зеленой травой. Вокруг этой площади располагались все казенные заведения в деревне: двухэтажные деревянные здания сельсовета, правления колхоза, контора сельпо, медпункт, магазин с летним ларьком рядом и складами, клуб в бывшей мечети, библиотека, почта – все, что полагалось центральной колхозной усадьбе. За ними шли дома жителей деревни – одноэтажные, редко двухэтажные – большие и маленькие, свежесрубленные, ветшающие, потемневшие от времени. Наверное, деревне было не менее ста лет...

Ко всему в доме оказалась немало нужной для семьи утвари. Справа от входа стояла длинная скамья. В левом переднем углу на стене висела полка-киштя для посуды, под ней к стене прислонен был круглый столик на коротеньких ножках. За печкой имелся широкий проход, где в углу висел рукомойник, внизу стояло порожнее ведро-ашлау для использованной воды. Внутри печки новая хозяйка обнаружила деревянную печную лопату, ухват с длинной ручкой. В сенях стоял большой ларь с откидной сверху дверкой. Хасан же обнаружил в сенях инструменты, нужные во дворе и огороде.

Дом прежние хозяева оставили чистым, с белеными стенами и печью. «Спасибо вам, люди добрые, – мысленно благодарила их новая хозяйка, – пусть будут долгими дни ваши! Может, и мы найдем здесь

счастье свое», – с этими светлыми думами Марьям сбегала за водой, и большим шорницким ножом Хасана начисто, до желтизны досок, выскребла весь пол...

К вечеру вся деревня уже знала о новой семье в этом доме.

Первым зашел проведать их сосед Туллакя, живший через улицу в двухэтажном стареющем доме, пришел с небольшой деревянной кадкой в объятиях. Тихо зашел, поздоровался по-мусульмански:

– Ассалям агалейкем, новые соседи!..

– Вагалейкем ассалям, Туллакя! – ответно поприветствовали жильцы. «Кум-кум», – вставил по-своему и Мансурик.

Сосед улыбнулся, погладил малыша по голове, сказал:

– Мира и благоденствия вам, уважаемые соседи!..

Новые хозяева дома соседа этого близко до сего дня не знали, но были наслышаны, все же сами тоже родом из этих мест, Приагитских. Это был бывший деревенский мулла со схожим духовному званию именем Тулла, еще до войны лишенный мечети, где проповедовал, и единственный во всем ауле участник той еще германской войны, что предшествовала революции. У татар часто сложное имя человеку упрощают. Может, его звали Айзатулла, или Зиннатулла, Рахматулла, или еще как-то. Но никто полного его имени уже не помнил и даже не интересовался.

Несмотря на то, что уважаемый в ауле человек хорошо знал каноны веры, Туллакя никого не поправлял. Он сказал новым соседям, чтобы обращались тут же, если нужда возникнет, по любому поводу – поможем, чем можем, и добавил, что его хозяйка сегодня же принесет им занавески на окна, одеяло и подушки, оставшиеся без применения после отъезда семьи сына из этого дома. Как же без них-то, сказал, и со словами «Бисмилла иррахман иррахим» ушел, оставив принесенную с собой кадушку для теста, а с ней и добрую надежду на дружную жизнь рядом. Семейка молча посмотрела друг на друга да развела руками. Марьям прослезилась, ведь доброе слово лед плавит, такое начало очень порадовало семейку.

Вот таким запомнился Мансурику первый день в его новом ауле. С появлением отца он обрел теперь и дом свой, и родину...

И потекли дни их совместной новой жизни.

Они были намного радостнее и безмятежнее, чем предыдущие. Всякие первые трудности, что вставали здесь, были не в тягость, а только разнообразили жизнь. Много чего еще нужно было молодой семье, но вешать нос причины не было, ведь как говорится, щепка к щепке льнет – со временем все, что надо, у них будет непременно...

Виктор КОРОБЕЙНИКОВ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЭКСПРЕСС

(необычное знакомство)

*Рассказ воспроизводит
фактические события*

Карантин по коронавирусу многие из пенсионеров проводили на дачах. Так поступил и я. Однажды в мой скромный дачный домик вошел сосед. Это был высокий, седовласый, крупно сложенный, с уверенным, даже властным взглядом человек. О своем возрасте он никогда не говорил, но как-то при случае упоминал, что в конце Великой Отечественной войны ему было 14 лет. Обычно сосед больше молчал и слушал, кратко отвечая на вопросы. На этот раз, к моему удивлению, он быстро и горячо разговорился.

– Много в жизни было событий. Большинство со временем забывается. Однако бывают такие необычные, нелепые, даже неприятные, что забыть их не можешь, а рассказывать о них вроде как ни к чему. В молодости было у меня подобное происшествие. Всю жизнь в себе проносил, никому слова о нем не проронил. Теперь ночью не спится, перебрал снова все в памяти, и думаю, что при нынешних обстоятельствах может даже это кстати будет.

Послушай, может, что рассудишь.

В то время я занимал солидную должность и находился в командировке в Москве, моя жена повышала квалификацию на месячных курсах в Ленинграде.

Деловые встречи в министерстве закончились на сутки раньше намеченного срока. Я решил воспользоваться свободным днем и навестить жену.

Переделся в летнюю спортивную форму, чемодан (тогда было принято ездить с чемоданом) с документами и официальным костюмом сдал в камеру хранения гостиницы.

На вокзал отправился пешком. Настроение было прекрасное. Шел бодро, гордо подняв голову, не без удовольствия ловил на себе взгляды молодых женщин.

«Стрела» – так назывался скорый поезд, который отправлялся в полночь и находился в пути всего шесть часов. Вагон был оборудован по трамвайному типу – сиденья по обе его стороны с широким проходом посередине. Усевшись в удобное кресло, я незаметно задремал.

Разбудили меня довольно громкие, невнятные, испуганные вскрики. Послышались недовольные замечания пассажиров. Кричал сидящий напротив меня мужчина средних лет. Я решил его успокоить.

– Товарищ, нельзя ли не шуметь? Вы не один в вагоне.

Кричавший встрепенулся и уставился на меня. Наши взгляды встретились. Вдруг глаза его округлились, лицо побледнело, исказилось, и он дико закричал.

– А-а-а! Я узнал его! Это он! Палач!

Мужчина вскочил на ноги и двинулся ко мне, громко повторяя:

– Хватайте его! Это убийца! Он никого не пощадит!

Сидящие в вагоне уставились на меня, многие со страхом и даже с ужасом. Это было неудивительно. После войны прошло едва более десяти

ти лет, военных преступников выловили еще не всех, и нервы у людей были напряжены.

Чтобы разрядить обстановку, я решил выйти покурить. Стоило мне протянуть руку в задний карман брюк за сигаретами, как мужчина бросился на пол и закричал:

– Спасите! У него пистолет! Он убьет меня!

Стиснув зубы, я направился к выходу. Мне еле удавалось сдерживать себя. Хотелось зажать ему рот и усадить на место, но это было бы уже насилие. Откровенно говоря, я сильно растерялся и не знал, что нужно предпринять. Едва ли кто-то другой на моем месте чувствовал бы себя лучше.

Уединившись в тамбуре, я облегченно закурил. Не успел затануться, как дверь открылась, и появился мой преследователь.

– А-а! Прячешься? Теперь не уйдешь!

Нервы мои больше не выдержали. Я сорвался на крик. Замахнулся на него.

– Замолчи! Отстань!

Он кинулся от меня как от огня, вытянув вперед руки.

До сих пор не могу понять, как и почему противоположная дверь тамбура оказалась незапертой. Кричавший открыл ее и остановился в проёме. Ворвавшийся ветер ударил в лицо, четкий стук колес превратился в грохот.

Вагон качнулся, и стоящий упал. Одна половина его тела лежала на полу, вторая была снаружи. С ужасом я заметил, что ноги его уползают из тамбура. Не помню, как бежал и, падая, успел схватить его за ботинки. В этот миг он сорвался и повис в воздухе. Мне удалось упереться ногой в косяк двери. Теперь я вцепился в него обеими руками и кричал:

– Держись, хватайся за подножку!

Но он безвольно висел. Видимо был в шоке. Превозмогая себя, я таскал его кверху, а сам боялся – как бы не сорвалась моя нога. Тогда мы оба улетели бы под откос. Сколько продолжалось это “спасение”, и сегодня сказать не могу.

Пришли в себя на полу посреди тамбура. Мы лежали, крепко обняв друг друга, и тяжело дышали. Первым встал кричавший, безумно огляделся и шатаясь ушел в вагон.

Я еле встал, закрыл дверь, прижался лбом к её прохладному стеклу и замер без дум и мыслей. Отдышавшись и успокоившись, вернулся в вагон. Первым делом осмотрел кричавшего. К моему удивлению, он мирно спал, слегка закинув назад голову. Постояв около него, я тихонько вернулся на свое место. Уснуть не смог, а погрузился в какую-то полудрёму. Очнулся, когда поезд остановился. Мой необычный сосед был уже на ногах. Он пытался с кем-нибудь заговорить. Однако пассажиры проходили мимо, делая вид, что не замечают его. Он растерянно оглядывался. Я подошел к нему.

– Доброе утро! Вы меня не забыли?

Удивленно взглянув на меня, мужчина язвительно ответил:

– Считаете, что мне нужно помнить всех, кто находился в вагоне? Я вас не знаю, но готов познакомиться.

Я был ошарашен. Глупо стоял, не зная, как выпутаться из создавшегося положения. Решил плюнуть на все расследование, уйти и навсегда забыть это безобразное событие. Повернулся к нему спиной и вдруг услышал:

– Молодой человек, не уходите, прошу вас! Помогите мне достать чемодан с полки. Забросил, а снять не могу.

Он показал мне правую руку. Это был протез в черной перчатке.

Я оторопел! – «Как же мог не заметить такое?»

Не говоря ни слова, снял чемодан и вынес его из вагона. Мужчина протянул к нему здоровую руку.

– Спасибо. Теперь дотащусь как-нибудь до трамвая!

Я снова подхватил чемодан, и мы вышли в город. У меня не находилось слов, чтобы начать разговор. В голове застряла мысль: «Неужели он ничего не помнит? Пусть не узнает меня, но забыть все невероятные события прошедшей ночи? Неужели это возможно?»

К моему удивлению, мужчина оказался добродушным и разговорчивым. Благодарно поглядывая на меня, он рассказывал:

– А я, знаете, у сестры гостил в Подмоскovie. Пока до поезда добрался, упарился весь, еле в вагон залез. Как бухнулся в кресло, так и уснул до утра. Сиденье хоть и удобное, но не кровать. Спина заболела утром – как отшибленная. Вы видите спортсменов? На соревнования спешите?

Не желая разговорами затягивать встречу, я согласно кивнул головой, а провожаемый продолжал рассказывать:

– А я совсем в юном возрасте руку потерял. Партизанил под Харьковом. Подрывали немецкий эшелон с пополнением на фронт, а мина не сработала. Я решил подорвать ее гранатой. Добежал, бросил и больше ничего не помню. Говорят, взрыв был невероятной силы. Видимо, среди пассажирских вагонов был грузовой с боеприпасами. Они так бахнули, что все вагоны разлетелись по сторонам. Очнулся я в грузовике. Валяюсь в кузове, кругом немцы-солдаты. Привезли в город, Чугуев называется. Здесь и пытали три дня.

– Где отряд базируется? Сколько бойцов? Какое оружие?

Мучили полицаи-украинцы. Двое держат, третий издевается. Он топор к горлу приставил мне и смеётся.

– Я Гриша Билык, убивать привык. Будешь молчать, изрублю на куски, собакам скормлю.

Провожаемый вдруг даже приостановился, поднял покалеченную руку и злобно почти прокричал:

– Эту рожу, этого бандеровца забыть не могу, так и стоит перед глазами. Он лысый был, на нем тубетейка всегда была белая.

Я чуть чемодан не выронил от неожиданности. Дело в том, что сутки назад я ездил на экскурсию в подмосковный совхоз. Жара стояла невыносимая, и каждому из нас подарили легкий беленький чепчик. В поезде я не снял его, а во время нашей борьбы в тамбуре он вылетел за двери. Неужели маленькое безобидное подобие шапочки так всколыхнуло память этого человека?

Мы уже подходили к остановке, а мой спутник все продолжал говорить:

– Два дня били и мучили меня полицаи. На третий Гришка пальцы на руке отрубил, а потом и всю кисть. Я потерял сознание, они решили, что умер, выволокли и сбросили с высокого обрыва в речку. Утром подобрали меня на мели два старых рыбака, лечили всё лето, а осенью проводили к партизанам. Воевать я уже не мог, за лошадыми ухаживал.

Он поднялся в вагон, трамвай тронулся, я смотрел ему вслед. Знакомый стоял у окна и прощально махал мне рукой...

Закончив рассказ, сосед глянул на часы и торопливо встал.

– Пойду к себе, телевизор включу. Бандеровцы бьют и бьют по Донецку, ни старых, ни малых не щадят. Пойду, надо посмотреть, как там дела на Украине.

Сосед накинул на плечи куртку и пошёл к себе смотреть новости.

КОМАНДИР ШТРАФНОЙ РОТЫ

Наверное, нет на свете ничего более грустного и умиротворяющего, чем старое деревенское кладбище ранней весной. Летняя жизнь ещё не обозначилась, а вечность заполнила скорбным молчанием и запахом прелой прошлогодней растительности весь этот припавший к речке, пригорюнившийся сосновый бор.

Когда-то здесь собирались мы – родственники в один день по сговору со всех сторон страны, а теперь по несостоятельности приезжаем к отцовской могиле поодиночке с какой-нибудь оказией. Вот и в этот раз через много лет я с попутной машиной добрался в родной поселок и пришел на погост.

На одном из скромных памятников, стоящем над плохо ухоженной могилой, я вдруг увидел выцветшую фотографию, вид которой заставил меня остановиться. Эти веселые честные глаза, необъяснимо обаятельная улыбка были мне очень знакомы. Память молниеносно вернула меня на несколько десятилетий назад, ко времени встреч с этим человеком, которого я знал.

Он появился в поселке года через три после окончания войны. Высокий, крепкий, красивый, всегда в гимнастерке, брюках-галифе и хромовых блестящих сапогах. Когда он надевал свой парадный офицерский китель, вся грудь его была увешана орденами и медалями. У него была необычная для наших мест семья: жена – молодая пышнотелая узбечка и двое детей – мальчик и девочка, которые не унаследовали от отца ни одной русской черты. Они были смуглы, черноголовы и черноглазы, как мать.

Мы жили по соседству, и несмотря на значительную разницу в возрасте, я больше, чем другие парни, имел возможность общаться с фронтовиком. Когда стало известно, что он был командиром штрафной роты, многие пытались узнать подробности его боевой жизни, но получали в ответ шутки или молчание. Однако мне иногда удавалось услышать его краткие рассказы во время редких деревенских застолий, где собиралось несколько соседей-фронтовиков и солдатских вдов. Говорил он кратко, негромко, как бы стесняясь или боясь осуждения.

– Принял я роту после тяжелых боев, когда от нее одно название осталось. Поступила команда получать пополнение. Взял я двух автоматчиков и прибыл на станцию, а там грузовой эшелон и охрана с пулеметами и собаками. Отсчитали мне три вагона – забирай. Двери откатили – вылазит пополнение. Показалось мне, что достались в тот раз одни урки. Кое-как собрали их в колонну и двинулись вперед. Вижу, один бритоголовый что-то все крутится и вроде как команды другим подает. Отошли километра два, и отряд наш стал рассыпаться. Одни отстают, другие в стороны отходят. Сколько ни кричу – никто не слушает.

Автоматчики мои заволновались. На меня оглядываются. Этот плешивый почувствовал смену обстановки и, сдирая рубаху, заорал:

– Кореша, их всего трое. Берем у них оружие – и айда в поле! Тама разберемся.

На этом месте Василий Борисович обычно опускал голову к столу, лопатки его оттопыривали на спине гимнастерку, и он некоторое время молчал, справляясь с волнением. Затем, заглядывая каждому слушателю в глаза, хлопнув ладонью по столу, произносил хрипловато, как бы подводя итог:

– Вот ведь гад какой! А?

Окончание этого события он излагал как бы с сожалением. Говорил как о неизбежной беде, опустив глаза в стол. Слова звучали приглушенно и бесстрастно, как горестное признание.

– Вижу: дело швах. Нас перебьют и сами разбегутся. Кинулся я к нему, он на меня. Такой бугай наглый, лет под пятьдесят, а мне только-только 22 исполнилось. Закипело все во мне от обиды. Нет никакого страха, одна обида и злость.

Он коротко вздохнул, вяло махнул рукой, как бы отгоняя назойливую муху, и закончил:

– Выстрелил я ему прямо в лоб и бегом мимо него в самую середину толпы. Гранату выхватил и кричу: «Я, Вшивков Василий Борисович, всех перебью, жизни не пожалею, но будет по-моему. Равняйся! Смирно!».

Держу гранату над головой и шагаю вдоль строя. Сразу все притихли, двинулись дальше. Так и дошли до расположения части, а там уже охрана нас встретила.

Иногда кто-то из слушателей, неуверенно разрывая установившуюся за столом тишину, спрашивал:

– А еще-то приходилось стрелять? Или как?

Василий Борисович в таких случаях осматривал интересующегося несколько обиженно, даже с упреком, и отвечал как-то двусмысленно, вроде того, что «война – это тебе не игра». После этого обычно вставал и, выйдя на крыльцо, закуривал «Беломор». Когда он возвращался, за столом опять воцарялась тишина, и снова спокойно звучал его голос:

– Как воевали? Известное дело – штрафная рота, всю дорогу то на заслон, то на прорыв. В наступлении до победы, в обороне – до конца. Два случая было, когда немцы в наши окопы врывались. Оно ведь как? Наступающие сначала приближаются перебежками, а метров за 50 – вперед броском. И все время палят. Добегает немец до нашего окопа, а патронов у него уже в автомате нет. И нам некогда с пулеметами вороваться. Вот тебе и рукопашная! Страшное это дело. Как во сне. В себя приходишь только после схватки, а тут уже вторая волна немцев наступает. Бывало, что и убитых из окопа вынести некогда. Так по ним и бегать приходилось.

– Господи, страсти-то какие, – шептали бабы, а бывшие солдаты подтверждающе кивали головами.

– Дисциплина какая была? В бою все как один. Опасность сближает. А так – всякое бывало. Некоторые не подчинялись сначала. Бывало и хуже. Один раз сижу на дереве с биноклем, сверяю карту с местностью. Знаю, что скоро идти в наступление. Вдруг из нашего же окопа очередь из ручного пулемета прямо по мне. Еле успел спрыгнуть вниз.

Одна из слушательниц глухо ахнула.

– Да кто же это подлец такой?

Василий Борисович бросил на нее быстрый взгляд и улыбнулся своей приятной улыбкой снисходительно и добродушно.

– Нашли этого стрелка быстро. Смотрю – совсем пацан. Дрожит и слезы на глазах. Кто-то, думаю, заставил его. Наверное, уголовники запугали. Я ему говорю: «Что же ты так безобразно стреляешь? С полсотни метров не попал. Так нельзя... В наступление рядом со мной пойдешь, и чтобы стрелять как положено. Без промаха!»

Рассказчик бросил в рот папиросу, склонившись над спичкой, прикурил, затянулся и вновь заговорил, одновременно выпуская дым:

– Ранило его в том бою. Тяжело. В живот. Несут его на плащ-палатке, а он плачет и смеется: «Командир! Я теперь свободный. Больше не штрафной...».

– Каждый знал, что искупить вину можно только своей кровью или гибелью. Какова вина, неважно, – цена для всех одна.

Чаще всего рассказ прерывался неожиданно. Василий Борисович смолкал, долго смотрел в одну точку, потом, как бы очнувшись, вставал и уходил в школьное общежитие со словами: «Ладно... Пойду в свой «гарнизон».

Вспомнился мне и доверительный разговор его жены с моей матерью:

– После войны Васю назначили комендантом одного маленького городка в Германии, а я у него переводчицей служила. Там мы и поженились... Добрый он очень и доверчивый. Думает, все кругом такие же, как он, искренние. Когда комендантом стал, хотел всем помочь. Бывало, придет военный и говорит, что он летчик, который бомбил город при наступлении нашей пехоты. Василий весь загорится.

– Спасибо, друг, ты нас крепко поддержал с воздуха.

И пишет на склад, чтобы выдали герою-летчику костюмной ткани. То одежду даст, то продуктов. Потом оказывалось, что всем этим на толкучке торгуют бессовестные люди.

С трибуналом местным тоже дело не пошло. Иногда возьмёт солдат на развалинах какую-нибудь одежду, или часы, или аккордеон. Бывало, что и патефон старый. Его судить – за «мародерство», а Василий опять бежит:

– Вы что? Боевого воина за тряпку расстреливать? Так нельзя... Я с ним поговорю, он больше не будет. Сами-то небось и фронта не нюхали, все по судам командуете.

Прямота эта многим не нравилась... В общем, полгода всего и поработал он, а потом другого прислали. Нас перевели в воинскую часть, но и там он не ужился. Однажды ожидали какого-то генерала, готовились к парадному построению, и старшина разбудил роту раньше времени. Вася, когда узнал, что его солдаты недоспали, накинулся на старшину:

– Ты что творишь, кукурузная твоя харя? Разве можно у солдата полчаса сна отбирать? Это святое время отдыха, а ты его украл. Все! Больше я с тобой не служу. Я тебя отстраняю!

Женщина помолчала, опустив голову, а когда подняла глаза, на лице блуждала грустная улыбка, и она закончила рассказ:

– А вышло все наоборот, Васю отстранили, а старшина остался. Хорошо, что сюда устроился в профтехучилище военруком. Все-таки он вроде как командир. Ему всегда о ком-то заботиться нужно. О себе он и не думает никогда. Не напомни ему, он и про еду забудет – все бы только с учащимися занимался.

Воспоминания мои были прерваны звуком тихих шагов. Оглянувшись, я увидел рядом с собой старую женщину. Худое лицо с тусклыми глазами, поношенная старомодная одежда говорили о её трудной небла-

гополучной жизни и слабом здоровье. Она заговорила со мной первая глухим, бесцветным голосом.

– Я тут живу рядом. Смотрю – человек стоит долго одинешенек. Кто, думаю, такой? К кому пришел?

Представившись, я спросил ее, не знает ли она, когда и как скончался Василий Борисович.

– Как не знать. Я вместе с ним в училище работала. Воспитателем. Он всё меня сестренкой звал, потому что я тоже всю войну на фронте санитаркой была. Погиб он, голубчик наш, неожиданно и негаданно.

И она, часто замолкая, чтобы с трудом передохнуть своей слабой грудью, поведала мне следующее:

– Однажды на железной дороге охранники вагонов разодрались с нашей милицией. Не поделили что-то, а те и другие с оружием. И учинили перестрелку. Василий Борисович, когда услышал это, и говорит:

– Вот глупые. Сами себя перестреляют и невинные могут пострадать. Так нельзя...

Да и помчался туда. Спрыгнул прямо в середину стрелявших с крыши вагона.

– А ну! Встать всем по форме. С вами говорит Вшивков Василий Борисович! И не вздумайте сопротивляться. Всем сдать оружие!

Он подходил к каждому, выхватывал из рук карабины и ставил их к вагону. Затем сгреб нарушителей в кучу и гаркнул так весело и командно, как умел это делать только он один:

– Прямо! Шагом марш!

Необычная колонна двинулась к зданию небольшого вокзала, где засела группа стрелков железнодорожной милиции. Когда половина пути была уже пройдена, с их стороны вдруг прогремел выстрел. Кто-то из стрелков, не разобравшись в ситуации, неожиданно спустил курок. Василий Борисович остановился и схватился за грудь. Между пальцев брызнула кровь. Он посмотрел на ладонь и удивленно произнес:

– Вот тебе и раз!

Конвоируемые обернулись к нему и тоже остановились.

– А ну, грешники, не крути башками. Вперед смотри!

И он вновь зашагал к вокзалу. Ему было тяжело, и арестованные подерживали теперь его со всех сторон. Шагов через десять он упал, потеряв сознание. Он метался без памяти ещё несколько минут в здании вокзала, куда его перенесли. В последний раз, поднявшись на локтях, он крикнул в бесконечность:

– Знаменосец, вперед! Рота, в атаку! За мной!

Это были его последние слова. Закончив рассказ, женщина замолчала. Тишина вновь сковала все вокруг, и только весенняя капель булькала в лужу, как редкие мужские слезы.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Елена АУШЕВА

АКВАРЕЛЬНЫЙ ГОРОД

Мазками белой кисти	Слепят меня до слёз.
По небу облака,	И птичья трель
И в серебре искристом –	свирелью
Неспешная река.	Звучит: куплет к
Прядут золотые нити	припеву,
Сквозь изумруд берёз	А я в молитве славлю
Солнечные блики	Божественную Деву. . .

Музыка сердца – ритм барабана.
Заперто в клетке. То поздно, то рано
Мы различаем звучание пьесы,
Шёпот мелодии, что повсеместно
С нами: струною натянута утро,
Отзвуки вальса – в снегу перламутром,
Розовой шалью – шуршанье заката...
Ты был глухим, но услышишь когда-то
Птичьи напевы, воды переливы,
Тихого шёпота странствий мотивы.
Сердце живёт в удивительном ритме!
Пеньем на сердце прольётся молитва –
Вечный оплот, и штурвал, и причал.
Так ты услышишь Того, Кто позвал.

В окне растворяются гранулы ночи,
Фонарных рядов погасив многоточья.

Потеря висит вечным знаком вопроса:
Зачем? Тротуар в окруженье торосов

Покрыт хрупкой плёнкой хрустального льда –
Хрустит под ногой. Проступает вода.

Шаг робкий скользит, не нащупает сушу,
А ветер тоскливый нальёт горя в душу.

Весенняя боль однобока, жестока –
Природа скорбит об ушедших до срока.

Смерть жизнь зачеркнёт. Мир застынет нелепо.
Заплачет дождём повзрослевшее небо.

Утро бывает синим,	Краски небесной лазури
Цвета густой акварели:	Шуршат переливом шелков:
Кобальт застывших линий,	Над миром, спасая от бури,
Индиго – поверх пастели.	Раскинут защитный покров.

Акварельный город

Лица прохожих размазаны губкой
Мокрого снега.
Большой незабудкой
В небе раскрылась вне времени Вега,
Ярким лучом
Отвлекая от бега,

Свет посылала на город из краски, –
Только напрасно! –
В надвинутой каске
Туча держала вокруг оборону.
Кисть, задрожав,
Обронила ворону,

Вывела деревья скрюченный остов –
Чёрный, нагой,
И заснеженный остров
Сказки лесной,
Зеленеющей зябко.
Кляксами хлопья текли для порядка...

Серым вопросом возникла дорога.
Где-то ответы. Где-то у Бога.

Бог так далеко! В облаках – Он, наверное, там.
Отчаянно ищешь Его по заветным местам,
Пьёшь воду святую обид, растворяя в себе благодать,
Теряешь легко из того, что не жалко отдать.
Ты чётками щёлкаешь серыми будничных дней,
Ты с Богом на ты, говоришь все смелей, все слышней, –
Ты молишься громко. Но что ж серафимы молчат?
Гремит Херувимская, падая в робкий закат.
Как Бог далеко...
Позабытый намоленный храм.
Глядишь в небеса, где вспухает белеющий шрам,
В израненной выси – кресты, золотые кресты.
Чело осеняют привычно знаменьем персты.

**Пожар в Соборе
Парижской Богоматери**

Пылает храм. Готические шпили
Окрашены в кроваво-алый цвет.
С мольбой о помощи, как стрелы, в небо взмыли.
Стропил обугленных торчит худой хребет.

Пылает храм. Витраж вспухает шаром,
Взрывает треском лопнувших надежд.
Столетний мир сжирается пожаром,
Огонь облизывает край святых одежд.

Пылает храм, завязший в паутине
Губительных строительных лесов.
Каким же инквизитором, скажи мне,
Ты осуждён на казнь в огне костров?

Пылает храм. Святая Божья Матерь,
Храни наш слабый человеческий род!
Душа пылает. Знает лишь Создатель,
ЧТО с храмом этим навсегда уйдёт.

Волхвы в пути

Волхвы в пути. В предчувствии рассвета
Сердца магнитом тянет на Восток.
Лучится небо, в звёздный шлейф одето,
С высот струится благодати ток:

Он исцеляет древнюю равнину,
Выглаживает колкость злых ветров,
Готовит сердце к переменам дивным
И вдаль ведёт. Ведёт вперёд волхвов –

К смиренной Деве и к спасенью Мира,
Что спит в яслях. Младенца сладок сон!
Ему подносят золото, ладан, смирну –
Перед Царём склоняясь в унисон.

Январским вечером – морозным, ясно-звёздным,
Отринув суету и дел поток,
Забьётся сердце – тихо, осторожно –
Когда я взглядом отыщу восток.

Ветер странствий

Гудит в ушах, как будто перед взлётом:
Он нарастает, мерный ровный гул.
Я шаг ступлю – и вмиг водоворотом
Закрутит ветер странствий. Он подул.

Все главы – прошлое. И будущее зыбко,
За ветром гонится упругое шоссе,
Я старт встречаю сдержанной улыбкой,
Стою на длинной взлетной полосе.

В багаж отправились сомненья и заботы.
Мечты окрасились в закатный мягкий цвет.
Сомкнуты веки. Ветер странствий – кто ты?
Гудит в ушах вопросом твой ответ.

* * *

Мои слова упали медным звоном,
Осыпались шуршащею листвою,
Растаяли печальным тихим стоном,
Они ушли, их больше нет со мной.

Завесой плотной наступают звуки:
Гремят, бряцают, воют, шелестят,
А я страдаю от безмолвной муки
В бурлящий день, в стихающий закат.

Звенит ночная бездна дрожью звездной,
Настраивая вечный камертон.
Душа скользит горящею кометой,
Стих возводя на низкий небосклон.

* * *

Напиши мне письмо в пару строк: Как над городом царствуют тучи, Как шагаешь с утра за порог, Зонт сегодня не взял «на тот случай».	Напиши, будешь как коротать Куцехвостый обыденный вечер, Книг страницы ты будешь листать – Грусть тебе тихо ляжет на плечи.
---	--

Напиши мне о раннем пути В постаревшей от дрязг электричке, Про перрон, где спешишь ты сойти, Как бежишь ты в метро по привычке.	Перед тем как письмо отослать, В мире странствовать белой птицей, Подпиши, словно ставишь печать: «Верь, со мной ничего не случится!»
---	--

Евгений МАКСИМОВ

* * *

Вдохновение любит
упорных,
Злому року
времён непокорных,
Образованных,
добрых натур.
Верных слуг
языка и культур.
Терпеливых.
В мыслях – не вздорных.
Сердцем
страждущих красоту,
Среди вёсен
дорог торных,
выбирающих высоту.
Вот и я
по полям просторным
В притяженьи её
иду...
Здесь
у истин святых,
бесспорных
Свою музу
всегда найду. –
Вдохновение
любит упорных.
Даже тех –
последних в ряду...

* * *

Всё расцвело...
И краски, звуки
разлились по земле.
Тревоги сердца,
страсти муки
поулеглись во мне.
Настало счастье –
Лето!
Желанная пора!
Я весь –
в объятьях света,
по площади двора
гуляю... Жду совета –
у птиц с зелёных веток,
чьим голосом с утра
земная жизнь воспета.
И снова детвора
на воле веселится.
Озарены их лица,
от искорки добра...
Кто юн,
тот вечно прав.
Мечтам
желаю сбыться!
Тепло земли вобрав,
Их счастье...
пусть продлится!

Закат. Июньский вечер

Стойкий рябиновый запах В воздухе хладном висит. Солнце в закатных лапах Свой совершило визит.	Больше не режет ухо, Стих суетливый шум. Разум, уйдя от слуха, Ищет покоя дум.
С узкой полоской света Тёмная бродит тень. Дружно ступает следом. Гасит июньский день.	В сумеречных аллеях Разный гуляет люд. Или сидят на скамейках – Новые планы выют...
Бледным затихшим пухом лёг тополей ковёр. Вечер, собравшись духом, свой напустил флёр.	Так протекает время... Вечер относит прочь Дикое, древнее племя Севера белая ночь...

Елена ПОПОВА

* * *

«Всё новое – хорошо забытое старое» –
Усвой, мой сын, это ржаво-железное правило.
Когда вонзишь свои вилы в стог, испытаешь время,
Вилы звякнут о грабли, черенок ударится в темя!
Что мы здесь, на селе? –
Население, муравьишки:
Бегаем, топчемся по земле,
Копаем, читаем книжки,
Смотрим телек по вечерам, все глупые сериалы...
О том ли мечталось, сын мой, нам?
Не переключай каналы!
Выключи!!!

В тишину
Жажду я окупиться,
Чувствовать под ногой траву,
Чествовать вечернее солнце,
Чавкать морковью всласть,
Чертыхаться лихо да смачно.
Чёрное всё!
Не плачь.
Сбудется всё. Однозначно.

* * *

Один день,
Который ушёл,
Истёрся, как порошок:
Исхожен, испит, изжит...
Шок!
И сколько их мне дано,
Как в алгебре, по условию,
Без формул и без ответов, но
Входящих в историю,
Без дат, без событий, без
Каких-то навязчивых
Людей? –
Неуёмный бес
Добьёт однозначно
Как сонную муху меня,
Как мусор никчёмный выбросит!
А Бог подберёт: «Родня» –
И вынесет.
Зачем я здесь?
Для чего?
В руках – травяная медь...
Не спрашивай никого
Впредь.

* * *

Глаза зажмурит и смеётся
Мой старый друг оленивод.
Скупое северное солнце
В начале марта плавит лёд
Глянь, по Янтарному несётся
Четвёрка белых оленей!
Скупое северное солнце
В глаза мне бьёт сильнее...
Сильней,
Чем флаг на мачте сердце бьётся
На финише!
Хвала богам!!!
Скупое северное солнце
Оленей гладит по бокам.
Мне не найти его на карте,
Как точку... Что же делать с ним?
Вы только мне увидеть дайте
Осенний солнечный Надым!
Осенний. Солнечный. Не меньше!
Не надо – серый и пустой.
Не надо – без детей и женщин.
Не надо – грустный, холостой.
И не для галочки в блокноте,
Мол, были, знаем, «ничего»:
Стоят домишки на болоте,
И в недрах много там всего...
Увидеть дайте!
В снах – не больше –
Теперь приходит он ко мне,
Надым, мой маленький, хороший,
Милейший город на Земле!

* * *

Шар хризантемный Роняет на стол одеянье. Горького привкуса след На губах застывает – Мёд прошлогодний. Сплин ленинградский бескрайний. В блейзер дырявый одет Мой товарищ печальный. Тянется воздух Холодной прерывистой струйкой: В форточку курим. Делиться по-прежнему нечем.	Друг восхищается Старой моей чернобуркой... Мне достаётся в подарок Сиреневый вечер: Там, на закате звезда На игольчатой ножке, Танец исполнив таинственный, Вспыхнет надменно – Прямо до слёз! - И сгорит без следа... А чуть позже Тихо уронит на стол Лепесток хризантема.
--	---

Дюшес срубили. Что ж ты
плачешь?
И так дождливо за окном!
Печальные останки дачи
Согреют нас февральским днём.
Затопим печку тем дюшесом,
Отправив древо на дрова
И увлечённые процессом
Горенья, вымажем слова
Легчайшим пеплом, тёплой
сажей,
Глотая ртом грушёвый дым...
Дождь перестанет плакать даже,
Став золотистым и слепым!

* * *

Зажжём под вечер керосинку,
Заварим в кружках крепкий чай,
Взобьём подушки и перинку,
Шепнув друг дружке: «Засыпай!»
—
И нас накроет сновиденье,
Одно, как в сказке, на двоих:
Дюшес и свежее варенье,
Под зноем сад густой притих,
От сока пальцы прилипают,
Нектар встречается с локтём...
И шершни пьяные летают
Под синим дачным потолком.

* * *

Сентябрь забирает лето.
В пропахших мёдом и вином
Руках – билет с его концерта.
Всё перевёрнуто вверх дном.
В забытых чашках спят чайники,
Белеют чайками листы.
Стоят немые ботинки
На тумбочке – для красоты!
На одиночество обменяя
Ненужный лист календаря.
И у меня дрожат колени,
Что я осталась без огня,

Без выходных, без строк, без песен,
Без моря и без облаков.
И день уже опять мне тесен,
А ночь – нема... Немало слов
Раздарено на сувениры.
И правда жизни такова:
Живут в углах чужой квартиры
Лишь пауки – и все дела!
И разучившись улыбаться,
Серьёзно я ищу себя
С утра во вмятинах матраса
На фоне утра сентября.

* * *

Это странная сторона:
Ленских щёк глухая стена
И столбы... И небес глубина
Здесь иная – не та страна.

Просыпаюсь под звуки арф
/говорят, что мой дед был граф/,
Открываю скрипучий шкаф,
Надеваю пальто и шарф

Я чужая здесь... Апатрид!
Здесь иначе пальто висит,
Люди верят в любовь и СПИД,
И на деньги здесь – дефицит.

И иду, не скрывая глаз,
И от звуков вхожу в экстаз...
А в кармане пальто – алмаз,
Обработанный на заказ.

По-эвенкски – Елю-Ене:
Мир, входящий в меня извне,
И вселенная, что во мне –
Всё едино, как гвоздь в стене!

Ударение вкривь: Ле-нА!
По щекам – ветви: кедр, сосна.
Дельта Лены... О, ширина!
Это странная сторона.

* * *

Когда расписания все
Утратят свою актуальность,
Усталый водитель встанет,
Расправит плечи.
Лист свой маршрутный сложит
И – в бардачок.
Мысль, словно стриж, юркая:
«Эх, дурачок!
Жизнь-то проходит мимо...»
И пешим ходом
Выйдет на тротуар,
Сольётся с толпой, с народом
Да перестанет руками водить.
Отойдёт понемногу.
Вспомнит, что красный
Теперь для него – зелёный,
И прикоснётся к тёплой коре клёна,
И засидится где-нибудь в тихом парке,
Вспомнит, как в детстве с отцом
Собирал марки...
И улыбнётся, вздохнув глубоко.
Услышит,
Как пролетают птицы,
От ветра поют крыши –
Звуков иных хороводы
Его окружают, затанцуют...
И он помянет Бога опять всуе.
Но это всё – НИЧЕГО!
Ничтожно его расписание:
Дела нет, долга нет.
Лишь пустота ожидания
Заворожит его...
И он выйдет к реке,
Где надрывно кричат чайки:
Стёрт твой маршрут от Фабрициуса
до Мамайки!

Топлива нет.
Отчего всё так в жизни фатально?
Вот и ответ:
Расписание неактуально!

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Светлана РАДАЕВА

СОБАКА С ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКОЙ

Собака и её коллекция

Кто-то не может выйти на улицу без кроссовок. С яркими шнурками. Кто-то — без рюкзака. С леденцами. Или без кепки. Задом наперёд. А одна собака с молодых когтей обожала выгуливать палки. Длинные и короткие, толстые и тонкие, с сучками и без. Кленовые. Рябиновые. Сосновые.

Собственно, кроме коллекции палок под кустом сирени у этой собаки ничего не было. Ни будки, ни лежака. Ни миски с водой, ни косточки. Ни поводка с хозяином.

Вернее, хозяин вначале был. Но потом собака, будучи резвым щенком, нечаянно погрызла его любимые тапки. Хозяин тогда глубоко задумался... И понял, что тапки любит всё-таки сильнее собаки. Поэтому их он оставил. А собаку отправил. С глаз долой, из дома вон.

С тех пор, а именно с весны собака бродила по городу, не находя себе места. С опущенным хвостом и печальными глазами. И время от времени притаскивала под сиреневый куст очередную палку. Должна же она была хоть чем-то себя порадовать!

Палка со скамейки

В тот летний день собака сидела, сторожа свою коллекцию. У куста вместо будки. Как вдруг её потянул за нос запах чудес. А чудеса, если кто не знает, пахнут печеньем и шоколадом. Следом чей-то звучный храп развернул собакины уши.

На скамейке за сиренью храпели пыльный дорожный плащ и синий колпак. С длинными усами и густой бородой. То спал волшебник. Конечно, он прилёт передохнуть часок-другой. От волшебных дел. И накрылся плащом и колпаком. Тем самым, из сказок — думательным, со звёздами. Будто куполом ночи.

Рядом с обветренной рукой чародея вытянулась очень красивая полированная палка. Тут большие глаза собаки и вовсе стали по сливе. «Ав ты! — подумала она. — С этакой я ещё не гуляла».

Взяла палку со скамейки. И побежала с ней в зубах. На прогулку.

Осторожно! Желания исполняются

В одном из дворов собака приостановилась. Полюбоваться на своё новое приобретение о двух концах. Опробовала его на проверочный зуб. Облизнула...

— Смотри, Витёк! — загомонил белобрысый мальчик с выбивалки для ковров. — Какая крутая палка!

— Слушай, Санёк! На ней что-то написано, — рассмотрел пегий мальчик с толстой ветки ясеня. — До чего буквы чудные! В серебряных завитушках...

Оба враз спрыгнули на газон. И вслух зачитали по слогам. Не очень внятно, но ведь слух у собаки был собачьим суперслухом.

«Осторожно! — предостерегала надпись на вылизанном конце. — Волшебная палочка».

«Внимание! — гласила надпись на пожёванном конце. — Желания исполняются».

Витёк и Санёк, пихая друг друга перепачканными локтями, зашептались:

— Я пугаю собаку...

— ...а я хватаю палку!

— Р-р-р, только отберррите! — грозно рыкнула собака.

И крепче схватив волшебную палочку, махнула ею.

— Чтоб им, шалопаям, гав! — отлаяла она мальчиков. — На самом кошачьем месте оказаться...

— Ма-а-ама!!! — заорали на весь двор Санёк и Витёк.

С крыши многоэтажки.

Вокруг дома сразу собралась толпа. В толпе кто-то крикнул:

— Вызываем спасателей!

Через три минуты мимо собаки промчалась ярко-алая машина. С гудящей мигалкой. Из машины выскочили люди в касках, раздвинули многоэтажную лестницу. И полезли на крышу. Как на пожар.

Когда перепуганные охотники за полированной палкой очутились в объятиях у мам, собака почесала за ухом задней лапой. И обнюхав надписи на полировке, встряхнулась.

— Ав ты, чего сгоряча нажелала!

Очень большое желание

Едва мальчуганов увели со двора, у собаки тоскливо заскулило в животе; «Ау, косточка к завтракууу! Ау-у, косточка к обедууу!»

Впрочем, собака часто пропускала свой завтрак. И обед — тоже. Не потому, что сидела на диете. Просто взять с листьев лопухов вместо тарелок было нечего. Вот и сейчас перед её голодным носом валялась лишь палка.

— Ав ты, она же волшебная! — схватилась за полированную палку собака.

Чтобы не медля позавтракать. А затем сразу отобедать. И после поужинать. Заранее. На несколько дней вперёд.

— Гав! — махнув палкой, гавкнула собака на газон. — Косточку бы сюда!

А потом, облизываясь, добавила:

— Гау-гау, не маленькую. Точнее, очень большую, то бишь огромную. Или, проще сказать, громадную...

В тот же миг земля у неё под лапами задрожала, и в газоне образовался глубокий провал. Вокруг провала снова собралась толпа. В толпе кто-то крикнул:

— Ух ты, там бивень мамонта!

Через минуту мимо собаки пронёсся эвакуатор. Из кабины выскочили люди в перчатках, повернули к бивню кран-манипулятор. Ловко погрузили. Так, что собака даже пробу снять не успела. И повезли к краеведческому музею. Как ценный экспонат.

Собаке оставалось только бежать по пятам, вздыхая в облаке выхлопных газов.

— Фу ав, чего с голоду нажелала!

Очень мокрое желание

Собака мчалась вдоль обочины, пока не запыхалась. Отстала от бивня с эвакуатором. Показала длинный язык жаркому солнцу. И ей тут же захотелось пить.

— Ав ты, а палочка-то выручалочка на дворе осталась! — вспомнила она.

Рванула собака со всех лап обратно. Через осколки разбитого фонаря. Блестящие, словно брызги. Разыскала в траве полированную палку. По запаху печенья и шоколада. Помахала ею. И залаяла на ветер:

— Гав! Гав! Гав! Прилети вода из ковша! А к нему б ещё из ведра. Нет, из стольких вёдер, сколько осколков было под битым фонарём...

Откуда ни возьмись, над двором нависла туча. Грузная как бочка. И забурлил ливень невиданной силы.

Вымокла собака с носа до последнего репья на хвосте. Да только по носу текло, а в пасть не попадало. Зато попало в незасыпанный провал, оставшийся от бивня мамонта. У окон по ту сторону подоконников быстро столпились жильцы. С балкона кто-то крикнул:

— Обалдеть! У нас во дворе настоящий пруд распрудился!

После ливня мимо собаки лавиной хлынули любопытные резиновые сапоги. Затолкали друг друга. На левую переднюю собакину лапу наступили. Так, что она даже полдождинки почерпнуть языком не успела.

Подобрала собака с газона мокрую палку. И затрусилась на пустырь. Похрамывая и отряхиваясь на ходу.

— Уй ав, чего от жажды нажелала!

Очень зелёное желание

Пустилась собака бродить по колдобинам пустыря. Взад-вперёд. Устала до кончика хвоста. Примостилась у столба. Посреди палящего зноя. Положила голову на камень вместо лежака. Да спохватилась:

— Ав ты, у меня же волшебная палочка под боком!

Взмахнула она полированной палкой. И авкнула на весь пустырь:

— Авк! Появись здесь лежак. Зелёный, мягкий. С ароматом трав. И с навесом. Натуральным, древесным...

Зашелестело со всех сторон, зашуршало. На дороге справа чуть не столкнулись лоб в лоб автомобили. Кто-то, громко библикая, крикнул:

— Смотрите все! На пустыре-то роща!

Новость реактивным самолётом облетела город. Через четверть часа в зелёную берёзовую рощу мимо собаки повалили толпы грибников-шашлычников. За ними роем спикировали крылатые захватчики, ноя на все лады:

— Стояла роща грузди-и-иной — станет комари-и-иной!

Захватили в плен собакин нос. Атаковали уши и лапы. Так, что у собаки даже хвост отдохнуть не успел.

Вскочила собака с мшистой душистой подстилки. Зачесалась и зачихала.

— Чху ав, чего от усталости нажелала!

Ярослав МАЛЬЦЕВ

ЛИС И МЕДВЕЖОНКА

В одном далеком-далеком лесу, в тридевятиом царстве, в тридесятом государстве жил-был Лис. Лис был обычной лисьей породы: лис и лис – веселый, наивный, эмоциональный, доверчивый, вообще не понимающий, почему он Лис. Но кто-то назвал его Лисом, и он стал Лисом. Такова сила слов во Вселенной: в словах обретается жизнь, и словами же она определяется.

Лис жил на окраине леса, подальше от лесных опушек и водопоев, где звери часто устраивали собрания, на которых они спорили или веселились. Лис любил покой, был погружен в себя, а больше всего на свете ему нравилось читать книги – приобщаться к вековой мудрости. Иногда Лис и сам что-нибудь писал, чтобы отточить ум и хитрость. И если свои утра Лис начинал с йоги, то остальное время дня предпочитал лежать в тенёчке, в гамаке и переворачивать странички; почитывать утренние газеты с новостями «Волшебного леса», что, как писал когда-то мудрый филин Гег, является долгом каждого образованного лиса нашего времени.

Однажды в одну темную осеннюю ночь Лис гулял по лесу и забрел довольно далеко. Было тихо. В эту ночь все звери спали или сидели в своих норках и готовились к предстоящей зиме. Лис бродил и думал. Дело в том, что накануне во сне ему привиделась чудесная-чудесная Медвежонка, в которую Лис сразу же влюбился и которую теперь всеми силами пытался найти. Но не знал даже, где ее искать.

И вот в эту ночь Лис бродил по лесу... Как вдруг прямо на него выскочила Зайка с изумительной серой с переливами шубкой (сразу было видно, что это не простая зайка):

– Не ешь меня! – вскрикнула Зайка, резко затормозив перед Лисом и стреляя глазами по сторонам: куда бы убежать.

– С чего это мне тебя есть? – спросил изумленный Лис.

– Как с чего? Известно: лисы едят зайцев, а я заяц, – ответила ему зайка.

– Но я цивилизованный лис – я покупаю себе искусственно выращенные мясные продукты в супермаркетах. Поэтому я не буду тебя есть, – подмигнул Лис зайке.

– Ой, какой ты замечательный. Может, ты еще меня и от волков укроешь? – живо спросила зайка и оглянулась. Действительно, издали послышался вой.

– Прижимайся ко мне ближе, – сказал Лис. – Я укрою тебя хвостом.

Лис как ни в чем не бывало сел у дерева, Зайка прижалась к нему, а его хвост распушился и полностью укрыл ее: так, что даже ушек видно не было.

Почти сразу же темнота выплюнула трех серых волков: пасти ощерены, клыки клацают, загривки вздыблены. От них так и пахло кровожадностью и несло ужасом:

– Аа, кум! Зайца видел? – спросил самый плотный волк.

– Нет. Видел бы – съел бы.

– А, ну да, ты ж лис... А может и съел? – прищурился волк хитро.

– А съел бы – лежал бы сейчас кверху пузом и в ус не дул.

Один волк прошелся вокруг Лиса принюхиваясь.

– Может, спрячешь добычу, а, кум?

– А может, пока вы тут со мной болтаете, ваша добыча скачет все дальше и дальше. И останетесь вы сегодня голодными. И от волчиц попадет вам по вашей серой шкуре...

Волки переглянулись:

– Смотри, кум, если обманул, недолго тебе твою шкуру носить! – взвыли волки и были поглощены тьмой.

– Спасибо тебе, цивилизованный Лис! – воскликнула Зайка. – В знак своей дружбы хочу подарить тебе вот эту морковку. Это не простая морковка: когда ты ее съешь, она поможет тебе исполнить любое твоё желание. Прощай!

И Зайка исчезла.

А Лис пошел дальше. Долго блуждал он по лесу, и не было ему покоя: все хотелось ему найти свою Медвежонку, которую видел во сне. Но никак не мог он её найти. И тут его осенило: «Съем-ка я волшебную морковку!». Сказано – сделано: ам – и готово. И тут же всё закружилось, завертелось, и увидел Лис путь, как бы расчищенный и проложенный от того места, где стоял он, до полянки, где Медвежонка в этот момент собирала дягилевый мед и лесные травы, а вокруг неё пели веселые птички, а белочки бросали ей шишки. И такая она вся была, что... ух! Лапы в лапы и побежал Лис во весь опор к той, что поселилась в его сердце.

Медвежонка жила на другой стороне Заповедного леса, на высокой-высокой горе. Это была самая прекрасная и самая умная леди во всем Заповедном лесу. Многие бегали к ней за советом, и все уходили от неё с решением. И не могли на неё нахвалиться. Сам царь зверей Лев искал у нее мудрости. Потому что если Лис и многие ему подобные были умными от книг, то Медвежонка была мудра от природы. Её ум был живым, наблюдательным и хватким.

Медвежонка страстно любила природу. Она много гуляла, наблюдала, собирала травки, ягодки, грибочки и мёд. Из ягод потом варилось вкуснейшее на земле варенье! Она любила плавать. Обожала заниматься рукоделием: её берлога ломилась от поделок.

И при этом она жутко боялась высоты!

А жила Медвежонка именно высоко-высоко на горе, куда во времена её детства поместила Медвежонку злая и завистливая колдунья, чтобы Медвежонка никогда не могла спуститься и никогда не могла познать самой простой радости, доступной всем живым созданиям: почувствовать частичку тепла другого живого существа рядом. Такова была страшная месть колдуньи за красоту и мудрость Медвежонки.

Всего было вдоволь у Медвежонки: гора просторная, с лугом, деревьями, пчелками и птичками, цветочками и грибочками, ягодками и водоёмами. Но только никто, кроме птиц, не мог подняться к ней на гору: все звери, приходившие говорить с ней, оставались возле подножия, и никто из них не мог помочь ей спуститься.

Медвежонка тоже видела сон, что придет к ней кто-то, кто поможет ей покинуть узилище. Кто-то достаточно хитрый, находчивый и упорный, кто полюбит её и поможет ей, чтобы они вместе разрушили злые чары колдуньи. Так во сне объясняла Медвежонке будущее добрая фея клана зайцев.

И однажды Медвежонка увидела у подножья скалы запыхавшегося Лиса...

– Я искал тебя! – воскликнул восторженный Лис, глаза которого горели пламенем, несмотря на усталость.

– А я ждала тебя! – вскрикнула Медвежонка.

Они долго-долго смотрели друг другу в глаза и молчали. Однако в этом молчании они всё-всё сказали друг другу взглядом.

– Но я не могу спуститься отсюда, – печально сказала Медвежонка.

– Это не беда, – ответил Лис. – Главное – что я нашел тебя. С остальным мы обязательно справимся, и ничто не сможет нам помешать.

И у Лиса созрел план...

Долго ли, коротко ли тянулись дни, ночи сменялись ночами, луна – солнцем, лето – зимой, а Лис неустанно бегал туда-сюда: от своей норки к горе Медвежонки. Совсем перестал Лис ходить на бывшего ленивца: стал поджарым и крепким. И постоянно на спине у него были книги и газеты, которые он носил своей Мишке. Медвежонка поднимала книги и газеты на верёвочке к себе на скалу, читала и... мастерила из газет большого-большого, огромного-преогромного бумажного воздушного змея.

Много книг и газет перенес Лис своей Медвежонке. А в книгах были и чертежи, и объяснения, как и что надо делать. А газеты могли стать материалом. Так что Медвежонка быстро сделала из них замечательный летательный аппарат. Разбежалась однажды со скалы и прыгнула... в пустоту!

У обоих замерло сердце...

Ветер, посланный феей Зайкой, которая была на стороне Лиса и Медвежонки, подхватил воздушного змея, несколько раз, мягко покачивая, пронес его вокруг скалы, вокруг опушки (а Лис все бегал, бегал и бегал внизу, так что мышцы шеи у него затекли от того, что столько приходилось смотреть вверх) и аккуратно приземлил Мишку на твердую почву.

Кинулись Лис и Медвежонка друг к другу. Обнялись. Только хрустнула Медвежонка в объятиях Лиса... (В сказочном лесу бывают очень сильные Лисы и нежные Медвежонки.)

А потом они жили в большой светлой берлоге, читали толстые книги, собирали вкусный мёд и варили сладкое варенье. Много зверей ходило к ним в гости. Но лучше всего было им друг с другом: когда они, тесно-тесно прижимаясь друг к другу зимним вечером, дарили друг другу тепло и были рады тому, что они есть друг у друга. И больше ничего им было не надо от мира – просто быть рядом.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Александр ВЫЧУГЖАНИН

ЗАВЕТЫ СОЗДАТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

*Русский язык – духовная основа России.
С.К. Ломакин*

Приближающееся празднование памяти святых Кирилла и Мефодия по привычке привело за справкой ко всезнающей Википедии. Очередное разочарование: в разделе «Образ в литературе» нет упоминания о замечательной книге моего друга, московского писателя Юрия Михайловича Лошица «Кирилл и Мефодий». Но об этом чуть позже...

Впервые празднование дня Кирилла и Мефодия состоялось 11 мая 1858 года в Пловдиве, Болгария (160 лет назад). В России празднование дня святых Кирилла и Мефодия установлено в 1863 году (ныне 155 лет). Решение было принято Святейшим правительствующим Синодом «в память совершения тысячелетия от первоначального освящения нашего отечественного языка Евангелием и верою Христовою».

Причина выбора даты празднования – 11 мая (по старому стилю) – не пояснялась. В 1901 г. Синодом было определено совершать ежегодно в храмах при всех учебных заведениях духовного ведомства торжественное всенощное бдение с последующим молебном Мефодию и Кириллу 11 мая с освобождением учащихся от занятий. К 11 мая в церковных школах также приурочивали ежегодный выпускной акт.

В советское время традиция была прервана и возобновлена в 1986 году. С 1991 г. праздник в честь Кирилла и Мефодия в России был объявлен государственным. Так же, как и в Болгарии, он носит название «День славянской культуры и письменности». В Болгарии еще в коммунистический период этот праздник являлся государственным и совпадал с днем церковного поминовения Кирилла и Мефодия.

В этом отношении Тюмени в определенном смысле повезло: именно с прибытием в 1976 г. в наш город болгарских строителей появилась возможность проводить Кирилло-Мефодиевские чтения. Впервые они прошли в 1977 году, и ныне состоится уже выросшая из этих чтений 42-я Международная научная конференция, посвященная Дню славянской письменности и культуры, памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Инициатива в проведении Дней славянской письменности в Тюмени принадлежит доценту Тюменского государственного университета Николаю Константиновичу Фролову (16 апреля 2023 г. исполнилось 85 лет со дня его рождения). В 1977 году Н.К. Фролов был утвержден заместителем руководителя только что созданного в Тюмени общества советско-болгарской дружбы.

Необходимость развивать культурные связи с трудившимися в области болгарскими, имевшими глубокие традиции почитания святых Ки-

рилла и Мефодия, позволила организовать проведение Дней славянской письменности и культуры. Вполне объяснимо и то, почему выбор пал именно на Фролова: уже студентом в Воронежском университете на филологическом факультете он изучал болгарский и чешский языки. Славянские языки оставались в центре научных интересов Фролова всю жизнь. На возглавляемой им кафедре общего языкознания ТГУ он вел активную работу по введению преподавания болгарского, сербского, хорватского, чешского, польского, украинского, белорусского языков.

Научное сообщество ставит в особую заслугу Н.К. Фролову то, что благодаря его усилиям «сохраняются и поддерживаются высокие стандарты языковой культуры, речевого этикета». А именно в этой констатации и заключается ответ на вопрос, почему каждый год мы вспоминаем святых Кирилла и Мефодия. Традиции их прославления и почитания издавна существуют в славянских странах. Но лучший способ их почитания – это сохранение, осмысление, популяризация и приумножение их творческого наследия.

Один из таких почитателей – Владимир Иванович Даль, создававший в течение 53 лет «Толковый словарь живого великорусского языка». Одна из задач, которую ставил перед собой Даль во время работы над словарем: «...Живой народный язык, сберёгший в жизненной свежести дух, который придает языку стройность, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи».

Если вспомнить, что в то время в так называемом высшем обществе был популярен французский язык, причем многие его представители владели им как герои Грибоедова – «смешением французского с нижегородским», понятна мотивация Даля (сам Даль владел двенадцатью языками). Но удивительно, что такие «картинки» сплошь и рядом встречаются и в настоящее время с той разницей, что на смену французскому пришел английский.

Кто-то из больших чиновников скажет какое-то слово, и по властной вертикали оно начинает размножаться. Яркий пример – словечко «бренд». Этого слова нет даже в словаре иностранных слов, но в речи чиновников различного уровня оно обрело права гражданства. Зато мне с детства из бытового обихода знакомо слово «сбрендить», это слово есть и в словаре Даля. Поэт П.А. Вяземский в середине XIX века потешался над любителями употреблять не к месту иностранные слова:

*Глаза туманит от печати,
И закружится голова,
Когда и к стати и некстати
Все те же прыгают слова.
Хоть например: прогресс. Кто спорит?
Есть в этом слове смысл и вес;
Но уж когда затараторит
Журнальный клир: прогресс! прогресс!
Я рад надеть зипун, онучи,
Бежать назад за триста лет,
Бежать готов я в лес дремучий,
Где о прогрессе речи нет.*

Словарь Даля и по сей день дает замечательную пищу для пытливого ума.

Но и в современной России есть замечательные продолжатели просветительского подвига славянских просветителей, и любой, кто любит Отечество, должен знать их имена. Один из таких подвижников – Олег Николаевич Трубачев, ученый-лингвист, имеющий мировое признание, исследователь этимологии славянских языков. Человек уникальный, овладевший более чем пятьюдесятью языками. Названия некоторых его книг говорят сами за себя – «Славяне и Европа», «К истокам Руси. Народ и язык», «Из истории языка Древней и новой Руси».

Тюменский писатель и философ С.К. Ломакин поделился своим впечатлением от трудов выдающегося ученого: «Когда читаешь работы Трубачева, испытываешь свободный полет мысли живого русского ума, наполненность каждого слова глубоким смыслом, емкостью, краткостью, точностью. Во всех своих многочисленных книгах и статьях, выступлениях на международных конференциях, посвященных славянским языкам, мыслитель выделял такие понятия, как русскость, духовность, справедливость, необходимость единения славянских народов, речь идет о сохранении и развитии национального самосознания».

Главный труд жизни О.Н. Трубачева – созданный под его руководством многотомный «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд». При работе над словарем Трубачев свободно пользовался всеми 15 славянскими языками в их современном и древнем виде.

Мой личный небольшой опыт общения со славянами – сербами, поляками, болгарами – убеждает в том, что при относительно небольших усилиях языки наши позволяют общаться. Более того, когда я спросил словака из Братиславы Збышека Шустека (полиглот, знает в совершенстве девять языков), насколько близки наши языки, он ответил: «Славяне при наличии обоюдной доброй воли могут общаться без словаря и переводчика». В справедливости этого утверждения я убедился, когда приехал на братскую могилу своего деда в Польшу, и один доброжелательный поляк, совершенно не говоривший по-русски, меня сопровождал. В этом же меня убеждает и участие в церковных службах в Белграде и в болгарском монастыре Зограф на Афоне.

Книга О.Н. Трубачева «В поисках единства», вышедшая несколькими тиражами, в настоящее время является библиографической редкостью. Основу книги составили выступления ученого на Кирилло-Мефодиевских праздниках в Новгороде и Смоленске, Киеве и Минске. Оптимистично звучит одно из утверждений ученого: «Ни одна подлинно великая страна не кончается там, где кончается ее территория. Значительно дальше простирается влияние культуры великой страны, и это влияние идет практически всегда через ее язык».

Свое последнее интервью О.Н. Трубачев дал писателю Ю.М. Лоцицу. Тема интервью – «Латиница: реальность и миф». Поводом для встречи стали нападки в российской «демократической» печати на кириллицу. Один из таких «прогрессистов», имеющий высокий научный статус, утверждал, что переход с кириллицы на латиницу позволит России «идти в ногу с прогрессивным миром», стать частью Европы. Реакция Лоцица предельно понятна: «Алфавит – такой же символ государственности, как герб, гимн, знамя. Алфавит – святыня державного значения». В свою очередь Олег Николаевич привел мнение своего знакомого, безус-

ловного научного авторитета Старого и Нового света, сербского лингвиста Павле Ивича: «Кириллица – самая совершенная азбука в Европе».

Ю.М. Лоциц – лауреат Патриаршей премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (2013 год). Этой премии он был удостоен за произведение «Кирилл и Мефодий». Награда заслуженная, Юрий Михайлович работал над ним двенадцать лет. Книга замечательная, она вводит в неведомый нам удивительный мир высоких помыслов создателей славянской письменности. Вот один из диалогов Константина (в будущем Кирилла) с высоким чиновником (логофетом): «Философ, хотел бы я узнать, – спросил логофет, вызвав к себе юношу и употребив при обращении к нему прозвище, которое в училище уже пристало к Константину, – а что всё же в твоём понимании есть философия?»

Тот ответил быстро, уверенно, словно ждал именно такого вопроса:

«Разумение вещей божественных и человеческих, учащее человека, насколько в силах он приблизиться к Богу, делами своими быть по образу и подобию Сотворившего его».

Из ответа явствовало, что сказавший не собирается метаться по стихиям сего мира, как это делали философы-язычники, и что весь смысл философского разумения юноша сводит лишь к двум величинам – Богу и человеку – к возможности восхождения второго к Первому».

Книга насыщена множеством деталей, которые дают почувствовать дух того непростого времени, и при этом автор не только воссоздает (слово «реконструкция» представляется здесь неуместным) обстановку, но что важнее – логику поступков героев книги.

Впрочем, правильнее считаю обратиться к более авторитетному мнению. Валерий Николаевич Ганичев, длительное время бывший председателем Союза писателей России, доктор исторических наук, назвав книгу «громадной по масштабу и глубине», так обобщил свои впечатления:

«Для какого читателя написана и предназначена книга Лоцица?»

Во-первых, для читателя умного. Во-вторых, для читателя любознательного, любящего историю Руси, историю славян. В-третьих, для читателя, умеющего насладиться прекрасным, гениальным, русским и старославянским древнерусским языком, прародительским языком восточных славян.

Поэтому я и призываю умных людей обратиться к книге «Кирилл и Мефодий». Благодарю поддерживающее державное направление издательство «Молодая гвардия», которое издаёт эту книгу с картой стран и земель, где побывали великие святые, братья солунские Кирилл и Мефодий, с маршрутами их переходов, с иллюстрацией первых образов и публикаций кириллицы и её образами в наши дни. И конечно, я буду одним из первых, кто поддерживает эту книгу на выдвижение и награждение Патриаршей премией Кирилла и Мефодия».

9 марта 2016 г. под руководством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла состоялось учреждение Общества русской словесности. Как отметил Патриарх, это была инициатива Президента РФ В.В. Путина. По предложению Президента вновь созданное общество возглавил сам Патриарх. Уже само это обстоятельство свидетельствует о том, насколько актуально сохранение наследия святых Кирилла и Мефодия. Замечательно, что столь высокие руководители озаботились этой темой. Но такую проблему можно решить только всем миром. Спасение русского языка – дело всенародное, каждого из нас.

И в данном случае самым верным решением является мнение русского мыслителя Ивана Ильина: «Язык вмещает в себе таинственным образом всю душу, все прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа. Все это ребенок должен получить вместе с молоком матери (буквально). Особенно важно, чтобы это пробуждение самосознания и личностной памяти ребенка (обычно – на третьем, четвертом году жизни) совершилось на его родном языке. При этом важен не тот язык, на котором говорят при нем другие, но тот язык, на котором обращаются к нему, заставляя его выражать на нем его собственные внутренние состояния. Поэтому не следует учить его чужим языкам до тех пор, пока он не заговорит связно и бегло на своем национальном языке. Это относится и к чтению: пока ребенок не зачитает бегло на родном языке, не следует учить его никакому иному чтению. В дальнейшем же в семье должен царить культ родного языка: ...очень важно частое чтение вслух Св. Писания, по возможности на церковно-славянском языке, и русских классиков по очереди всеми членами семьи хотя бы понемногу; очень важно ознакомление с церковно-славянским языком, в котором и ныне живет стихия прародительского славянства, хотя бы это ознакомление было сравнительно элементарным и только в чтении; существенны семейные беседы о преимуществах родного языка – о его богатстве, благозвучии, выразительности, творческой неисчерпаемости, точности и т.д.» (выделено И.И.).

Станислав ЛОМАКИН

«РОМАНОВЫ («РОМАН-КАЛЕЙДОСКОП») РОССИЯ – ГРАД БОЖИЙ

Каждая новая книга Сергея Козлова - это событие не только в личной жизни известного сибирского писателя, но и осмысление, переоценка исторических событий, возрождение национальной русской культуры. В книге «Романовы. Преданность и предательство» отражена нравственно-духовная жизнь российского социума с её кризисным, трагическим состоянием действительности начала XX столетия. Принцип построения книги точно сформулирован автором в её названии. В ней органично сомкнулось две линии: преданность и предательство.

Основа этого романа – Россия периода Первой мировой войны, ожесточенная борьба общественно-политических направлений и групп, её культура в народном, «почвенном» выражении, роль и практические действия либерально-западнического вмешательства к губительному разложению русской цивилизации.

Ф. Достоевский в свое время в «Дневнике писателя» предсказывал: если внешние и внутренние ниспровергатели объединятся, в России возникнет «такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое, бесчеловечное, что всё здание рухнет под проклятиями... Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов»...

Исторические события, происходящие в мире, России данного периода, изложены автором в художественной форме, однако внутренняя природа романа такова, что в ней наличествует историзм, властно притягивающий к себе внимание читателя, предлагая свое видение, свое понимание описываемой эпохи.

«Роман-калейдоскоп» можно отнести к историко-документальной прозе, так как использовано великое множество исторических фактов, документов, способствующих раскрытию авторского замысла, стремление донести до читателя в художественной форме своё понимание трагического периода, что позволяет писателю-историку самореализоваться как художнику слова, творческой личности.

Сергей Козлов с особой признательностью благодарит коллег и друзей за помощь в отыскании исторических документов, фактов, связанных с последним русским царем Николаем II и его семьей: «чтобы передать образ эпохи, к каждой главе мы сделали небольшое приложение из мемуаров и газетных публикаций тех лет».

Важным конструирующим фактором является естественный образ Николая Александровича Романова. Царедворцы, противопоставляя окружающего царя людей, делили их на низший, высший, средний слои, превращая своими предательскими деяниями Россию в хаотически разлагающийся организм, они не стремились к поиску средств, которые могли отсрочить апокалипсический конец империи.

Прочная вертикальная противоположность теряется с приходом в правительство людей, равных П. Столыпину, но он был убит до описываемых событий, когда внутренняя и внешняя политика строилась, основывалась им на трех традиционных началах: православии,

самодержавии, сельском общинном укладе. Когда я читаю книги, где затрагивается враждебная деятельность Великобритании или Польши по отношению к России, у меня складывается впечатление, что ненависть к нашей стране, русскому народу имеет место у них на генетическом уровне, как в прошлом, так и сегодня, особенно в связи с событиями, связанными с Украиной...

В ответ на такое враждебное отношение к себе во все времена русский народ отвечал справедливым отношением даже к противнику, проявляя великодушие и благосклонность к тем, кто ищет его поддержки. К врагам Отчизны русский народ во всех войнах, не исключая Первую мировую, проявлял чудеса храбрости, героизма, самоотверженности и благородства. Это явствует из содержания книги «Романовы».

В книге «Роман-калейдоскоп» автор иногда бросает ретроспективный взгляд на будущее династии Романовых, а значит России: например, диалог императора Александра I Благословенного (Федор Кузьмич) и монаха Авеля-провидца (в миру Василий Васильев 1757–1841), или некоторые поразительные прозрения прорицателя, нашего земляка, друга семьи Романовых Распутина (Новых) Григория Ефимовича (1871–1916).

В конце книги Сергей Козлов опубликовал «некоторые сведения о судьбах исторических персонажей», связанных с трагической историей семьи Романовых и, соответственно, повторим, не менее трагической историей России того времени. Дополнением к этим сведениям в приложении к главам книги автор опубликовал фрагменты: записки, воспоминания, письма, дневники известных людей России, являющихся очевидцами и участниками исторических событий (1914–1918). Интересны воспоминания комиссара Василия Панкратова «С царем в Тобольске» или дневниковые записи самого свергнутого царя Николая Александровича Романова за 1918 год.

Иногда среди ученых-гуманитариев можно услышать, что у нас нет серьезных исследований, художественных произведений о Первой мировой войне, являющейся предтечей Великой социалистической революции. Тюменский писатель создал свой духовный Град, говоря словами великого М. Ломоносова:

*На то ль воздвиг Я град священный,
Дабы, врагами населенный,
Россиянам ужасен был.*

Великолепную книгу написал Сергей Козлов, она восполняет предшествующие работы о последнем монархе России и его семье, дело писателя-историка – человеческий характер в богатстве его связей с прошлым и своим временем. Автор в книге «Романовы» предпринимает попытки, способствующие решению задач, стоящих перед литературой описываемого им периода, которая заключается в том, чтобы помочь читателю как можно глубже постичь трагическую эпоху, глубже понять смысл той борьбы.

Книга «Романовы: преданность и предательство» Сергея Козлова будет полезна особенно молодежи, при ее чтении у многих произойдет внезапное озарение, желание узнать больше, а может быть и желание восстановить Россию – империю в период её наивысшего расцвета.

Тревожные сполохи в книгах поморского писателя

Среди великого множества литературных произведений на разных этапах развития русской словесности остаются в памяти лишь те, которые вызывают сердечный восторг в глубине души, доставляющие чувственное удовольствие, способное растрогать читателя при помощи некоего внутреннего импульса, можно сказать, не поддающемуся объяснению. Подобное волнение, радость, восторг испытываю я как читатель при чтении книг поморского писателя, общественного деятеля Павла Кренева.

Его стиль письма выделяется своеобычностью и оригинальностью, образным, благородным, глубоким, простым языком, принадлежащим только ему, владеющему особым свойством, искусством воображения и фантазии. Держу в руках только что вышедшую книгу Павла Григорьевича «Шелоник. Поморские истории». Архангельск. Издательство «Лоция», 2022, 576 стр.

Восемнадцать историй данной книги и свыше двух десятков книг Кренева, отражающие духовный климат, насыщенность антитезами благодатных для литературы тем социальной жизни, контрастными ситуациями психологического реализма, наиболее тесно переплелись воедино эмоциональные мотивы с эмпирической и рациональной сущностью своего времени.

Каждый человек, живущий в России в своей практической, духовной жизни, независимо от образования, на определенном этапе своего развития знакомится с историей своей страны через историю, литературу, обращая свой взор на природный, растительный мир, бесконечное разнообразие форм у растений и животных.

Человек начинает интуитивно соотносить себя с ними, понимая соответствие с благородными созданиями в природе, следуя которым видит совершенство или его отсутствие всех живущих на земле. Человек наделен сознанием ценности и высоких, духовных, нравственных качеств своей природы.

Это осознание приводит его к мысли, что он царь природы и порою варварски относится к ней, не думая о том, что уничтожая природную данность, он посягает на самого себя, так как сам является частью природы. Чем больше мы уничтожаем природу, а этот процесс необратимый, дистанцируясь от нее, тем больше скудеют наши чувства, мы становимся искусственными (технический прогресс, цифровизация не делают людей нравственными), а скорее расчеловеченными. Нелегко, однако, объяснить некоторым представителям социума, как именно достигается это понимание, затрагивающее глубины человеческой природы.

Почти все повести и рассказы Павла Кренева повествуют об этом. Люди глубоко верующие выказывают свое смирение перед природой, относясь к ней столь же благородно, сколь и трогательно. В рассказе «Первый бал Пеструхи» писатель так повествует середину сентября: «В безоблачную погоду перед восходом солнца появляются первые утренники – легкие робкие и скоротечные заморозки. Поднимающийся солнечный шар быстро и властно прогоняет их прочь мощным теплом своих лучей. Стоящие на открытой северной стороне березы начинают одеваться в золотой наряд, и порывы сильного ветра сдувают уже с них первые желтые листья. Наступает осень. Выводки рябчиков слетаются к лесным речкам и ручьям, где в смешанных, разнопородных деревьях

буйно красуются алые пятна вызревшей рябины. Зайцы-беляки, предчувствуя скорую линьку, чешут бока о шершавость стволов».

Перечитывая приведенную цитату из рассказа и другие описания природных ландшафтов, из других текстов я проверяю вновь и вновь, что наибольшее впечатление, удовольствие доставляет описание природы и люди, находящиеся рядом с ней и не мыслящие себя вне ее.

В книге «Поморский полк», в повести «Огневой рубеж пулеметчика Батагова», посвященной деду – участнику двух войн, Павел Григорьевич описывает короткое затишье и природную благодать перед тем, когда Батагов остался один, только что похоронив молодого воина, последнего из взвода. Незадолго до своей гибели Колька поведал старому солдату о своей мечте получить боевую медаль. Батагов спрашивает: «А зачем тебе, Колька, медаль эта самая?» «А все девки мои будут в деревне, вот что, а особенно Танька Замотина».

Как наивно, обыденно, трогательно произнесены эти слова Кольки, второго номера пулеметчика, через час геройски погибшего, подорвавшего фашистский танк. Батагов, оставшись один, с двумя гранатами тоже бросается под вражеский головной танк.

Вот как живописует природную идиллию писатель восхищенно созерцающего, слушающего живописную природу солдата Батагова перед уходом в небытие: «Пока стояло затишье, солдат сидел на корине возле своего пулемета среди нагретой солнышком сырости и слушал Весну. В лесу стояла невозможная благодать и Божья красота. Была та самая желанная, родная ему с детства пора, когда Природа сбросила со своих плеч, уставших за долгие зимние месяцы, надоевший ей холод, уже начала впитывать в себя целебную теплую энергию. Бегут, стремятся к таежным рекам ручьи с талой водой, но они теряют свою буйную силушку, уносят на себе остатки разрушенных теплом, еще недавно могучих сугробов. Распрямляют спины деревья, до сей поры согбенные под тучными снежными и ледяными шапками. Разбушевалась и пошла по веткам мягкой акварельной зеленью молодая мелкая листва. И вокруг – вокруг – вокруг звенит, поет, горланит, трещит и высвистывает на все лады чудные мелодии самый прекрасный из оркестров – оркестр птиц, вернувшихся в свой лес и радующихся этому возвращению».

Батагов, простой солдат («без званий и наград»), благодарит птиц за их песни, что спели ему «напоследок», и просит Господа и Матушку Богородицу простить его ради Христа за грехи в мирской жизни...

Последние мгновенья жизни двух солдат, их мысли и чувства отражает героизм всего советского народа во время Великой Отечественной войны. Каждый рассказ, повесть Павла Кренева вызывают приятное изумление от описания бескрайних просторов, морей, лесов, совершенства природы, повадок зверей, птиц, иногда несообразность поступков людей доставляет такое же удовольствие воображению, какое разум, эмоции, красота или необычность в поведении людей получаем мы, читатели, от размышлений и переживаний о вечности всего сущего, его бесконечности.

Природа нашего разума, суждения о красоте связаны с эмоциями, невозможно воспринять писателю прекрасное, не представив сам объект, понять его источник – природу, структуру прекрасного. Воображение писателя Кренева наделяет его способностью перевоплощаться во все, о чем он пишет, будь то человек или волк, птица или медведь, все,

что позволяет понимать язык всего сущего. Эти знания наличествуют у писателя.

Кренив с детства находился в среде тех равнодушных людей к природе, которые боготворили ее и жили в согласии с ней, передавая свой опыт общения с миром живого подрастающим поколениям. В разные периоды жизни мы получаем от природы укрепку, которая является целомудрием, источником сдержанности наших чувств и мыслей.

Книги Павла Григорьевича Кренева отражают жизнь во всех её проявлениях: внешний мир и одновременно чувства, образность и мысли. Прочитанные мной книги поморского писателя вызвали у меня катарсис, и совершенно справедливы те литературные критики, которые творчество Кренева Павла Григорьевича сравнивают с литературным творчеством выдающихся писателей, таких как М. Пришвин, К. Паустовский, Ю. Казаков, Вл. Солоухин.

Алексей ЗЫРЯНОВ

ПОЗОРНИКИ ЖУРНАЛЬНОГО МИРА ФАНТАСТИКИ

Премии журнала «Мир фантастики» в 2022 году исполнилось 19 лет. Хотя как таковой премией она не называется, а идёт в качестве итогов по версии журнала «Мир фантастики», но всё же на самом популярном интернет-портале, посвящённом фантастике и фэнтези. «Лаборатория фантастики» – этот ежегодный итог помещён в раздел премий, поэтому и мы будем именовать её премией, как уже привыкли многие любители фантастики.

Итак, вроде совершеннолетие давно наступило, и надо считать эту премию уже взрослой и состоявшейся, поэтому породивший её журнал «Мир фантастики» может отвечать за свои поступки и нести за них моральную ответственность.

Для начала приведу для читателя нескрываемый факт того, что популярный в России автор в жанре фэнтези Алексей Пехов является давним другом этого журнала. Я объясню, почему в этой статье я решил примкнуть имя этого автора в разборе всей премии.

В одной статье Дмитрия Злотницкого (вероятного друга известной соавторской тройцы Пехов – Турчанинова – Бычкова) размещена фотография, где запечатлены все три автора с подписью «Соавторы – частые гости на мероприятиях, проводимых «Миром фантастики»».

Ссылка на статью – <http://old.mirf.ru/Articles/art3378.htm>

Алексей Пехов – друг журнала «Мир фантастики» с 2004 года. После открытия премии журнала в 2003 году владельцы издания дарят Пехову номинации и победы просто по факту их дружбы. Чтобы это увидеть, можно просто понаблюдать за неустанным попаданием имени Пехова и его жены-соавтора Елены Бычковой в число лауреатов так называемых «Итогов года от МФ». Вот что есть у Алексея Пехова на сегодняшний момент от журнала «Мир фантастики»:

Номинаций без побед – 20.

Побед в номинациях – 10.

Всего за 19 лет дружбы – 16 сезонов, в которых номинировался этот автор.

В 2012 не было номинаций потому, что ко времени номинирования у Пехова уже вышли первые книги на английском языке в 2011 году, поэтому его друзья в редакции журнала могли законно высказать нечто вроде: «Ну, приятель, тебе же достаточно денег выплатил зарубежный издатель, поэтому ты можешь хвастаться перед читателем именно этим фактом, а мы сможем вместо тебя пропиарить пока что кого-нибудь другого».

В 2014-м не было номинаций потому, что за 2013-й Пехов романы не публиковал, тратя то, что успел заработать за предыдущие годы от зарубежных контрактов плюс роялти за прошедший год продаж. Ещё был пропущен 2018-й, но это, наверное, уже для шифровки от таких зануд, как Алексей Зырянов. Иногда надо убирать любимчиков из списков, чтобы шорт-лист не был одинаково похожим на все предыдущие года. А за все остальные годы редакция наверняка сказала Пехову как-то

так: «Друг ты наш хороший, давай-ка теперь мы тебя номинируем по полной программе на всю оставшуюся жизнь».

К Алексею Пехову мы ещё вернёмся, а теперь посмотрим более широко на странные итоги, к которым своих читателей подводил журнал «Мир фантастики».

В 2006 году очень известный фантаст Ник Перумов с книгой «Война Мага: Конец игры» становится триумфатором. И можно удивиться количеству написанных отзывов с оценкой «1» на сайте «Лаборатория фантастики» на эту книгу за десять с лишним лет. Это не считая отзывов с оценкой «2» и «3».

Да, журнал «Мир фантастики» любит вдобавок и Сергея Лукьяненко с Ником Перумовым. Их слабые книги обязательно награждают с поспешностью, когда падают продажи книг, выпущенных за прошлый сезон. Начало января каждого года у журнала «Мир фантастики» – это всегда сбор информации от главного издательского холдинга – «Эксмо-АСТ», который присылает разнарядку на то, что нужно простимулировать среди потенциальных читателей.

Ещё там есть в любимчиках соавторский дуэт Олди, которые являлись постоянными авторами публицистических статей этого журнала. Если кто-то усомнится в моём предположении, посмотрите на победы Олди в 2007 и 2008 годах в номинациях журнала «МФ». А потом узнайте на странице сайта самого журнала в разделе «Награды «МФ», что в 2008 году журнал «Мир фантастики» получил награду под названием «Премия творческой мастерской Генри Лайона Олди «Второй блин». Случайность?

Ссылку на раздел прикрепляю – <https://www.mirf.ru/our-awards/>

И снова Пехов.

В 2007 Алексею Пехову подарили две номинации, но победу присуждать не стали, чтобы было не так заметно, когда они отдавали премию его жене (Елене Бычковой) и её подружке-соавтору (Наталье Турчаниновой). Если в один сезон премировали бы всю эту дружную тройцу, мог бы разразиться скандал, а так прикрылись тем, что у Пехова две номинации без побед.

В основном премию «Книга года» журнал отдаёт иностранным новичкам, чтобы их книги лучше продавались. Но Пехов чаще других отечественных авторов становился победителем в других номинациях, но тоже в соседстве с иностранцами. Всё же Пехова журнал любит больше, чем Лукьяненко и Перумова вместе с Олди.

Но вот для наглядности покажу цифры по Лукьяненко, а вместе с ним и других главных мэтров нашей фантастики.

У Сергея Лукьяненко от премии «МФ»:

Номинаций без побед – 18.

Побед в номинациях – 5.

У Ника Перумова от премии «МФ»:

Номинаций без побед – 17.

Побед в номинациях – 6.

У Марины и Сергея Дяченко от премии «МФ»:

Номинаций без побед – 16.

Побед в номинации – 6.

Поняли разницу между троицей Пехова, в том числе его жены и подружки, и тремя известными мэтрами? Обижать Пехова нельзя, поэтому своих главных друзей они номинируют синхронно, а премии выдают по очереди. К ним у журнала любовь самая крепкая, а к Перумову, Лукьяненко, Дяченко – чисто бизнес, ничего личного.

Вернёмся к Пехову и его очередной победе в премии «Мира фантастики».

В 2021 году в номинации «Книга года по версии читателей»:

Отечественная фантастика:

1) Алексей Пехов «Ткущие мрак» – 58,66% голосов;

2) Павел Корнев «Резонанс» – 16,48%;

3) Сергей Лукьяненко «Семь дней до Мегиддо» – 9,18%.

Надо заметить, что у самого популярного в России жанрового сайта «Лаборатория фантастики» есть своя ежегодная премия. И вот Пехов никогда не становился победителем читательского голосования по версии пользователей этого сайта, а вот почему-то у читателей журнала «Мир фантастики» он становился победителем зрительских симпатий с каждым разом всё с более отчётливым отрывом.

Продолжим обозревать итоги журнала «Мир фантастики» за 2021 год.

Номинация «Отечественная книга года» в 2021 году.

Победитель: Марина и Сергей Дяченко «Vita Nostra: Работа над ошибками».

Здесь всё понятно. После того как первая книга («Vita Nostra») у этих авторов, переведённая на французский, взяла все жанровые награды во Франции, сложно смотреть в глаза читателей, когда этих авторов журнал обошёл бы какой-нибудь наградой. Дали, конечно, вновь для отвода подозрений. Если бы не этот французский успех четы Дяченко, редакция и не вспомнила бы про них, как она это делала много раз до этого. Всего у четы Дяченко участие в номинациях журнала зафиксировано в 9 сезонах, у Пехова – в 16 сезонов.

Теперь отвлечёмся на импортные обложки.

В главной номинации «Книга года» в 2021 году победил Питер Уоттс с романом «Революция в стоп-кадрах». Что самое интересное, этот роман издал проект «Fanzon». Из чистого любопытства идём погулять на главную страницу журнала «Мир фантастики» и при попытке нажать на раздел «Блоги» видим всего два вылезавших подраздела: «Издательство Fanzon» и «Кирилл Размыслович». Второй раздел отдан колумнисту журнала, а первая ссылка ведёт к официальному другу/компаньону/союзнику (назовите как хотите) журнала «Мир фантастики».

Ой, вам, наверное, тоже стало интересно? Наверняка простое совпадение, что все главные победы иностранных авторов журнал «Мир фантастики» отдаёт... своему другу – издательскому проекту «Fanzon»? А кому принадлежит издательский проект «Fanzon»? Правильно – холдингу «Эксмо-АСТ».

Аберкромби, Питер Уоттс, Терри Пратчетт, Чайна Мьевиль – постоянные иностранные победители журнала «МФ». Ещё Йен Макдональд (3 победы в разные годы), Сюзанна Кларк (2 победы) и Энди Вейер получил в один год за своего «Марсианина» сразу две награды, а потом он, наверное, стал и без этого хорошо продаваться, поэтому его не награждали в последующие годы.

И Стивен Кинг получал премии (5 раз) этого журнала, каким бы плохим романом или сборником он ни разродился в каком-нибудь году.

Плевать, что читатели плюются на эти книги и с неприкрытым зеванием высказывают свои огорчения на премированные от «МФ» романы и сборники Стивена Кинга, такие как «Лавка дурных снов», «Ветер сквозь замочную скважину», «11/22/63». А кто-нибудь помнит эти три книги от Стивена Кинга? Конечно нет, ведь они продавались крайне плохо, а те, что продавались хорошо у Кинга в России, в премиях журнала «МФ» не нуждались. Вот такие законы маркетингового уговора, а вернее – сговора.

Также пропихивался там и Роберт Джексон Беннетт в 2017 и 2019 годах, причём в 2017-м он получил две победы в номинациях «Книга года» и «Фэнтези года» за роман «Город лестниц», а в 2019-м обе его книги («Город клинков» и «Город чудес») получили одну и ту же награду – «Книга года». Вам этого мало? Ловите ещё за этот же сезон. Оба эти романа получили к тому же и одинаковую победу дуэтом в номинации «Фэнтези года» за 2019 год. Отгрузили в одни руки нехило и вопреки редакторской совести.

Некий Дэвид Фостер Уоллес за свой тысячестраничный роман «Бесконечная шутка», вышедший в 2019 году, получил сразу две награды: «Самая долгожданная книга» и «Магический реализм года». Плюс к этому ещё две номинации за эту же книгу. Роман, который, к слову сказать, не заканчивается после тысячной страницы, содержит в себе 388 сносок, что в свою очередь также имеют свои собственные сноски. Такой талмуд надо как-то, извините, всучить читателям. Вот и стал журнал по привычке услужливо давать премии тем, на кого указал холдинг «Эксмо-АСТ».

Или вот за 2020 год Чарльз Стросс за свой роман «Аччелерандо» получил сразу три награды: «Книга года», «Научная фантастика года» и «Самая долгожданная книга». Понимаете, это самая долгожданная книга? Уже 2022 год. Попробуйте повторить название романа и автора. Но только не подглядывать на верхнюю строчку абзаца. Это будет нечестно. Вы же не редакция журнала «Мир фантастики», чтобы идти против совести.

Почему так произошло? Объясняю. Права на издания малоизвестных иностранных авторов стоят немалых денег, а их надо как-то отбивать продажами. Вот редакция журнала и помогла богатому холдингу за счёт выдуманных наград нарастить продажи неликвида. В главных номинациях побеждает спонсор журнала – «Эксмо-АСТ», а вот через явную накрутку в соцсетях дают номинации и награды Пехову плюс рядом иногда с ним «друзья» по скромному издательству – «Армада&Альфа-книга».

Номинация «Лучшая детско-юношеская фантастика года» появлялась раньше урывками, но постоянной она стала с 2011 года. До этого в номинации «Лучшая детско-юношеская фантастика года» награда вручалась с 2004 по 2006 год, потом в 2009-м, ну и затем на регулярной основе с 2011-го.

Представьте себе, Джоан Роулинг у них победила лишь однажды в 2005 году в номинации «Лучшая детско-юношеская фантастика года». Роман-победитель – «Гарри Поттер и Принц-полукровка» – шестой том цикла. Эта книга продана тиражом в полмиллиона экземпляров. Все другие книги из всемирно известной сказочной серии в России на момент появления в премии журнала «Мир фантастики» подростковой номинации уже продавались сотысячными тиражами, но журнал смог отметить только шестую книгу из всей серии. И лишь потому все ран-

ние книги Роулинг не были в призёрах, что продажами своими всех выдуманных «победителей» журнала в разные годы покрывали, как бык овцу, поэтому необходимости делать им пиар-номинацию не нужно. К слову сказать, у Роулинг было только две номинации без побед за всё время её скромного участия в премии журнала «Мир фантастики». Победа её шестой книги скорее всего продиктована тем, что это предпоследняя книга, поэтому перед концом рентабельного конвейера надо было выжать максимум продаж.

До этого в этой номинации побеждали исключительно книги от «Эксмо» и зависимого от него «АСТа». Лишь потом редакция расширила «круг почёта» для нескольких издательств.

Нужно напомнить, что правами на книги Роулинг тогда владело «РОСМЭН», а к 2014-му – уже «Азбука-Аттикус». Запомните это, так как в дальнейшем эта информация нам ещё даст повод домысливать подоплёку компанийского сговора между издательствами.

Все реальные факты того, что иностранные романы для подростков уже получили множество премий за рубежом, редакции были известны, но они пренебрегли ими лишь потому, что предполагаемые продажи уже были заведомо предсказуемыми. Это касается не только книг Джоан Роулинг.

Давайте рассмотрим ниже других победителей номинации «Лучшая детско-юношеская фантастика года», которые не относятся к издательскому холдингу «Эксмо-АСТ».

«РИПОЛ классик» с книгой Патрика Несса «Голос монстра» в 2012 году. Продажи при этом не впечатлили. Дальше стартового тиража дело не пошло. Только спустя 4 года в 2016 году эту книгу издательство смогло выпустить новым тиражом, когда в кинотеатрах в этот год вышла экранизация романа. Не будь её, и второго тиража могло не случиться в планах вовсе. Вытащить проект помог Голливуд, а не итоги журнала «Мир фантастики».

«Азбука-Аттикус» и её книга от автора Дианы Уинн Джонс «Сказочное невезение» обрела «счастье» в 2014 году.

В 2016 году в подростковой номинации победила «Азбука-Аттикус» с её книгой Чарльза де Линта «Кошки Дремучего леса».

В итогах 2018 года дали награду издательству «РОСМЭН». На этот раз книге некоей Е. Соболев «Дарители. Сердце бури».

В подростковой номинации 2021 года отдали награду неизвестной книге из «РОСМЭН». Книга называется «Лабрис». Кто-то про неё слышал?

Как видим, с 2011 по 2021 год другие издатели получали призы в этой номинации строго через два года и по чётным датам. В 2020-м дали «подростковой» книге из АСТ, поэтому график выдачи другим издателям перенесли на 2021 год. Но мы же понимаем, что 2020 год был сложным, поэтому «Эксмо-АСТ» не могло себя обделить в такое сложное время. Если бы в 2020 году не произошло пандемии, то награду в номинации «Лучшая детско-юношеская фантастика года» получила бы книга от «РОСМЭН» или «Азбука-Аттикус». Теперь, судя по всему, выдача наград «посторонним» книгам для подростков будет происходить в нечётные года, ведь раньше всё шло по чётным датам. Явно же была договорённость об очередности, если раньше она соблюдалась исправно. В издательский сговор вмешалась пандемия.

Российские подростки скупали десятки тысяч книг из цикла «Дивергент» Вероники Рот в 2012-м, также скупались книги из цикла «Голод-

ные игры» Сьюзен Коллинз. Кстати, английское «ВВС» признало сам цикл книг «Голодные игры» как «100 самых вдохновляющих романов по версии ВВС» в 2019 году в разделе «Приключения». Но вышли все три книги цикла за рубежом с 2008 по 2010 год, а у нас в России первые две книги вышли в 2010-м, а в 2012-м вышло целых четыре издания третьей книги цикла с разными обложками, но с тем же названием, где общий тираж каждой версии улетал за стартовую отметку в 10 тысяч экземпляров вместе с последующими доптиражами. Каждая отдельная книга цикла «Голодные игры» по всему миру нахватала кучу премий. Но «Мир фантастики» убеждал, что «книга года» у подростков в эти годы будет именно тот неликвид от неизвестного и нераскрученного западного автора, который они, прошу прощения, всучили читателям.

Отступим от подростковых номинаций в сторону «взрослых».

Нелепые самоповторяющиеся романы Виктора Пелевина каждый раз продаются тиражом свыше 30 тысяч экземпляров с первого месяца выкладки. И никакая злобная критика его завышенные тиражи не может серьёзно пошатнуть.

Несуразные романы Дмитрия Глуховского, которые продавались тиражом в несколько сотен тысяч, почему-то не становились «книгами года» журнала, как и другие бестселлеры, в том числе и от Дэна Брауна.

Кстати, одному и тому же роману Чайны Мьевиля «Рельсы», выпущенному проектом «Fanzone» от «Эксмо», журнал дал премию дважды: в 2012-м и 2015-м. Сначала в номинации «Лучшая книга на языке оригинала» в 2012 году, а затем в номинации «Лучшая детско-юношеская фантастика года» в 2015-м. Видимо, слишком уж этот роман был менее успешным в продажах, чем более раскрученные романы того же автора. На постоянном слуху и в регулярных обсуждениях у книжных интернет-блогеров совершенно другие романы Чайны Мьевиля. Да и на литературных сетевых площадках больше восторгаются и делятся впечатлениями о совершенно других произведениях этого автора, а вот эти жалкие попытки впихнуть невпихуемое у редакции журнала не получилось.

Сейчас найдётся немало тех, кто будет ругать меня за то, что я осмеиваю попытку журнала выжить в тяжёлые времена. Хорошо, давайте вспомним, что у журнала «Мир фантастики» в период 2018 года встал вопрос о прекращении издания из-за нерентабельности. И как многие помнят, у них появился западный покровитель, но при этом сотрудники редакции журнала «Мир фантастики» решили возобновить издание уже через краудфандинг, причём делали они это год за годом. И памятен нескрываемый ими же факт, что собирали они денег в несколько раз больше, чем требовалось. А суммы там значились в несколько миллионов рублей. И это всё благородные излишки доверчивых читателей.

Рассмотрим конкретные цифры, которыми редакция журнала сама хвастается.

Ссылка на их браваду – <https://www.mirf.ru/faq/mir-fantastiki-vnov-blagodarit-chitatelej/>

Из неё следует: «Читатели помогли нам в непростой период, когда уже вышел журнал с надписью «Последний номер» на обложке, – и в итоге мы провели успешную крауд-кампанию, собрав 5 миллионов рублей. А в 2019 году запустили вторую кампанию, которая оказалась ещё успешнее: 6 миллионов, 15 номеров, 1 главный редактор со слезами на глазах».

Вы понимаете, они даже прослезились от читательской доверчивости и их же наивной надежды на благородную идею в пользу бумажного издания.

Первый краудфандинг получил свыше 5 миллионов рублей. Это при заявленной цели в 100 тысяч рублей.

Вот ещё информация, но уже по третьему краудфандингу: «10 января 2021 года завершилась третья крауд-кампания по подписке на журнал «Мир фантастики». За 52 дня читатели вложили в проект 8 621 200 рублей – на 2 592 630 больше, чем в 2019 году, и на 3 582 380 больше, чем в первой крауд-кампании, когда на кону стояло существование журнала».

Информация по ссылке – <http://geekcity.ru/mir-fantastiki-sobral-86-milliona-rublej-po-itogam-tretego-kraudfandinga/>

В третьем краудфандинге было оглашено, что планируется издание на русском языке французского комикса «La Science Fiction» от знаменитого издательства «Les Humanoïdes Associés» (их проекты: «Инкал», «Метабароны»). При достижении сверхцели в 4,5 миллиона рублей все подписчики должны получить его бесплатно. Собрали, как уже указано, свыше 8,5 миллиона рублей.

И в очередной раз получив эти миллионные излишки, как и в прошлогодние сборы денег, редакция без объявления хоть какого-то списка экспертного жюри выдавала своим в прямом смысле дорогим читателям список-разнарядку из холдинга «Эксмо-АСТ» вместо экспертной оценки уже реально вышедших книг в предыдущем году. И неудивительно, что редакция не говорила, кто именно сделал выбор в пользу конкретных книг. У редакции нет экспертных литературных критиков из числа редакционного совета. Они просто получают список с готовыми «лауреатами», которых нужно подтянуть по продажам. Задача редакции – выдать этот список как свой собственный выбор. И это всё ими творится, когда они сидят на миллионах, получаемых от наивных читателей, которые им поверили на слово и доверили свои деньги, раскошелившись сверх меры только из любви к фантастике. Читатели уже устали видеть то, как закрываются ранее несокрушимые столпы журнального мира фантастики. Из желания помочь и поддержать люди отдавали денег больше, чем от них просили. Мало того, что читатели переплатили за «живучесть» журнала, так ещё немало оказалось тех, кто по наводке журнала закупал тот самый неликвид, который им подсовывали.

Вспомним, что попадало в победители в номинации «Книга года».

Сергей Лукьяненко и его «Черновик». Он вообще получил две награды за 2005 год от журнала: «Книга года» и «Лучшая отечественная фантастика». Найдутся те, кто начнёт обвинять меня во лжи на счёт ангажированности побед. Не знаю, продавать «Черновик» Лукьяненко как-то надо было. Вот и подсуетилось издательство с премией для этой книги. Мнение читателей в избытке есть на профильных сайтах. Разделить уверенность выбора самой редакции читатели не хотят. И даже после экранизации разочарование читателей только укрепилось. Давать сочные цитаты из отзывов на различных сайтах на счёт этой книги я не буду. Слишком много текста будет, а точных и ярких высказываний там хватает, чтобы составить полноценный ругательный обзор на книгу.

Всё тот же Лукьяненко за свой роман для подростков «Недотёпа» получил в 2009 году награду в номинации «Лучшая детско-юношеская фантастика года». Немало читателей нашли этот роман в пору для детей не старше 10 лет, а вместе с этим набросились с критикой на скучных

персонажей, невыразительный затянутый сюжет и нелепый натужный юморок. Продолжение романа мало кто стал покупать, а третья книга из цикла «Трикс» так и вовсе не вышла по объективным рыночным причинам. Спросите у Лукьяненко – он сам не даст соврать. Десять лет прошло, а мэтру сам издатель не хочет давать повод даже думать о завершении книжного проекта: себе в убыток рукопись пускать в печать «Эксмо-АСТ» он не станет.

За 2009 год сразу в двух номинациях «Книга года» и «Лучшая отечественная фантастика» победил зачем-то Дмитрий Казаков со своим романом «Русские боги». Можно просто зайти на страницу этого романа на сайте «Лаборатория фантастики» и увидеть «успех» у читателей, которые не поскупились на критику. Оценки 3, 4 и 5 по десятибалльной шкале там во множественном количестве подкреплены отзывами, наполненными язвительными замечаниями.

Марина и Сергей Дяченко, кроме истёкшего 2021 года, в более ранние годы получали награды за те романы, которые получили крайне обозлённые отзывы, где очень часто фигурируют оценки от 3 до 6 по десятибалльной шкале на сайте «Лаборатория фантастики». Негативных отзывов очень много как на «Луч», так и на «Год чёрной лошади». Как много тех, у кого эти книги остались на полках? Совсем не согрел луч непомерно скучный год чёрной лошади.

Хочется задать три вопроса сидящим на миллионах рублей редакторам журнала «Мир фантастики» и их новому западному владельцу:

1) Вам не стыдно просить каждый год денег у читателей, а потом, набив мешки многомиллионными излишками, выдать им не настоящую и независимую экспертную оценку, а вновь подсунуть список от «Эксмо-АСТ»?

2) Если вы получили денег сверх меры, то может, уже станете независимым источником знаний в мире фантастики для своих преданных в обоих смыслах читателей? У вас столько лишних миллионов, что можно нанять известных профессиональных критиков, которые будут читать все новинки, а потом давать разностороннюю оценку каждому номинанту.

3) Неужели вам не хватило тех денег, которые вы получили ещё за предыдущие два краудфандинговых запроса, чтобы выпускать журнал весь 2021 год без повторно протянутой руки?

В новой сложившейся ситуации уже слышны голоса западных литературных гигантов, которые отказываются продлевать контракты на издания своих книг в России. Стивен Кинг, Джо Аберкромби, Нил Гейман – кто следующий? Список явно пополнится ещё.

Ещё более грустные времена наступают. У читателей нагло выманивают деньги и вместо них выдают трудно продаваемый суррогат литературы. Видимо, пришло время перечитывать признанных мэтров. Нового, оригинального и честного в фантастической литературе на отечественном рынке уже можно не ждать? Я спрашиваю и про книги, и про авторов.

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Геннадий БАСОВ

ЖИВОЙ ГОЛОС ГАРДУБЕЯ

Столетия живет в мире удивительная профессия: художник. Столько замечательных людей вложили в неё самое лучшее, что у них есть. Михаил Гардубей – один из них. Каждая выставка его картин становилась событием художественной и общественной жизни. Её обсуждали, о ней спорили. Она могла нравиться или не нравиться, но равнодушным не оставляла никого. Люди стремились в его мастерскую как к творческому человеку, где можно было просто помолчать, отдохнуть душой, почувствовать себя свободно в любой компании.

Несколько лет назад я готовил о нём статью для публикации в журнале. Не случилось. Рабочие материалы, хранившиеся на диске, «сгорели». Однако недавно в своих архивных папках наткнулся на наши с ним разговоры. Фрагменты неопубликованного интервью перед вами как дань памяти замечательного художника и человека, ушедшего от нас 6 февраля 2022 года, за два дня до своего 74-летия.

Наше с ним знакомство началось благодаря моей работе в художественном фонде Тюменского отделения Союза художников России и длилось более двадцати лет. Он напоминал мне доброго сказочника, голос которого звучит во мне до сих пор. Слушать Гардубея – сплошное удовольствие. Словами он рисовал так же, как кистью, используя в речи интонационно богатую палитру звуковых красок родных для него украинского и русского языков.

– Михал Михалыч, художниками рождаются или становятся?

– И рождаются, и становятся.

– Не на Олимпе ли случайно?

– Случайно нет, но рядышком (смех). В Закарпатье.

– Слышал, что вы любите сало.

– Нет, не люблю. В студенчестве столько его переел... Причем не потому, что любил, а по необходимости. Просто этот продукт не портится. В студенческие годы, а поступил я учиться в Ужгородское художественное училище в 1963-м, мы постоянно были голодными. Понятно, что рядом село, но зарплаты у родителей были небольшие, хотя отец сначала был дежурным по станции, а уже потом начальником станции. Сильно-то не могли помогать. Каждый мой приезд – раз в неделю – сунут денег, продуктов, которые не портятся. Например, сало копченое. Его было очень много. Дима Бобонич поедет домой, то же самое привезет. (Дмитрий Бобонич (1942–2008) и Михаил Гардубей – земляки, однокурсники, друзья. Практически всегда были вместе. Даже мастерские на ул. Мельникайте в последние годы их земной жизни были на одной площадке. – Прим. автора).

– Чем примечательны студенческие годы?

– Разнообразием интересов. Поскольку мы люди молодые, надо было и в кино сходить, и в театр, и в филармонию. Литературу по искусству тоже надо было приобретать. Она и тогда стоила больших денег, а уж если красивая... Помню, увидел маленький симпатичный альбом Поля

Сезанна (венгерское издание «Корвина»). И денег вроде как немного, а все равно купил, потому что не устоял перед волшебством. Вообще по искусству собрал неплохую библиотеку. В те времена многим интересно было. Было много того, чего я не знал, поэтому все тянуло-манило.

Поскольку я из села приехал и попал в такую среду, хотелось больше знать, познавать, тем более что многие приехали из городов, окончив художественные школы. Много чего знали. А я люблю общаться с людьми, которые больше меня знают, мне с ними интересно. Кроме всего прочего, и самому хочется быть значимым. Сколько себя помню, всегда хотел быть художником. Правда, не знал, что это такое.

Сегодня уже своим студентам говорю: учить вас не буду, будем учиться вместе. Вы от меня, я от вас. Это несколько не зазорно. Очень талантливая молодежь кругом, много интересных ребят со знаниями, непосредственностью, искренностью. Они столько преподают тебе, что порой просто удивляешься. В свою очередь и я как преподаватель тоже стараюсь не ударить в грязь лицом, стараюсь держать себя в форме, чтобы в тонусе быть. Со временем что-то выветривается у нас.

Молодёжь сейчас немного по-другому мыслит, у них взгляды другие, ценности пересмотрены. В наше время у нас была определённая стабильность, была возможность сначала поработать на имя, а потом уже имя работало на нас. А какая тяга была к чтению! Старались найти всё, что издавалось, появлялось, доставали кто как мог. Сейчас уже не гордятся книгами, не модно.

– Народ потянется к искусству или уже тянется?

– Уже тянется, потому что жить в такой безобразии долго не будем, это неправильно и невозможно. Даже бизнес уже потянулся. Поняли, что это не только красота, но и вложение денег. Думаю, бизнес со временем серьёзно начнёт этим заниматься, потому что сегодня на западных рынках подняты цены на российское искусство, в том числе и современное.

– Студенты все талантливы?

– Талантливые талантливы во всём. В том числе и в любопытстве своём, и в вопросах. Очень много интересного выдают на холстах. Не могу говорить о тех, кто не связан с искусством, но наши студенты, приобретающие навыки, знания, естественно, преобразуются. Меняются не просто внешне, у них даже лик становится другой. Студент сейчас хочет как можно больше поддержки, помощи. Я вот с пятым курсом на прошлом занятии хорошо поработал, аж мокрый вышел из мастерской. Мне интересно, когда испытываю приятную усталость.

– Не хотелось отдохнуть от преподавания?

– Нет. Во всяком случае пока. Конечно, порывы были какие-то, но проходит день-два – и опять все пошло-поехало. Сам факт, что я среди молодежи нахожусь, дает такой заряд, что не даешь себе как-то заостенеть. Вокруг тебя здоровая красивая молодость. Естественно, это настраивает на более оптимистичный лад. Можно просидеть вот так в мастерской, особенно когда уже в возрасте, там болит, тут колет... Единственный, кто у нас не сдаётся, – Толя Седов. Берёт этюдник и постоянно пишет – днём, вечером, зимой, летом. Никак упиться живописью не может. Помоему, у него уже десятки тысяч этюдов, пейзажей. Или вот Юра Юдин. Он тихо свое дело делает, по чувству. Приходишь к нему и отдыхаешь. Всё у него такое красивое, степенное, ангельское почти что. Он достаточно духовный человек, сложился как духовная личность.

Кстати, всегда восхищался и восхищаюсь до сих пор мастерской Юрия Юдина. Кажется, природная аккуратность и порядок для него прежде всего. Не могу то же самое сказать про мастерскую Гардубея, но она, несмотря на творческий в ней беспорядок, притягивает к себе. В ней уютно, солнечно, светло. Правда, как выяснилось, художнику такая светлость, оказывается, доставляет немало хлопот.

– При дневном свете получается не живопись, а тоновые, композиционные поиски. В залах музея, где демонстрируются работы, естественный свет – редкость, поэтому включают дополнительные источники света. Чаще всего многие художники, не только я, свои выставочные вещи не то что не узнают, они там совершенно другие. Бывает, думаешь, чего это я приволок, хочется схватить и обратно унести, а бывает и хорошо. Очень важно, где она пишется. Работы, которые пишутся на свету, если хорошо угадываются в тоне, в итоге смотрятся при любом освещении и в любом зале. Самое главное, когда в такой ситуации побеждаешь картину, заканчиваешь и выводешь ее, как говорится, в народ, отпускаешь как ребенка на прогулку, то уже как-то спокойнее за нее.

– Как часто приходится побеждать картину?

– Победил картину – значит поставил точку и уже больше над ней не работаешь, а бывает, что она не отпускает, и довольно долго. Одну работу я демонстрировал на выставке раза три. Потом дописал ее на персональную. После принес её и снова дописал, поменял ситуацию с фигурой. В общем, случается, что вещь не сдается. Значит, не почувствовал ситуацию. Когда почувствуешь, тогда как Матросов бросаешься на амбразуру, быстро-быстро сделал. Очень важно понять, что ты хочешь. Понять её философию, пластику, содержание... Без этого картина до зрителя не доходит и не дойдет.

– А критики для чего? Они все расскажут.

– Критики умеют это делать. Между прочим, не все они – холодные аналитики. Нравится, когда критики говорят профессионально, обоснованно и основательно. Это их творчество. Слышал версию, что Пикассо очень зол был на критиков, готов был расстреливать их десятками в год (смех).

– Что чаще всего является стимулом к написанию картины?

– Настроение. Мысль ещё не оформилась, а чувство появилось. Такие вещи рождаются спонтанно. Однажды просто берешь кисточку в руки и... Бывает, что нет идеи. Почему? Потому что застоялся, не пишешь по разным причинам. Проходит день, второй, и наступает хандра. Но надо всё равно раскручиваться, за что-то браться. Берешь холст, мольберт и начинаешь разводить мысль вместе с кистью и серым своим веществом.

«Старый город»

– Старый город для меня стал очень близким. Это Малое Городище, куда я ребят водил на практику. Довольно долго там рисовал с ними, и каждый раз, приходя туда, мы не находили тот или иной дом, который подожгли, сожгли, снесли. Понимаю людей, которые там жили и живут. Это трудно, тяжело. Сейчас здесь появляются новые строения, а старое исчезает. Новые «индустриальные небеса» так или иначе побеждают город, который здесь когда-то начинался. Уклад у него был достаточно архаичный, патриархальный. На месте наших мастерских на ул. Мель-

никайте (район парка ТюмГМУ. – Прим. авт.) раньше вообще болото было, на уток ходили.

– Чувствуется, «домики» не дают покоя.

– «Домики» не дают покоя в силу того, что уходят. К сожалению, город не лучшим образом распорядился своей историей. Плохо, что не сохраняем её. Этого материала у меня довольно много наработано, он должен иметь выход, тем более что я неравнодушен вообще к старине. Есть художники, которые умеют обращаться с современными архитектурными городскими мотивами, лихо у них получается, а я это как-то не очень умею, поэтому пишу старые архитектурные мотивы. Они мне как-то ближе. Люблю то, с чем можно общаться как с предметом, который может много чего рассказать. Дом, в котором жило много народу, сколько-то поколений. Когда смотрю на все эти дворы с их садиками, огородами и представляю, как всё это выглядело когда-то. Общались-то семьями, наверное. По-соседски. Особенно летом, когда всё цветёт. Тут же стол, самовар... Между делом и ягоду можно сорвать с куста. И наверняка ставни, наличники, чистые окна, занавески, ворота, резьба...

– Такое встречается иногда на дачах, в коттеджах...

– Во многом это всё наносное, выхолощенное. Нет естественности. Была городская культура, мы её уничтожили, вынесли за пределы города. Почему мы её на дачи-то перетащили. Из города стали убегать. Мы друг друга в подъезде порой не знаем. А раньше на улице наверняка все друг друга знали. Это такой социум был. Какой люд, кто в каком районе жил. В общем, многое просто утеряно. Кстати, Юра Рыбьяков писал Тюмень постоянно. Я пока не почувствовал Тюмень, хотя знал, что для меня значит этот город. Пока не нашёл язык свой, всё старался что-нибудь придумывать, хотел, чтобы у меня было своё. Не знал, что это такое и, кстати, до сих пор не знаю. Всё приходит однажды. В нашем деле всё однажды является. Я вообще-то только рассуждаю по этому поводу, а писалось на одном дыхании. Не знаю, насколько это правильно, но знаю одно, что я просто брал кисть и пользовался своим искусством, которому меня обучили в свое время, и я с удовольствием этому учился, совершенствовался. Короче, играл.

«Самое главное – уметь удивляться, радоваться...»

– Уж не атрибутика ли на подоконниках мастерской способствует игре? Кстати, обратил внимание: сумерки за окном. На тёмном фоне бабочка, сушёная рыба, цветы засохшие и букеты живых цветов. Всё по-другому играет, чем при солнце.

– Частенько обращаюсь к этому. Вот на окне вроде и беспорядок, а я нет-нет да и напишу натюрморт какой-нибудь под настроение. Лимон, например, постепенно выросший из зёрнышка в большой куст. Или лилии. Я вообще все живое люблю, вон сколько у меня разных растений, цветов в горшочках. Бывают какие-нибудь торжества, появляются букеты. Обязательно всё это пишу, потому что хоть какая-то от них остаётся память.

Цветок – это такая красота потрясающая, она так быстро приходит и уходит.

– Веточка хризантемы, видимо, тоже не случайно здесь?

– У меня был день рождения, мне ребята соорудили вазочку для хризантем. Было жаль, что они просто увянут и пропадут. Я их написал.

И вот одна из веточек хризантемы долго живет, несмотря на то что уже засыхает. А рыба у меня историческая. Это мы у интересного художника Германа Метелева в тогдашнем ещё Свердловске пиво пили и этой рыбешкой заедали. Мне она понравилась. С разрешения Германа взял её с тем, что может быть, в картину вклею. Сейчас она абсолютно сухая, до нее как-то и не дошел.

– Не рыбак...

– Да, как-то не очень. Когда-то увлекался, а сейчас никак. Был у меня друг, покойный уже, Эдуард Николаевич Тягло, мы с ним частенько выезжали, ловили. Мне нужен энтузиаст в этом деле. Вообще он был интересный парень. Хороший дизайнер. Кстати, неплохо писал этюды. Вместе на этюды частенько ездили. В последние годы его жизни мы с ним как-то так сошлись, работали вместе, у нас были хорошие с ним отношения, приятельские. Он же потом председателем был у нас и, между прочим, благодаря ему все эти художественные мастерские в городе построены. Это его заслуга.

– Любимое время года – весна?

– Не могу никак весну ощутить. То начинается авитаминоз, то сессия, то цветение проходит, и я не успеваю любимую первую зелень ощутить, написать. Между прочим, у меня нет ни одного весеннего пейзажа. Лето быстро наступает, потом осень. Вот осень я как-то ощущаю. Мне нравятся все времена года, но в самом начале, когда все свежее, яркое. Осень ранняя, золотистая... Первый снег тоже нравится. Вообще мне все времена года нравятся. По моим работам даже и не определить, какое время года мне больше нравится. Видимо, в какой-либо ситуации и в определенный момент могу восторгаться любым временем года. Все живое в природе имеет свою прелесть: и дерево, и человек, и зверь, и бабочка...

Самое главное – уметь удивляться, радоваться, а мы не умеем. Когда себя остановишь и заставишь на мгновение посмотреть на всю эту красоту, которая тебе однажды дана и больше не повторится никогда. И тогда начинаешь по-другому всё воспринимать, начинаешь озаряться, вдохновенно на всё смотреть. Часто ловлю себя на том, что не всегда так получается. Идешь хмурый, то, сё, какие-то дела не идут, то денег нет, то ещё что-нибудь...

– Денег часто нет?

– Часто. Не скажу, что бедствую, но в общем-то недостаточно для того, чтобы ощущать себя нормально, чтобы мог делать то, что хочу. Сейчас занятие искусством – это всё-таки, мне кажется, для богатых людей. Раньше это было доступно тем, кто получал образование, кто занимался искусством и любил его. Теперь это дорогое удовольствие. Поэтому искусством надо заниматься, когда есть деньги. А когда у тебя куча всяких разных дыр, то не всегда это дает толчок к какой-то идее, наводит на светлые мысли. Любому человеку, который идет смотреть картины, хочется порадоваться. Что ему показывать? Пузатых капиталистов уже показывали, страдания пролетариата мы тоже прошли. Сейчас черноты чернее черного полным-полно, сколько хочешь, наелись до отвала. А хочется какой-то росточек, полюбоваться им, умело, красиво чтобы было, живое, естество какое-то и радость принести. Сегодня для этого надо быть достаточно внутренне свободным. Когда ты не свободен от многих вещей, в том числе и от денег, будь они не ладны, тут уж, конечно, проблемы и начинаются.

– Художник может быть подлецом?

– Подлецом? Не знаю. Единственное, могу утверждать, что хороший человек может быть хорошим художником. Это меня больше устраивает. Меня как-то тоже обзывали подобными вещами, потому что я не поучаствовал в чем-то однажды и мне просто-напросто нагло сказали: как может подлец писать картину о Дон Кихоте? Я был в недоумении. Во-первых, переживал это дело страшно. Понимал, что тебе пришили ярлык сгоряча. Не думаю, что был достоин такого «звания». Большинство художников, истинных художников, нормальные, порядочные и приличные люди. Нас так воспитывали, и мы ни в коей мере не ограничиваем их свободу. Более того, у нас обучение несколько иное, чем в других учебных заведениях. Если вижу, что человек не может сегодня работать или настроения нет, да мало ли что, болеет, например, я его просто освобождаю, отправляю делать что-то другое. Лучше не трогай. Если не идет, отложи – и в следующий раз сделаешь больше в два раза. Так что ещё раз скажу, что хороший человек может быть и отличным художником.

– Меня всегда интересовало, почему в работах Гардубея такая жизнерадостность? Почему, «прогуливаясь» по выставочным залам, невозможно глаз оторвать от его картин, посвящённых, например, старой Тюмени или Дон Кихоту с его верным оруженосцем Санчо Пансо? Конечно же, рядом с ними особо звучит женская тема с многообразием созданных им образов, которым художник посвятил достаточно большую часть своей жизни.

– Женская тема меня всегда трогала. Женщины – это праздник, наше счастье, радость и красота. В них же мы находим свои несчастья, и беды, и всё, что хочешь. Тем не менее ради них мы готовы на очень многое.

– Показать, например, красоту женщины, её нежность и хрупкость.

– Да я её в разные ситуации ввожу, большей частью в театральные. Потому что девушек с веслом мы уже насмотрелись, женщин со шпалами на железной дороге – тоже. Хотя они, наверное, обидятся, если посмотрят. А мы, мол, работяги... Большой частью хотелось показать женщину как украшение жизни, как соцветие, как букет...

– Не из этих ли творческих исканий возникла кличка «бабник»?

– Всё гораздо проще. В 1998 году на моей выставке в Германии меня спросили: художник, который пишет море, – маринист, а кто пишет женщин, как называется? Я возьми да и выпали: не знаю, как у вас, а у нас это бабник называется. Обратились к моей жене, Галине Сергеевне, как к переводчику. Она, по-моему, ещё хлеще моего сказала, определила что-то типа «игрок с женщинами». А на открытии меня всё равно представили «бабником». Ну мне это понравилось, подумал, почему бы и нет. Где-то журналистам ляпнул про это, и понеслось-поехало. Почему я бабником и прослыл в Тюмени. Мне такой образ уже прилепили, и я тут ни при чём.

– Дон Кихот с его рыцарством и благородством как возник?

– Мой друг Юра Фёдоров однажды принёс мне двухтомник Хорхе Луиса Борхеса. Чтение вообще-то тяжёлое, совсем не развлекательное. Борхес – потрясающий исследователь, тонкий психолог. Насколько всё ёмко, объёмно, Землю нашу держит как на ладони. Может нырнуть в Виннице, а вынырнуть где-нибудь в Сиднее... Всё это происходит у него органично. Там были очень интересные мысли, которые привели меня к идее «пригласить» в Тюмень благородного рыцаря Дон Кихота, который всех женщин обласкает, пастухов от их хозяев защитит, мельницы исправит, всё восстановит и, может быть, толстого доброго Санчо Пансу губернатором Тобольска назначат, чтобы по-доброму, по-человечески

КРАЕВЕДЕНИЕ

Татьяна СОЛОДОВА

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ИСТОРИИ ТОБОЛЬСКА

(XVII – начало XX в.)

помочь ситуацию выровнять, сгладить и помирить. Всё будет хорошо и прекрасно. Только художник может так ко всему относиться.

Сам образ Дон Кихота – это уже образ художника. Вся история, весь роман, если хорошо присмотреться, то в целом это жизнь творца. С неудачами, комиксами, бедами, радостями. Перед искусством, перед порядочным человеком, перед его искренностью иной раз и наглость, и пошлость теряется. Правда, чаще всего происходит наоборот.

Помню, однажды в Москве с моим приятелем Юрой Казаковым мы шли по базару что-нибудь купить. Юра о чём-то спросил, а нас с ним так обхамили, что мы, два мужика, стоим и не знаем, что делать и что сказать. Говорю ему потом, что перед хамством интеллигентный человек всегда теряется. В общем, мы успокоились и пошли дальше. То есть Дон Кихот – это уже теперь мой друг, это я отчасти с моими думами, мыслями и т.д. У меня во всех произведениях вполне выписываются подобные ситуации из моей жизни. Это нормально. Одно вытекает из другого. То, что я делаю, меня же и образует.

Приступая к работе над картиной, ещё и не знаю, что из этого получится. Наша деятельность, как у нас говорят, состоит из умственно усталого труда. Закончив вещь, начинаешь в неё всматриваться, расстраиваться, а потом постепенно успокаиваешься. Идёт изучение самого себя, предыдущий опыт и настоящий переходит на следующие размышления. При этом надо уметь рассмотреть, выцарапать то, что тебе нужно. Можно с мусором ходить и потерять зёрна вместе с шелухой. Вот это очень важно.

– Как быть человеку, который в силу разных причин не имеет возможности общаться с себе подобными?

– Человек сам себе хозяин и творец своего благополучия. Если он волк-одиночка, сам по себе, если ему нечего сказать, то в этом только он и виноват. Если, например, скрипку долго не доставать из футляра и не играть на ней, она засохнет, превратится в труху. Всякий инструмент требует ухода, заботы и внимания. Всякое дело, в том числе искусство, требует ухода, заботы, внимания. Так и человек. Если человек заботится о себе не только внутренне, но и внешне, если он опрятный, на него приятно смотреть. А с другой стороны, если человек опустил, все стараются держаться от него подальше, хотя он сочувствие должен вызывать, но не у всех вызывает. Один и есть один. Сегодня одному очень сложно. Может, мне не так уж плохо и совсем не одиноко, потому что я работаю со студентами. Иногда просто хочется побыть одному.

– Творческие люди всегда ратовали за свободу, и вы сегодня свободны.

– Да, мы её получили.

– Назад хотелось?

– Нет. Тебя отпустили – и всё, до свидания, за тебя уже никто не отвечает. Это рынок, и тут ничего не попишешь. Поэтому изволь жить как можешь. Свобода в этом и заключается. Человек должен прежде всего верить в самого себя. Да, свобода – единственное, что даёт возможность творить, вершить то, что хочешь. А сетовать на безвременье... Мы просто оказались в ситуации пришедших новых времён.

Иной раз сам себя ловишь на мысли, что идёшь как по конвейеру какому-то, потом останавливаешься, начинаешь наблюдать. Для нашего брата наблюдательность – самое то.

Самый ранний, известный нам акт благотворительности в Тобольске датируется 1686 годом. В этом году было закончено строительство первой в Сибири каменной соборной церкви во имя Успения Божией Матери, возведённой вместо сгоревшей деревянной во время страшного пожара 1681 года, который уничтожил все деревянные строения в городе. За два колокола весом в 300 и 566 пудов, предназначенных для церкви и выписанных из Москвы, заплатил лично митрополит Тобольский и Сибирский Павел I (1678–1692). На его же деньги в 1691 году построены Троицкий собор и каменный архиерейский двухэтажный дом.

Вплоть до XVIII века российская благотворительность в основном являлась прерогативой церкви и монастырей. В Сибири монастыри были небогатыми и сами часто нуждались в материальной помощи. Эту помощь, как им, так и в целом нуждающимся, оказывали сибирские высшие духовные лица.

Особой благотворительностью отличались три Антония, митрополиты Тобольские и Сибирские. Антоний I (Стаховский) (1721–1740) на свои деньги построил несколько церквей в Тобольской епархии. Он велел открыть все кладовые Софийского собора, в которых хранились запасы пшеницы, и раздать их бесплатно или продать за символическую сумму голодающим в неурожайный 1738 год.

Антоний II (Нарожницкий) (1742–1748) был поборником духовного просвещения. Он преобразовал в 1743 году тобольскую славяно-латинскую школу в духовную семинарию, и часто, когда материальных средств, отпускаемых на неё, оказывалось недостаточным, содержал воспитанников за свой счёт. Антоний II стал основоположником семинарской библиотеки, подарив ей 27 древних книг церковных писателей на латинском языке.

Много жертвовал на содержание семинарии и Антоний III (Знаменский) (1803–1806).

Известными жертвователями были и другие высшие тобольские духовные лица: Амвросий II, Варлаам II, Агафангел, Иоанн Тобольский (Максимович).

Много доброго сделал для своих воспитанников ректор духовной семинарии протоиерей Пётр Дмитриевич Головин (руководил с 1877 по 1904 г.). Часто он организовывал так называемый подписной лист среди своих знакомых и сослуживцев и таким образом собирал добровольные пожертвования для нуждающихся учеников.

Благотворительность была характерна не только для высшего духовенства. Например, дьякон кафедрального Софийского собора Овчинников подарил Рождественскому приходскому училищу, основанному в 1815 году, деревянное здание.

В XVIII веке благотворительность приобретает государственный и светский характер.

С 1775 года в России начинает функционировать специальный административный орган – Приказ Общественного призрения. Ему предписывалось «везде оказывать... добротство к роду человеческому и способствовать повсюду делам, основанным на человеколюбии».

Приказ Общественного призрения открылся в Тобольске в 1781 году. Недостаточное финансовое обеспечение, отдалённость от центра, неоднократные реорганизации не позволяли ему развернуть широкомащтабную деятельность, но судя по реальным фактам, это учреждение в Тобольской губернии было не только формальным образованием. Так, например, оно учредило в 1800 году воспитательный дом для незаконнорождённых и неимущих детей; в 1825 году содержало в городе четыре богадельни. Значительным вкладом Приказа Общественного призрения в улучшение жизни населения Тобольской губернии являлась организация им в 1878 году первого в Сибири специального медицинского учреждения – повивальной школы при женском отделении больницы Тобольска.

В Тобольске, как и в целом в России, в отличие от западноевропейских стран гораздо больше были распространены не правительственные, а общественные и частные формы благотворительности. Благотворительные учреждения функционировали таким образом, что сами существуя во многом на пожертвования, имели своей главной целью оказывать помощь отдельным лицам или объектам материальной, духовной и физической культуры: храмам, школам, больницам, музеям и т.п.

В Тобольске благотворительные общественные организации начали создаваться во второй половине XIX века. Одни из них были стабильны, состояли из большого количества человек, надёжно обеспечивались материальной базой и существовали десятилетиями. Другие возникали и через какое-то время распадались. Кроме того, создавались и временные учреждения (комитеты) по оказанию помощи бедному населению в определённый отрезок времени с конкретной целью. Например, по ликвидации последствий стихийных бедствий. В Тобольске это наводнения, пожары, эпидемии инфекционных болезней, неурожай.

Значимым церковным общественным учреждением в Тобольске являлось церковное братство св. великомученика Димитрия Солунского. Основанное 25 октября 1890 года, оно руководило всей религиозно-нравственной жизнью Тобольской епархии. Его основные задачи: сохранение чистоты христианских нравов, укрепление в народе любви и привязанности к православной церкви.

Братство имело свою типографию, в которой издавался главный печатный орган епархии – газета «Тобольские епархиальные ведомости» (1882–1919). Издательское отделение братства выпускало и листки религиозно-нравственного содержания, предназначенные для народного чтения; они раздавались бесплатно.

Братство оказывало благотворительную помощь учебным заведениям и учащимся по церковному ведомству. Для этой цели оно создало епархиально-училищный совет. Например, в учебном 1899–1900 году на содержание школ братство выделило 1440 рублей.

При братстве имелось Тобольское епархиальное попечительство о бедных духовного звания. Оно не только выполняло свою основную задачу – оказывало материальную помощь лицам низшего духовного звания

и их семьям, но и организовывало пожертвования в пользу больных и раненых солдат во время военных событий. Особенно много благотворительных сборов осуществлялось в годы Первой мировой войны.

Благотворительностью являлась и деятельность братства, направленная на борьбу с пьянством народа в виде создания общества трезвости, которое вело многообразную работу в виде открытия народных чайных, распространения листовок, организации народных чтений с туманными картинками, проведения праздников трезвости. В Тобольске впервые праздник трезвости состоялся 3 июля 1913 года. Он начался со звона церковных колоколов и крестного хода. «Трезвитесь!», «Не пейте вина: вино – яд!» – призывали надписи на флагах, висевших на помосте, приготовленном для молебна.

Со второй половины XIX века в Тобольске создаётся много светских обществ, деятельность которых имеет благотворительные цели материального характера: «Общество взаимного вспомоществования учащимся и учившим в учебных заведениях Тобольской губернии», «Попечительское общество о бедных», «Общество вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии», «Тобольский губернский музей» и др.

Среди них определённый вес имели дамские комитеты. Начало развитию женской благотворительности в Тобольске было положено женским отделением попечительного о тюрьмах комитета, созданного в 1856 году с целью оказания помощи заключённым женщинам и тем женщинам, которые добровольно следовали в Сибирь за своими близкими: мужьями, отцами, иногда братьями. В то время Тобольск был крупным пересылочным центром. Инициатором создания женского отделения попечительного о тюрьмах комитета был тобольский губернатор В.А. Арцимович, а возглавила отделение его жена Анна Михайловна.

В начале XX века был образован женский благотворительный комитет по оказанию помощи переселенцам. Во главе его стояла жена тобольского губернатора Лаппа-Старженецкая.

Одно из важных благотворительных учреждений в Тобольске – Общество Красного Креста, основанное в 1894 году.

С начала XX века в Тобольске активизировалась деятельность общины сестёр милосердия при Обществе. Это было связано с русско-японской войной. Теоретическая подготовка сестёр милосердия по программе фельдшерниц велась безвозмездно тобольскими врачами А.К. Зембицким, С.М. Кельвичем, И.И. Покровским, В.К. Линдебергом и провизором Х.А. Фрейбергом.

В 1904 году восемь сестёр милосердия были командированы на Дальний Восток в составе сформированного в Тобольске этапного лазарета, развёрнутого на 150 кроватей и квартирующего в Харбине. В 1906 году Общество собрало значительную сумму пожертвований в пользу больных и раненых воинов. Только за первые четыре месяца этого года их поступило на сумму 137 957 рублей 86 копеек.

Общество Красного Креста неоднократно оказывало помощь жителям Тобольской губернии во время неурожая и наводнений. Например, в январе 1912 года Красный Крест помог открыть столовую в Тобольске «для обслуживания беднейшего населения нагорной части города и деревни Завальной» и столовую на 50 мест «для обеспечения питательной помощи населению, расположенных в районе Абалакского монастыря

селений»¹; организовал выдачу пищевых продуктов жителям волостей, прилегающих к Тобольску, которые пострадали от неурожая. Всего на голодающих в этом году было израсходовано 1 000 рублей. В 1914 году Общество выделило 16 волостям Курганского уезда, пострадавшим от наводнения, 3 тысячи рублей.

Деятельность Общества особенно активизировалась в годы Первой мировой войны. В 1915 году на средства Красного Креста открываются лазареты в Тюмени, Туринске, Ялуторовске и Ишиме. В этом же году заготавливается бельё для здоровых и больных низших чинов. В январе 1916 года на помощь русским военнопленным Общество выделило 1 778 рублей. В журнале заседаний Тобольского местного управления Общества Красного Креста от 14 марта 1917 года записано: «Ассигновать из сумм местного управления на приобретение подарков для воинов, находящихся на театре военных действий, 3 000 рублей».

Интересной формой сбора пожертвований являлись уличные благотворительные акции. Они проходили по всей России в начале первого десятилетия XX века. Каждая из них имела своё образное название, связанное с названием какого-либо цветка или другого растения: День фиалки, День незабудки, День белого цветка (ромашки) и т.п. В День белого цветка собирались пожертвования для оказания помощи больным туберкулёзом, в День колоса – средства для помощи голодающим. Акция «Белый цветок» была инициирована Елизаветой Фёдоровной.

Суть акции состояла в следующем: её участники с большими закрытыми кружками для сбора пожертвований ходили по улицам, частным домам и учреждениям. Тем людям, которые опускали в прорезь кружки свои деньги, они давали цветы или колосья того или иного злака.

Первый подобный праздник состоялся в Тобольске в марте 1912 года. Он назывался Днём колоса ржи; сбор с пожертвований шёл в пользу голодающих, поскольку лето предыдущего, 1911-го, было очень неурожайным.

Уездный комитет Красного Креста, который организовывал День колоса в Тобольске, не рассчитывал на большой сбор, но «для помощи голодающим всякое даяние – благо»². Тем не менее сборы превысили даже самые оптимистические прогнозы.

Публика была заранее осведомлена о дне этой акции. Утром 30 марта в городской управе собрались девушки и молодые люди, пожелавшие принять участие в сборе пожертвований. Их разделили на пары. Каждой девушке вручили сумки с колосьями ржи и искусственными цветами – васильками для раздачи пожертвователям. Молодые люди получили по опечатанной кружке и плакаты с воззваниями. Всего было 43 кружки. «Каждая пара, украшенная синими лентами в синих цветах, представляла очень красивое зрелище», – писал «Сибирский листок» (№ 38, 1912 г.).

После молебна и напутственного слова сборщики разошлись по городу. «К 6 часам кружки стали возвращаться; утомлённые сборщицы приходили весёлые, с массой рассказов; везде публика принимала их очень радушно. В самых бедных кварталах города приглашали войти отдохнуть, закусить, выпить чаю, доставали деньги из печурок, из тряпок и давали».³

1 Там же, л. 90.

2 «Сибирский листок». № 37. – 1912.

3 «Сибирский листок». № 38. – 1912.

Деньги предназначались для открытия столовых в помощь голодающим в деревнях и сёлах Тобольской губернии. Вечером в народной аудитории состоялся литературно-музыкальный вечер.

Этот успех вызвал желание повторить подобную акцию. 20 апреля 1913 года в Тобольске был организован День фиалки. Сбор от продажи на улицах города этого цветка, точнее пожертвований под видом его покупки, поступил «на приют для мальчиков – беспризорных и несчастных детей улицы, вновь открываемый в г. Тобольске Попечительным о бедных обществом»¹. В объявлении об этой акции председательница этого Общества В. Гаврилова призывала: «Помогите бедным и бездомным детям! Опускайте в кружки свои лепты!».²

В этом же году, 21 мая, в городе прошёл День незабудки – в пользу семей заключённых в тюрьмах. 26 августа 1914 года – День цветка и колоса «в пользу раненых и семей призванных запасных». В связи с военным временем кружек было только 23, так как за недостатком юношей, мобилизованных на фронт, кружки пришлось носить девушкам. За каждой кружкой их закрепили по две. Несмотря на холодную погоду, сбор продолжался целый день. «Обращал внимание публики маленький детский шарабан³, весь обвитый цветами; запряжён был маленький лошак, управляли им двое детей...».⁴ Были и другие повозки, управляемые детьми. Они объезжали окраины города: Подчуваши, Завальную деревню и др. Сбор составил 1270 рублей.

26 ноября 1916 года в Тобольске был устроен День св. Георгия. Днём проходил уличный кружечный сбор в фонд «Особого совещания Георгиевского комитета по воспитанию и устройству детей и сирот георгиевских кавалеров»⁵, а вечером – спектакль с литературно-музыкальным отделением в народной аудитории и «сеанс кинематографа».

Известно, что во время Отечественной войны 1812 года в Тобольске шло много благотворительных спектаклей в пользу раненых и военных нужд. В то время в городе существовал профессиональный театр. Однако в 20-е годы XIX века профессиональная труппа заканчивает своё существование, и на целых 80 лет в Тобольске наступает период любительского театра или гастролирующих артистов.

К середине XIX века в городе образовалось несколько любительских театральные кружков, в основном из представителей местной интеллигенции: учителя, чиновники, офицеры и их жёны участвовали в различных постановках. Любители были не только артистами, но и режиссёрами, руководителями кружков. Декорации, грим, парики тоже изготовлялись местными силами.

В 1885 году состоялось учреждение Тобольского драматического общества. Оно существовало наряду с другим объединением, члены которого называли себя любителями драматического искусства. Кроме того, ставились спектакли силами учащихся гимназии и военными губернского батальона, располагающегося в городе.

Первая постоянно действующая труппа профессиональных актёров появилась в Тобольске после долгого перерыва в 1900 году. Её благотвори-

1 «Сибирский листок». № 45. – 1913.

2 Там же.

3 Шарабан – тип открытой повозки.

4 «Сибирский листок». № 101 – 1914.

5 «Сибирский листок». № 138. – 1916.

рительность чаще всего проявлялась в виде постановки так называемых общедоступных, или народных спектаклей, т.е. спектаклей по сниженным ценам. На зимний сезон 1906–1907 в Тобольск была приглашена труппа антрепренёра¹ г-жи Щербаковой из 16 артистов. По договору она должна была поставить не менее 50 обыкновенных спектаклей и не менее 10 народных, «цены которых должны быть не выше как от 5 копеек до 1 рубля...».

Но давались и благотворительные спектакли. Труппа не осталась равнодушна к проблемам города, в котором работала: она дала благотворительный спектакль в пользу учебной мастерской женских рукоделей в Тобольске. «...интересующиеся делами школы не могут быть не признательны приезжим артистам за их сочувственное отношение к этой городской школе...»².

Тобольск имеет богатые музыкальные традиции, идущие со времён пленных шведов (нач. XVIII века), продолжившиеся знаменитым композитором А.А. Алябьевым (нач. 30-х гг. XIX в.) и декабристами, сосланными на поселение в Тобольск (конец 30-х гг. XIX в.), особенно Ф. Башмаковым и П. Свистуновым.

Сами декабристы не имели права участвовать в общественных мероприятиях, например, в благотворительных концертах – это делали их ученики. Например, в Тобольске в 1839 году на благотворительном музыкальном вечере выступила с концертом Черни ученица одного из декабристов, «малолетняя виртуозка», княжна А.П. Горчакова, исполнение которой... оценивалось весьма положительно: «Молодая княжна играла превосходно. Самые трудные пассажи были исполнены с величайшей точностью».

В 1878 году в Тобольске возникло музыкальное общество, одно из первых в Сибири. Большинство концертов помимо их основного назначения – реализации местных талантов и музыкального просвещения, имело благотворительные цели. Например, в пользу учениц Мариинской женской школы 16 декабря 1890 года и 6 мая 1893 года.

С открытием в 1863 году в Тобольске Общества для вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии спектакли часто проходили с целью пополнить фонд этого общества. В 1866 году «ТГВ» (№ 3) писали: «В Тобольске устраиваются любительские спектакли, преимущественно нашими дамами, которые одни сумели поставить около себя кружок из лиц часто совершенно различных убеждений и соединить их для единого достижения цели – увеличения средств Общества (имеется в виду Общество для вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии – Т.С.) посредством сборов от этих спектаклей. Не доказывают ли эти спектакли, усердно посещаемые публикой, что сочувствие к делам Общества принадлежит массе общества и не есть что-то напускное, временное...».

Средства от концертов и спектаклей шли также в пользу горожан, пострадавших от наводнения и пожара, в пользу строительства новых учебных заведений, для облегчения жизни переселенцев.

Солдатские и офицерские спектакли чаще всего ставились с целью оказать материальную помощь воспитанникам местной военно-музыкантской школы.

Ученические спектакли собирали средства на благотворительные цели в виде не платы за вход, а как добровольные пожертвования, которые шли на нужды «недостаточных» воспитанников учебного заведения.

Много благотворительных спектаклей было дано в пользу строительства зданий Губернского музея (1889 г.) и Народной аудитории (1899 г.).

Цели благотворительных спектаклей и концертов выходили за рамки местной благотворительности. Так, например, 18 июня 1861 года был поставлен спектакль в пользу погорельцев города Петропавловска. Сбор составил 198 рублей серебром. «ТГВ» (№ 25, 1861) писали: «...мы искренне благодарим благотворителей от лица бедных погоревших и уверены, что и эта лепта принесёт свою пользу и поможет нескольким бедным семействам сколько-нибудь поправиться и выйти из того тяжёлого бедственного положения, в которое ввергла их внезапная потеря жилищ и имущества».

В 1867 году тобольские любители театрального искусства дали два спектакля в пользу Туринского женского училища, а 10 июня 1893-го – спектакль, сбор с которого предназначался жителям этого города, пострадавшим от пожара.

В 1904 году дирекция музыкального общества стала первым учреждением в Тобольске, которое внесло крупную сумму на нужды русского военного флота, организовав 20 февраля спектакль, состоящий из музыкального отделения (сцены из IV акта оперы «Жизнь за царя» Глинки) и драматического (комедия Чехова «Медведь»).

В годы войны спектакли и концерты ставились с целью оказать помощь фронтовикам и их близким или населению, пострадавшему от военных действий. Например, 1 октября 1914 года – «в пользу городского попечительства о семьях запасных, ушедших на войну». От концерта, состоявшегося 18 февраля 1915 года, 20% сбора предназначалось в пользу раненых. 50% чистого сбора с концерта, состоявшегося 15 апреля 1916 года, поступило в пользу осиротевших семей русских воинов, павших в боях с германцем на французском фронте. Концерт привлёк много публики.¹

В 1913–1916 годах активизируется театральная деятельность национальных обществ, имеющих в Тобольске. 23 ноября 1915 года римско-католическое благотворительное общество поставило спектакль «в пользу населения, пострадавшего от войны»², а через год, 24 ноября 1916-го – «в пользу комитета Великой княжны Татьяны Николаевны, обслуживающего нужды беженцев и вообще пострадавших от войны»³.

Добрые дела заразительны.

В 1897 году кружок любителей поставил несколько бесплатных и общедоступных благотворительных спектаклей. Кружок состоял из 37 самодеятельных актёров. Кроме них, в него входили участники, которые на общественных началах выполняли обязанности гримёров, декораторов, костюмеров, режиссёров и т.п. Например, фотографы И.С. и С.С. Шустеры «гримировали на всех спектаклях», они бесплатно «доставляли также нужные парики и почти весь грим». «Часть декораций была нарисована бесплатно женой губернского агронома А.В. Скалозубовой и художником Чукоминым». Также бесплатно «местным ремесленником Тихоновым» была сделана суфлёвская будка. «Для буфета Е.П. Таруниной жерт-

1 Так она называется в газете «Сибирский листок».

2 Там же, № 45, 5 ноября.

1 «Сибирский листок», 1916, № 45, 17 апреля.

2 «Сибирский листок», 1915, № 137, 19 ноября.

3 Там же, 1916, № 137, 22 ноября.

вована большая столовая лампа, а Р.С. Ягмин – стенные канделябры». Кассиром, зав. буфетом и «сценариусом» были члены кружка.¹

Другой характерной особенностью благотворительности в городе являлось то, что она совершалась в довольно большой доле в виде бесплатного интеллектуально-духовного или профессионального труда представителей интеллигенции: священников, учителей, юристов, издателей и пр. Врачи безвозмездно лечили бедняков, юристы оказывали им правовую помощь, учителя и священники читали бесплатные лекции, проводили беседы и чтения. Они активно участвовали в общественной работе, бескорыстно выполняли обязанности в пользу какого-нибудь учебного или благотворительного заведения.

Священник тобольского Софийского собора И.Г. Игнатов безвозмездно преподавал во всех классах Главного народного училища татарский язык. Николай Степанович Знаменский, чиновник приказа о ссыльных, безвозмездно выполнял обязанности члена совета Маринской женской школы по хозяйственной части и управлял Александровским приютом.

И.И. Покровский и другие тобольские врачи бесплатно лечили бедняков. О том, каков был этот человек и что он сделал для больных, красноречиво свидетельствует благодарственное послание, преподнесённое ему тоболяками-прихожанами Пятницкой церкви: «Вы были в нашей жизни лучшим другом, внимательным отцом. Трудно указать на нашей окраине какой-либо дом или какую-нибудь избушку, куда бы Вы не внесли своевременную помощь и внимательный уход за больными.

Здесь всё благоприятствует частым заболеваниям и развитию болезней: и болотистая почва, и гнилые речки, и убожество жителей. И каждый бедняк, ища себе облегчение в болезни, шёл за помощью именно к Вам, а многие из них, лишённые сил и прикованные к постели, смело приглашали Вас к себе на дом, зная Ваше полное бескорыстие и преданность ближним...

Ваша богатая врачебная опытность, Ваша необычайная внимательность, Ваше изумительное бескорыстие, Ваше неутомимое трудолюбие снискали Вам и широкую известность, и горячую любовь простого бедного населения Пятницких улиц...»².

После открытия в 1898 году Тобольского губернского музея, на строительство которого не ушло ни одной копейки казённых денег, он стал функционировать благодаря энтузиастам, членам комитета общества «Тобольский губернский музей»: И. Юшкову, Л. Луговскому, С. Мамееву, В. Пигнатти, Н. Скалозубову, В. Ивановскому, М. Филиппову и многим другим, которые отдавали свои деньги, труд, время для поддержания музея. Жертвуя часами отдыха от служебных обязанностей, они бесплатно трудились, собирая и исследуя материал, составляя коллекции, систематизируя накопленные экспонаты. Они постоянно дарили музейной библиотеке свои книги.

Комитетом музея проводились экскурсии, читались лекции и устраивались учёные доклады; велась работа по составлению каталога-путеводителя музея. В 1910 году он организовал бесплатный кабинет для чтения.

Когда в 1860 году в Тобольске была открыта первая воскресная школа для взрослых, городские учителя стали работать в ней безвозмездно. Священник М.Ф. Лебедев в 80-е годы XIX века вёл безвозмездно географию и арифметику в Епархиальном женском училище.

Важную роль в духовно-культурном просвещении народа играли чтения. Сначала они носили религиозный характер. 17 октября 1893 года в помещении образцовой школы при духовной семинарии прошло первое народное чтение в Тобольске. Слушателей собралось так много, что все они не смогли поместиться в небольшом классе. Член общества трезвости протоиерей М.Ф. Лебедев прочитал брошюру «Сила веры». Чтение иллюстрировалось картинками с помощью волшебного фонаря. Большая часть их была изготовлена бесплатно фотографами П.С. Паутовым и И.К. Усаковским.

Если в 1893-94 годах большая часть народных чтений проводилась представителями духовенства, то в 1895 году в них стало принимать активное участие всё больше светских лиц из числа тобольской интеллигенции. Чтения привлекали всё больше слушателей. Чтения, проходившие 21 сентября 1897 года, посетило 170 человек.

Ещё в 1860-е годы в Тобольске стали организовываться первые публичные лекции. Их инициатором стал старший учитель местной гимназии П. Бильдинский. В конце 1864-го – начале 1865-го он прочитал цикл из семи лекций «по истории русской поэзии древних времён с предпосланием общих понятий о русской литературе»¹. Лекции были платными. Деньги, собранные за них, предназначались «для вспомоществования беднейшим ученицам Тобольской женской школы»².

25–27 марта 1883 года в зале Общественного собрания при большом количестве слушателей инспектор тобольской мужской гимназии И.А. Введенский прочёл две лекции на тему «Русская женщина в памятниках народной поэзии и искусственной литературе допетровского времени». Сбор пошёл в пользу бедных студентов и учеников тобольской гимназии.

На лекцию доктора А.Я. Варнакова «Как устроено человеческое тело» в марте 1916 года собралось более 200 человек, из них 2/3 «простого люда. «Благодаря живости и доступности изложения чтение публике понравилось, и когда лектор закончил свою беседу, его наградили дружными аплодисментами»³.

Благотворительный характер был присущ и общественно-развлекательным мероприятиям 2-й половины XIX – начала XX века: лотереи-аллегри, маскарады, балы и танцевальные вечера, гулянья.

Первая лотерея с благотворительной целью, о которой известно, состоялась на маскараде 1 января 1859 года. «ТГВ» (№ 1, 1859) писали об этом маскараде с некоторым подъёмом и даже пафосом: «Новый год начался добрым делом. Наше общество задумало лотерею и посредством этого с разными пожертвованиями благотворителей составило капитал в 500 рублей серебром, которые и предложено раздать бедным. Доброе дело освятит наш новый год, а благодарные слёзы и молитвы облегчённых на некоторое время бедняков вымолят благотворителям счастье и радость, о которых они мечтали на новый год». Публики пришло очень много, так что в обширных залах было тесно».

1 Из отчёта А.С. Суханова о работе, проделанной кружком по устройству общедоступных спектаклей за I пол. 1898 г./ «Сибирский листок», 1898, № 56, 19 июля.

2 Тобольский библиографический словарь. – Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2004, с. 387.

1 ТГВ». – 1864. – № 41.

2 Там же.

3 «Сибирский листок», 1916, № 35, 22 марта.

Благодаря лотерее, проведённой в пасхальные дни 1860 года, денежное пособие получило 189 бедных семей.

29 ноября 1898 года в зале Общественного собрания прошла лотерея-аллегри, сбор с которой предназначался для строительства здания Народной аудитории. Лотерея вызвала в городе невиданный подъём: все желали помочь благому делу. «Все билеты были разобраны почти в час. Толпа, запрудившая улицу, не могла попасть в помещение Собрания», – писала газета «Сибирский листок» (№ 95, 1898). Пожертвования на лотерею принимались деньгами и вещами. В «Сибирском листке» печатались списки жертвователей: «Деньгами Л.М. и М.И. Князевыми – 50 р. В. Жариковым – 5 р., неизвестным – 3 р., Д.К. Дмитриевым – 7 р. 50 коп., А.Ф. Дмитриевым (из Одессы) – 5 р., В.А. Семёновым – 1 р. 50 коп., Неудачными – 1 р...

Вещами: А.И. Бронниковой – корова, А.И. Сухановым – возок и шарф, ремесленной школой – сани, В.Т. Войтеховым – канарейка с клеткой, С.М. Трусовым – лошадь, Я.И. Григорьевым – корова, NN – лампа, А.А. Себякиной – 3 подушки для булавок, И.Б. Шустером – несколько фотографических видов, Валей Соколовой – серебряный совочек для чая, Д.М. Кардоновским – сухарница, столовая лампа, ½ дюжины носков, И.Ф. Александровым – самопрялка, чубук и книги...»¹

В декабре 1914 года в условиях начала Первой мировой войны лотерея была организована в пользу Тобольской общины сестёр милосердия Общества Красного Креста. «Сибирский листок» (№ 139, 1914) писал: «В наше время небывалой ещё в истории человечества войны значение и роль сестёр милосердия для всех ясны и понятны, их подготовка и содержание требуют больших затрат – поддержка общества необходима, а потому можно надеяться, что тобольская публика поддержит предстоящую лотерею как своими жертвованиями, так и быстрым разбором билетов».

Чаще всего лотереи проводились в пользу Тобольского общества попечения о бедных. Цены на билеты были общедоступны.

Первый, известный нам по газете «ТГВ», маскарад тоже имел благотворительные цели. Он состоялся зимой 1862-го года и был объявлен «в пользу жителей Берёзовского края». Чистый сбор с него составил 150 рублей 50 копеек. Берёзовцы крайне нуждались в материальной помощи, поскольку лето 1861 года выдалось очень неурожайным на хлеб. С тех пор можно было часто встретить на страницах местной печати в информации о маскарадах указание на его благотворительные цели. Например, 25 января 1881 года в Общественном собрании состоялся публичный маскарад в пользу бедных студентов Тобольской губернии. Маскарад 22 ноября 1892 года устраивался «в видах увеличения средств Общества (попечения о бедных – Т.С.) на содержание существующего в Тобольске убежища бедных детей.

Маскарады в пользу попечительства о бедных стали в Тобольске традиционными. Они проходили ежегодно. Маскарады в Тобольске помогали не только Обществу попечительства о бедных. Они устраивались в пользу «недостаточных» учащихся и студентов-тоболяков, а также «в пользу юного тобольского музея, крайне нуждающегося в средствах его содержания», как писали «ТГВ» (№1, 1890) о маскараде, прошедшем 19

декабря 1889 года: «...публика с полным сочувствием отозвалась на общепольное дело, собравшись в количестве более чем 500 человек».

В годы Первой мировой войны маскарады организовывались для помощи раненым и увечным воинам. Например, 1 января 1916 года и 2 февраля 1919 года. Чаще всего чистый сбор с маскарада составлял от 50 до нескольких сот рублей. Маскарады продолжались в Тобольске и в годы Гражданской войны. Например, 19 февраля (26 по н.с.) тобольский гимнастический спортивный кружок устроил в Общественном собрании маскарад «на усиление средств в кружке»¹. Это был последний известный нам маскарад, прошедший в дореволюционном Тобольске.

Одним из самых любимых видов общественного развлечения культурной части тоболяков с середины XIX века до революции являлись танцевальные вечера, нередко костюмированные. Порой они сочетались с литературной и музыкальной программой и имели не только развлекательные, но и благотворительные цели. Например, 10 января 1899 года – в пользу Общества сестёр милосердия Красного Креста. В этот же год несколько танцевальных вечеров было устроено в пользу строящегося здания Народной аудитории. 10 августа 1906 года состоялся ситцевый вечер с призами в пользу приюта для подкидышей.

В начале 2-го десятилетия XX века в Тобольске появилась новинка – вечера инженеров и студентов. Вечер инженеров был устроен, например, 18 февраля 1913 года «в пользу общества попечения о бедных и вновь организуемого общества защиты детей и женщин от жестокого обращения». «Народу было довольно много».² Но особенно часто в этот период вплоть до окончательного установления в Тобольске советской власти проводились студенческие вечера. Первый из них состоялся 29 июля 1913-го в пользу Тобольского землячества. С этого года они стали традиционными.

Благотворительность присутствовала даже в проведении общественных уличных развлечений. Например, в 1909 году сбор с катка, открытого в городском сквере, предназначался «на усиление средств дамского тюремного комитета».

Самым доступным для простого населения города и любимым всеми тоболяками был такой способ культурного времяпрепровождения, как гулянья. Чаще всего они проводились в саду Ермака (открыт в 1857 г.) и имели массовый характер. Если гулянье объявлялось платным, то как правило, вырученные средства шли на благотворительные нужды. Таким являлось исключительное большинство гуляний. В 1877 году, когда шла русско-турецкая война на Балканах, «Тобольское общество, движимое чувством патриотизма, устроило 21 июня народное гулянье в саду у памятника Ермаку в пользу больных и раненых воинов действительной русской армии. Во время гулянья играли три оркестра музыки и пел хор песенников из солдат местного батальона, предложивших свой труд безвозмездно».

Чаще всего гулянья проходили в пользу попечительного общества о бедных и для помощи «недостаточным» учащимся.

2 июня 1886 года у памятника Ермаку «в видах увеличения денежных средств состоящего в ведении Тобольского попечительного о бедных

1 «Сибирский листок», 1898, № 90.

1 «Сибирский листок», 1919, № 42.

2 «Сибирский листок», 1913, № 23.

общества – убежища бедных детей – устроено было народное гулянье...»¹. Оно закончилось полётом воздушного шара, «весьма удачно пущенного из сада и затем скоро исчезнувшего в синеве небесной»².

Обеспеченные слои населения летом очень увлекались речными прогулками по Иртышу. Они тоже чаще всего организовывались, имея в виду не только развлекательные, но и благотворительные цели. Например, 11 мая 1901 года состоялось гулянье на пароходе в пользу Тобольской народной библиотеки. 12 мая 1902-го – в пользу Дома трудолюбия.

4 июня 1908 года состоялась прогулка на пароходе «Виктория» в пользу общества попечения о бедных. «Публики собралась масса; съездив в село Абалак, где на пароход была принесена икона Абалакской Божией Матери, отслужен молебен, и возвратившись оттуда, часть публики пожелала ещё прокатиться в Сузгун. Гуляньем публика осталась очень довольна...»³.

Актом благотворительности являлась организация в Тобольске бесплатных детских площадок для бедных слоёв населения. Впервые детская летняя площадка состоялась в 1913 году в саду Ермака. Дети были заняты с четырех часов дня до семи часов вечера, кроме субботы и воскресенья. Работали с ними две девушки, слушательницы столичных педагогических курсов, которые находились на каникулах в Тобольске. Горожане помогали им деньгами, игрушками, материалами для поделок.

Площадка работала один месяц, каждый день на неё приходило примерно 60 детей. Бесплатная детская площадка функционировала в Тобольске и в 1916 году, в 1917 году их было две.

Несмотря на обилие благотворительных общественных организаций, в Тобольске большая доля помощи приходилась на частную благотворительность. В ней участвовали все слои населения, начиная от губернаторов и архиереев и заканчивая простым людом.

Генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд (1850–1861) пожертвовал 800 рублей личных денег на детский приют при Мариинской женской школе (1858 г.), гражданский губернатор К.Ф. Энгельке (1845–1852) отдал на борьбу с эпидемией холеры (1848 г.) 500 рублей серебром. Митрополит Тобольский и сибирский Иоанн Максимович (Тобольский) (1651–1715) некоторое время содержал на собственные деньги славяно-латинскую духовную школу. Епископ Тобольский и Сибирский Агафангел (1893–1897) пожертвовал 1000 рублей собственных денег в пользу кассы взаимной помощи тобольского духовенства.

Купец 2-й гильдии И.Т. Лукиматушкин (1757–1815) вложил в благотворительность 10 000 рублей. Он построил на собственные средства каменную богадельню на 20 человек и первый год содержал её. На борьбу с холерой 1848 года купец А. Протопопов пожертвовал 300 рублей серебром.

17 мая 1893 года «по инициативе и на средства старшего врача богоугодных заведений И.И. Покровского в отделении умалишённых городской больницы с целью дать душевным больным развлечение и сделать наблюдения был устроен вечер с оркестром музыки. В одну из общих палат больницы, убранную зеленью, к семи часам вечера были собраны все умалишённые, не исключая и буйных; кроме больных, на вечере присутствовали врачи, воспитанницы повивальной школы и несколько

человек избранной публики. Вечером больные в общем остались довольны; впечатление на них получилось различное: большинство буйных присмирело, другие сначала отнеслись к вечеру очень критически, но потом приняли деятельное участие в танцах...»¹.

«Всем миром» строили здания Тобольского губернского музея (1889 г.) и Народной аудитории (1899 г.). О пожертвованиях на строительство музея газета «Сибирский листок» писала: «Давали по силам, были жертвы и в пятьдесят рублей, были и в пятьсот, и в семьсот. Приносили деньги на строительство музея не одни купцы, давал и небогатый чиновник, и скромный учитель. На строительство... не ушло и копейки казённых денег».

О строительстве Народной аудитории она же сообщала: «Богач вносил сотни рублей, бедняк нёс гроши, откладывая их ежемесячно; кто не мог ничего дать, кроме личного труда, тот давал свой личный труд, в чём подавал пример дружно спевшийся кружок местной интеллигенции, устраивавший спектакли в пользу фонда Народной аудитории»². Строительство этого здания – незабываемая память о том, как частная благотворительность переросла в общенародную, общегородскую. Народная аудитория мыслилась прогрессивной тобольской интеллигенции учреждением, основная задача которого – распространение научных знаний для народа; образование, духовное просвещение и культурное его развитие. И народ откликнулся на эту заботу о нём стремлением внести свою лепту в строительство. Это был всеобщий порыв.

Народ нёс свои медяки в качестве пожертвований для пострадавших от пожара и наводнений, давал им кров, одежду, домашнюю утварь. Во время холеры 1848 года жители помогали и «личными заслугами»: выхаживали больных, чистили улицы и канавы, стараясь уничтожить заразу.

Тема благотворительности в Тобольске интересует меня не только как краеведа. С большим удовлетворением я узнала, что мой дед по матери, Григорий Яковлевич Маляревский, занимающий должность директора народных училищ с 1907-го по 1917-й, активно участвовал в благотворительности: был членом местного Красного Креста (с 1911 года), председателем общества трезвости, а в годы войны входил в комиссию по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Не раз в списках жертвователей на благотворительные дела, публикуемых в местной печати, я встречала имя деда и членов его семьи...

Примерно с середины 90-х годов двадцатого столетия в России стали робко всходить новые ростки благотворительности. И у нас в Тобольске появляются люди и даже учреждения, которые «строят» добрые дела: предприниматель посылает ветеранам войны к праздникам небольшие подарки, издатели распространяют бесплатные газеты...

Из учреждений, занимающихся благотворительностью в лучшем смысле этого слова, следует с уважением отметить Общественный фонд «Возрождение Тобольска» под руководством А.Г. Елфимова. Продолжая традиции прошлого, фонд помогает сохранять интеллектуально-духовное и художественно-культурное богатство Тобольска прошлых веков, его архитектуру и природное своеобразие.

Надо надеяться, что в будущем в Тобольске появятся и другие авторитетные благотворительные учреждения.

1 «ТГВ», 1886, № 23.

2 Там же.

3 «Сибирский листок», 1908, № 67.

1 «ТГВ», 1893, № 21, 26 мая.

2 № 72.

НЁМАН

«Нёман» – ежемесячный литературно-художественный и общественно-публицистический журнал Союза писателей Беларуси. В настоящее время входит в холдинг «Літаратура і мастацтва» («Литература и искусство»).

Издаётся в Минске с 1945 года. Преемник альманаха «Советская Отчизна» (1945–1951; в 1945–1946 «Отчизна» выходила с периодичностью раз в два месяца. Тираж в советское время превышал 100 000 экземпляров (1974).

Под рубриками проза, поэзия, публицистика, история, культура, этнография, литературная критика, записки, воспоминания, документы журнал публикует произведения на русском языке. Реализует совместные с российскими изданиями проекты, связанные со строительством Союзного государства России и Беларуси. В 2003 году «Нёман» заключил договор о творческом сотрудничестве с журналом «Наш современник».

Бежать она уже не могла.

Да и куда было бежать, если деревня окружена, если в кустах вдоль речки разрываются в хриплом лае собаки, если всюду стреляют, особенно в той стороне, у Немковского леса, если по земле катится огонь...

Чувствуя, что сил у нее осталось на шаг-другой, не больше, и тогда повалится, зашибет собой дочушку, которая слабо вздрагивает у груди, Ольга обессиленно остановилась посреди улицы.

Пот и слезы застилали глаза. Дышала она тяжело и не могла отдышаться, воздух, сухой и горячий, саднил в горле.

Где-то сзади, совсем близко, выстрелили – показалось, и она почему-то подумала об этом спокойно – возле уха треснула сухая ветка. Тявкнула, глуховато, протяжно и жалобно заскулила собака, похоже, деревенская, дворняжка. Немецкие овчарки яростно лают, готовые разорвать любого – она это не раз видела, знает...

А ноги тем временем подкосились, Ольга стала медленно опускаться на горячий, как свежая зола, песок, закрыла руками горячее личико дочушки, подумала: «Что ж это будет?»

Конечно, она знала, что сделают каратели с женщиной из партизанской зоны, если увидят ее. Они, предчувствуя свою близкую гибель, лютовали как никогда, нет, они не пожалеют Ольгу и ее больную дочушку, совсем обессиленную, застывшую у нее на руках... Вон они, Борки, Подлипые, Коршуки, близлежащие деревни от Ольгиной – лежат в черных еще дымящихся руинах... Вчера их сожгли... Вместе с жителями... А сегодня на рассвете очередь дошла и до ее деревни. Каратели еще вчера вечером окружили ее и, если кто ночью пытался пробраться по ржаному клину за огородами к кустам у реки, его хладнокровно убивали на лужке, отделявшем поле от речки.

Немецкие овчарки не переставая лаяли всю ночь, не иначе как набрасывались на каждого, кто пытался убежать; вспыхивали в небе ракеты.

Ночью Ольга тоже хотела бежать, но так и не смогла успокоить дочушку – та аж заходила в плаче. Лишь под утро, когда стрельба перекинулась в другой конец деревни, к полю, Ольга решилась.

Она выбралась из малинника у забора, в котором пряталась, подхватила на руки Верочку и по ржи кинулась к реке. Рожь вызрела, колосья хлестали ее по рукам, шуршали, зерно насыпалось в обувь и покалывало ступни.

У самого лужка Ольгу обогнал Демьян Коструба, сосед, ветхий дедок, однако еще подвижный, когда-то первый говорун. Он хотел что-то ей крикнуть, но впереди него из густого лозняка грохнул выстрел. Демьян на мгновение застыл с раскрытым ртом, схватился руками за грудь и медленно повалился в рожь, затих.

Упала и Ольга, заслонив собой дочушку, но в нее почему-то не стреляли, наверное, не заметили – она бежала пригнувшись, а может, пожалели, все же женщина с дитем...

Она долго лежала, затаившись во ржи, а из кустов время от времени доносились выстрелы. Ольга понимала, что ей и дочурке не спастись –

на лужке они будут как на ладони, а если и проскочит его, то за речкой до самого леса голое поле, ровное, как стол.

«Пережду тут, – решила она, – неужто это никогда не кончится?..»

Теперь лай овчарок отдалился в другой конец деревни, и Ольга подумала, что каратели отходят по дороге на Бобруйск, перевела дух, малость успокоилась. Верочка уже не кричала, а только время от времени всхлипывала.

Но расслабляться было преждевременно – в носу вдруг защекотало, остро запахло дымом, совсем рядом загудело, словно в печи.

Рожь горит!..

Ольга подняла голову, забыв на миг, что ее могут заметить из кустов и застрелить, содрогнулась от ужаса: по ржи катился вал пламени, оставляя после себя широкую черную полосу пепла. Пепел слегка вихрился, воздух прокалился, клубы дыма ползли вверх, солнце, скользившее сквозь него, казалось раздавленным, как переспелая клюква.

Крепче прижав к груди дочушку, Ольга, пригибаясь, повернула в деревню и, хотя не надеялась найти там спасение, ноги сами несли ее подальше от огня.

Но и в деревне гудел огонь. Горели постройки, горели почти без дыма, ветер гнал пламя из конца в конец, словно разматывал огромный огненный клубок. Пламя ползло по стенам хат, лизало соломенные крыши, заборы, растекалось по скошенной под яблонями траве. Яблоки лопались и обугленные падали на землю...

Ольга опустилась на землю и закрыла руками лицо дочушки. Горячий воздух вновь волной окатил Ольгу, обжег ее всю, особенно руки и, показалось, что у Верочки оборвалось дыхание. И Ольга, едва не теряя сознание, нашла в себе силы набрать полный рот воздуха, подождала, пока он, опалая небо (а может, показалось?), отдаст жар, начала вдыхать его маленькими глотками Верочке.

Девочка вновь встрепенулась, из уголков ее закрытых глаз выкатились слезинки.

Ольга потянулась вытереть их, но не успела – слезы высохли сами...

– Мама, пить...

Ольга, услышав слабый голос дочушки, будто вернулась в прежнее нормальное состояние, прошептала:

– Не плачь, моя ясочка... Не плачь, хорошая... Разве ж я кому тебя отдам?.. Скоро папка наш вернется, скоро... Нету водички, потерпи...

Покачивая Верочку, она сидела посреди улицы, молила Бога, чтобы заснула ее дочушка и, если что случится, чтобы ничего уже не слышала и не видела. Ольга уже перестала верить в свое спасение и словно смирилась с этим, когда думала о себе. Но ее доченька...

А Верочка, убаюканная, затихла, даже зевнула и бессильно опустила худенькие ручки.

Тогда Ольга, продолжая покачивать ее, прошептала:

– Спи, спи, моя ясочка, все минется, пройдет... Теперь уже скоро...

Ольга и сама будто успокоилась, попробовала привстать с земли и на мгновение застыла с широко открытыми глазами: прямо на нее по улице, усыпанной головнями, не спеша шли два немца и полицай.

Полицай она узнала сразу – низкий, сутуловатый, с собакой на поводке. Ридняк из соседней деревни.

Заметив, что она глядит в их сторону, гитлеровцы и Ридняк остановились. Солдат (второй немец был в офицерской форме) заученно сунул

правую руку под ремень винтовки, висевшей у него на плече, поймал приклад, неторопливо начал наводить дуло на Ольгу.

Ольга кинулась было бежать, однако ноги не слушались. Тогда она подумала, что все равно не убежит, не поймают на мушку, так пустят собаку, и та порвет и ее, и дочушку...

В этот миг она вспомнила Петра, как он до войны приходил к ней в Черемомир, когда она еще работала наймишкой у отца этого самого Ридняка, и его, Петра, не трогали хозяйские собаки, хотя каждого чужого готовы были загрызть. Петро говорил тогда, что от собак не нужно убегать, а идти на них смело. Они лают, лают да на том и сядут... «Нет, ни шагу...» – приказала она себе.

Но на нее была наставлена винтовка, Ольга будто почувствовала, как по лбу ползет холодная железная мушка, повернула дочушку лицом к груди...

Она стояла и ждала, а мушка все ползла по ее лбу, казалось, уже впивалась в кожу, пот катился по вискам, по щекам, Ольга никогда еще не ощущала такого горько-соленого привкуса на губах...

Офицер тем временем что-то сказал солдату. Тот равнодушно забросил винтовку за плечо, сделал шаг в сторону. Собака натянула поводок, намотанный на руку Ридняка, вильнула хвостом, тихо заскулила, царапая когтями землю.

– Ком!.. – сказал офицер и поманил Ольгу пальцем, требуя, как она поняла, чтобы подошла.

Медленно, будто во сне, не чувствуя под ногами земли, не видя ничего вокруг, кроме фашистов и Ридняка с собакой, Ольга направилась к ним. Остановилась шагах в пяти, ожидая, что будет дальше. И вдруг расслабилась, снова на мгновение будто забыла, где она и что с нею: рыжая собака, хоть и большая, но дворняга, каких в деревне было полно до войны, совсем не похожая на овчарку, по-прежнему тихо скулила, виляла хвостом, то подымала, то опускала черные уши, натягивала поводок, рвалась к ней. Это же Галус старого Ридняка, у которого она батрачила! Петро, когда приходил к ней на свидание, давал Галусу то кость, то хлеба, чтобы не лаял и не будил хозяина.

Первое, о чем подумала в эту минуту Ольга, – просить сына Ридняка, чтобы заступился, не брал на себя грех за нее и дочушку. Степан, какой он ни есть, пусть себе и полицай, однако же ее знает. Он и на службу до войны ушел вместе с ее Петром, это уже когда гитлеровцы пришли, так он неожиданно в деревне объявился... Люди поговаривали: «Дезертир».

– А Степочка! – подалась она к нему, покачивая дочушку. – Хоть ты за меня слово замолви...

– Замолчи! – рявкнул полицай и от негодования подскочил. – Я тебе покажу – Степочка! Да ты командирка!

Офицер, молодой, может, и двадцати пяти не было ему, пристально глядел на нее, на то, что происходит между нею и полицаем – она никогда не видела таких глаз: холодные, бесцветные, безо всякого проблеска света. Затем, не снимая черных кожаных перчаток, вытащил из кармана белоснежный носовой платок, произнес:

– Почему не убегать?

Ей показалось, спрашивает сочувствуя, и если б она не подошла к ним, а побежала, то запретил бы стрелять по ней, он и сейчас не позволил солдату, и Ридняку не позволит ее обижать.

Едва шевеля пересохшими губами, она проговорила:

– Как же?.. Дитя у меня занемогло... Ножки...
– Большой киндер? – будто удивился офицер.
Она кивнула.
– Поставит, поставит на земля! Шнель!
Офицер аккуратно сложил носовой платок и спрятал его в карман.
Ольга застыла: как поставить?.. Верочка совсем не держится на ногах.
Офицер поглядел на нее, усмехнулся. И в тот же момент, словно дождавшись этой холодной усмешки, к Ольге, как по приказу, подскочил Ридняк. Она близко увидела его желтые, ощеренные зубы, налитые кровью глаза.
– Станови! Пан офицер приказали! Ну!..
– Не трогай! – бросила ему прямо в лицо. – Понял?
Офицер захохотал, зааплодировал, и было понятно кому.
Тогда Ридняк попытался вырвать из ее рук Верочку, но Ольга отстранилась, а он, дернув за уголок платка, стащил его с ее головы, сбил косточки пальцев об увесистую фляжку, висевшую у него на поясе.
По плечам Ольги рассыпались густые черные волосы. Офицер подступил к ней вплотную и кулаком несильно ткнул в подбородок.
– Кто? Юда?
Ольга молчала.
И тогда Ридняк вновь подскочил к ней и часто дыша, будто за ним гнались, залопотал:
– Все равно! Жена командира! Голодранка!
– О! – удивился офицер и посмотрел на Верочку. – Большой киндер?
– Ножки... Застудила я дочушку, всю зиму в беженцах...
Ольга сказала это так, будто себя упрекала в том, что не смогла в заснеженном лесу уберечь дочушку.
– Поставит, поставит, – настаивал офицер. – Я есть доктор.
– Слышишь? – заорал Ридняк. – Пан офицер приказывают!
Заорал и, видимо, полагая, что на этот раз она не посмеет его послушаться, поспешно отступил от нее, оттащивая и собаку на поводке. Ольга попробовала осторожно поставить на землю дочушку, поддерживая ее под мышки. Верочка, когда она ссаживала ее с рук, открыла глаза, заплакала, цепляясь ручками за юбку. Ольга тотчас же подхватила ее на руки, начала успокаивать.
– Мама, пить, – простонала Верочка.
– Тише, моя ясочка, не плачь, хорошая. Видишь, Галус тут, хорошая собачка.
Собака, услышав «Галус», снова заскулила.
А Ольга вспомнила, как она носила три года дитя на руках, ни на минуту не оставляя на кого бы то ни было, носила в беженцах, позже – по лесам, когда нужно было срочно передать партизанам сведения о местном гарнизоне... Не один раз она пряталась с Верочкой от карателей в болотах, она спала с ней, крепко прижав её к груди, она берегла свою ясочку пуще зеницы ока...
Её Петро, который еще до войны, когда она батрачила на Ридняка, каждый вечер прибегал к ней на свидания и с которым они поженились в сороковом году, ушел на службу годом раньше – в тридцать девятом. Служил в Бобруйске, в крепости, был каким-то младшим командиром, и она часто навещалась к нему – благо её деревня была недалеко от города. Петра отпускали из части в увольнительную, и они отправлялись в городской парк. Там играл духовой оркестр, было хорошо. Петро

говорил, что его посылают учиться и, как только присвоят офицерское звание, он заберет её к себе. А когда перед самой войной Ольга призналась, что у них будет ребёнок, Петро, ей показалось, нахмурился. Она тогда обиделась, подумав, что он не рад, а он сказал ей:

– Любимая моя, время беспокойное... Если вдруг что случится со мной, береги и себя, и дитя. А мы, мужчины, свой долг выполним.

Не поняла она его в ту минуту, а беда не заставила себя ждать... Верочка родилась в первый месяц войны. Петро так и не увидел дочку... И вот не уберегла её Ольга, хворает дочушка, не становится на ножки...

– Командир? – словно из-под земли долетело до неё. Ольга будто пробудилась, едва шевельнула сухими губами:

– Не знаю. Он ушел на действительную. Я ничего о нём не знаю.

– Говорит правда? – офицер странно усмехнулся.

Ридняк, похоже, только и выжидал момент, чтобы в который раз наброситься на Ольгу, он аж затанцевал вокруг немцев.

– Командир, командир, пан офицер! Я же в его взводе был. А как вы пришли, да часть в окружение попала, я винтовку ихнюю закинул подальше в болото, поджидал вас в деревне... А её мужик взвод повел дальше, на фронт.

– Я ничего про мужа не знаю, – вымолвила она уже не столько, чтобы оправдать себя, а самой себе.

– А что, Ольга, – зло прищурился на нее Ридняк, – я же знаю, твой Петро тогда искал меня. Ты думаешь, пожалел бы? Нет, не пожалел бы... А теперь ты в моих руках. А?..

Ольга с трудом подняла глаза, поглядела на него. Заметила, как болезненно подёргивается его левая щетинистая щека.

– Жаль, что не нашли они тогда тебя, пса бешеного, – тихо, будто сама себе проговорила она. – Но подожди, скоро твоя веревочка кончится, чуешь ли погибель свою, поскудь?

– Это мы ещё поглядим! – процедил сквозь зубы Ридняк.

– Не корошо, – покачал головой офицер, – не корошо... Я – доктор, ребенок лечит.

Потом он что-то сказал солдату по-немецки, тот пристукнул каблуками, снял с плеча винтовку.

– Пан офицер, – аж затрясся Ридняк. – Советы отняли у меня все, отец от горя сошел в могилу, а вы лечить?..

Офицер вяло указал ему на его место – словно отмахнулся от Ридняка, тот умолк, потянул за собой собаку, ждал, нахохлившись, в сторонке, что будет дальше.

Став полицаем, Ридняк не раз навещался в деревню, не однажды сапогом отбрасывал от себя дверь Ольгиной хаты. Он всегда таскал за собой собаку, может, боялся, чтобы его кто не пристукнул или, когда набирался самогонки, как свинья грязи, чтоб не утащили винтовку.

– Фрау будет работать в Германия, корошо жить... – офицер глядел куда-то мимо Ольги. Куда?

Деревня догорала. Там, где еще несколько часов назад стояли хаты, где зеленели сады, где колосился яровой клин, теперь чернели разворошенные ветром головни да обугленная земля. А может, он смотрел дальше, за испепеленную деревню, в поля, посреди которых вздымались в небо дымы, – там, где еще стояли деревни, не умолкали выстрелы. Может, он жалел, что зря тут теряет время с женщиной, у которой ко всему больной ребёнок, вот там бы он...

Ольга же глядела на них, немцев и полицаю, на собаку, которая, высунувши длинный влажный язык, следила за ней, словно ждала, как раньше, когда же она даст ей хлеба, и сердце её холодело: что это они надумали?

Верочка вновь очнулась и заплакала. Слезы опять покатались из уголков её глаз и теперь уже не высыхали.

А Ольга в который уже раз за минувшие сутки принялась утешать дочушку:

– Не плачь, Верочка. Посмотри, и собачка тут, хорошая собачка... Верочка, открыв глаза, задержала затуманенный взгляд на собаке, слабо потянулась ручкой в её сторону, и едва заметная улыбка тронула ее посиневшие от холода и голода губки.

Видимо, эта слабая детская улыбка отозвалась в Ридняке злой трясушкой, и он саданул каблуком сапога собаку в живот. Собака встрепенулась, сложила уши, взвыла от боли...

– Пан офицер...

Ридняк не договорил. Офицер подошел к Ольге, глядя ей прямо в глаза, сдернул с рук перчатки, неторопливо достал из кармана мундира небольшую пробирку с желтыми таблетками.

Ни о чём не догадываясь, Ольга инстинктивно прижала к себе дочушку, спотыкаясь, сделала несколько шагов назад.

Офицер высыпал себе на ладонь три таблетки, протянул их Ольге. Она резко покачала головой, не взяла.

– Три дня капут! – сказал офицер.

И только теперь до Ольги дошло: он хочет, чтобы она извела со света дочушку.

– Нет! Нет! – закричала она. – Ни за что!.. Нет!!!

– Ошень плёхо, – словно в огорчении сказал офицер и повернулся к Ридняку. Тот мгновенно выпрямился, дернул собаку за поводок. Однако Галус заупрямился, заставил себя тащить по земле – на ней оставались глубокие следы от когтей.

– Слушаю, пан офицер!

– Собака...

– Галус, взять, взять!.. Ну?!

Собака отчаянно заскулила, шерсть вокруг ошейника вздыбилась. Ридняк подскочил к собаке, наматывая на руку поводок, и снова, теперь уже изо всей силы, пнул её в живот тяжёлым, чёрным от гари сапогом. Собака ощерилась, злобно зарычала на хозяина, из пасти показалась пена...

– Звери! – выдохнула Ольга. – Разве ж можно так...

Она видела, как офицер побледнел, нервно расстегнул кобуру, висевшую у него на животе, – в руке блеснула вороненая сталь пистолета.

В первое мгновение Ольга отшатнулась, сжалась, стараясь прикрыть телом дочушку, а когда ощутила у виска острую мушку и ствол, выпрямилась и отпрянула в сторону, едва не упала, наступив на скользкую головню.

– Ну! Драй дня, капут!.. Или мы убьём фрау и киндер!

Клацнули затворы винтовок – солдата и Ридняка. Ей показалось, что вокруг стало тихо, лишь где-то возле уха гудит пчела. В глазах потемнело, и будто сквозь закопченное стекло Ольга увидела пожарища и крохотный коричневый островок обгорелой ржи посреди поля.

– Звери!.. – вновь исторгнули её губы.

В эту минуту ворохнулась на руках Верочка, простонала:

– Мама, пить...

– Терпи, дочушка, терпи...

– Пить она просит!.. – зло выкрикнул Ридняк.

– Вода?

– Так, так, пан офицер.

– Фрау пьёт лекарство сама. Киндер жить, фрау – нет. Мы пустим фрау, идет в лес... Или мы убьёт фрау и киндер. Вода!

Ридняк отстегнул от пояса фляжку, протянул Ольге. Офицер, приставив пистолет теперь уже к личику ребенка, высыпал Ольге на ладонь три таблетки.

Ей показалось, что его палец медленно нажимает курок, ещё мгновение и...

– Нет!.. – закричала она. – Нет! – торопливо бросила таблетки в рот, ощутила жуткую горечь, потом поднесла фляжку к ротику Верочки, наклонила и, чувствуя, как дочушка жадно пьёт, облегченно вздохнула.

«Ничего, у меня еще три дня, – подумала она, даже не допуская мысли, что её могли обмануть, что и её, и Верочку все равно могут убить. – Неужто за эти дни никого не найду?..»

Она бросила пустую фляжку под ноги Ридняку, повернулась и неторопливо пошла прочь. Шла между пепелищ, через горячий чёрный ржаной клин к лознякам. Шла и ничего не видела вокруг, только шептала дочушке: «Скоро папка наш вернется», пока не услышала выстрел там, где остались её враги.

Она вздрогнула, подумала, что промахнулись, потом услышала жалостливый отчаянный визг, обернулась, еще один выстрел долетел оттуда...

Сквозь слезы, теперь они больно застилали глаза, Ольга видела три силуэта, которые покачивались, будто растворялись, исчезали с земли, а посреди улицы катался большой серый клубок.

...К людям она вышла на пятые сутки.

Михась ПОЗДНЯКОВ

Беларусь и Россия

Есть названья извечно святые,
В каждой буковке – искры любви...
Две сестры – Беларусь и Россия,
Две сестры по судьбе и крови.

Обе искренни и синеглазы,
Над обеими – лёт журавлей,
Отражаются ивы и вязы
В чистых водах, что неба синей.

В душах – вольницы вечной стихия,
И от пращуров в них – непокой.
Две сестры – Беларусь и Россия,
Не отделишь одну от другой.

Наступали години лихие...
У пучины на самом краю
Две сестры – Беларусь и Россия
Шли на битву в едином строю.

Мир иной... Но кого ни спроси я,
Эти чувства всё так же остры.
Две страны – Беларусь и Россия,
Две руки... Две любви... Две сестры...

* * *

О, этот взгляд полуживой
Девчухи... Там, в сиротском доме.
В нем, кроме боли ножевой,
Лишь только время на изломе.

У незакрытого окна
Стояла (видел через дверь я)
Старушка юная – она –
С глазами, полными безверья.

А за окном цвела весна,
Чуть слышно музыка играла.
Была надеждами полна
Вся мощь вселенского хорала.

А рядом, как удар под дых,
Вот эта жуткая картина,
Где при родителях живых
Одна... Сиротка-сиротина...

Скрипачка в подземном переходе

Скрипел мороз... И ветер прыткий
Толкал в подземный переход,
А там тревожный голос скрипки
Всё ждал от публики щедрот.

Купюры мелкие... Подачи...
Смешки... Футляр... И, Боже мой! –
Девчушка, юная скрипачка,
У этой стенки ледяной.

Студил колючий холод руки,
Но голос скрипки не слабел.
Рвались торжественные звуки
Под своды, белые, как мел.

Зачем сюда талант загнала
Судьба?... Здесь мать и перемать...
Ей околдовывать бы залы,
Букеты гордо принимать...

Как мне стоять под этим взором,
Где тайна высшая небес?..
Спешу уйти... А вслед с укором! –
Звучит Огинский... Полонез...

* * *

Двух умельцев издавна ценило
Наше молчаливое село.
К одному, счастливое, спешило
Ко второму горюшко вело.

Первый повторял: «Живем – не тужим»,
Гостя поздравляя всякий раз.
А второй печалился, что нужен
Он соседям в самый черный час...

Первый по утрам перед иконой
Всё просил работы, всё молил.
А второй, работой обделенный,
Проклинал ее что было сил.

Оба ладны, оба всё умели,
Оба – будто вестники судьбы.
Только первый ладил колыбели,
А второй выстругивал гробы.

* * *

Звуки вальса Шопена... С поволокою взгляд. «Всё, что было – нетленно!» Мне глаза говорят.	Звуки вальса Шопена В такт сомнениям душ... Почему ж все мгновенно? Почему ж? Почему ж?
Этот жест звонкорукий – В целом мире один. И вливаются звуки Прямо в гемоглобин.	Звуки вальса прощают Всех обманов вино... Нам Шопен возвращает То, что было давно.
Будто вновь за плечами Молодое крыло. То, что было меж нами – Неужели прошло?	Будто всё – неизменно, Будто всё – на века. Звуки вальса Шопена... И любимой рука...

Волчица

Ее случайно обложили –
Собаки вынюхали путь,
Когда измученная, в мыле,
Она пыталась прошмыгнуть...

Три дня голодные волчата
Скулили близко от села.
И вот, отчаяньем объята,
Она к сараю подошла.

Сарай закрыт... Замок висячий...
Беги... Судьбе не прекословь.
Но визг и запах поросячий
Бунтуют голову и кровь.

Туда... Пролезть. Там воздух пряный.
Загрызть... Тащить через овраг.
Полшага... Шаг... Но выстрел грянул
И свора спущена собак.

С ней расправлялись зло и споро –
На шум сбежалось полсела.
Она лежала у забора
И огрызнуться не могла.

Лишь кровью лежбище пометив,
В грядущий обращалась прах...
И мертвый крик: «Ох, дети, дети!..»
Стыл в стекленеющих зрачках.

* * *

Я сто дорог, я сто путей прошел,
Остановился... И на сердце горько.
Сквозь шум дождей, что рушатся на дол,
Мне слышится, что зорька ты, что зорька...

Явилась ты, улыбкою звеня,
И будто сон, меня очаровала –
Кудесница, спасавшая меня
В любой беде... Спасала ты, спасала...

Но зависть появилась на пути
У нашей страсти, впившись прямо в тело.
И горестно, как будто в забытии,
На этот мир смотрела ты, смотрела...

Злой шепоток в житейской суете
Нас обвинял... Толпе все мало, мало...
И ревностью, как будто на кресте,
Любовь мою распяла ты, распяла...

Была весна короткою, как миг...
И все печали разом постигая,
Я мучился, но так и не постиг,
Любовь моя, чужая ль ты, чужая?..

ГЛУХИ

Июль и в Глухах не глухой,
Безоблачный, пахучий.
И пчел извечный непокой,
И вереск – самый лучший.

В колодце, где не видно дна,
Меж недоспелых вишен,
Лицо твое голубизна
На доньшке колышет.

Стоишь под звонким «журавлем»,
Чуть бронзовеют косы.
И взор такой, что тонет в нем
Сосед светловолосый.

Неспешно ведра подняла,
Листва зашелестела.

Чуть улыбнулась – мол, дела,
И не пошла – взлетела.

Не уходи... Постой, постой
На улочке немного.
Паришь над сочною травой,
Ступая легконого.

Тебе пеняют небеса,
Что к парню бессердечна.
Ты в дом уйдешь на полчаса,
А кажется навечно.

О, ожидания часы,
В которых столько смысла...
И только ведра, как весы,
Качает коромысло.

Перевел с белорусского Анатолий АВРУТИН

Наталья СОВЕТНАЯ

ПОДКОП

*Посвящается моим учителям –
детям Великой Отечественной войны*

Первым долгом мама повела меня в школу. После небольшой одноэтажной восьмилетки в Городке минская 172-я показалась мне страшно огромной! Мы долго бродили по этажам, пока отыскивали нужный кабинет, оформили документы.

Первого сентября меня с портфелем, букетом цветов, но уже одну, без мамы, встретило светлое здание, пахнущее краской, звенящее множеством ребячьих голосов. Оглушённое фойе таращилось сверкающе-чистыми окнами на широко распахнутую дверь, через которую втекала в школу бушующая река детворы с белой пеной величественных бантов, белых рубашек, кружевных фартуков, воротничков с манжетами. Среди них колыхались волнами букеты георгинов, астр, ноготков, ромашек.

Эта живая река подхватила меня, внесла в праздничный холл, затем на улицу – вслед за рупором, объявившим линейку на школьном стадионе. Прокатила по ученическим рядам и бросила. Растерявшуюся, потерянную, почти захлебнувшуюся в бурлящем потоке детворы. Я не знала, где мой класс, учительница...

Спрятавшись за спинами старших ребят, долго прислушивалась к гремящему рупору, но так и не разобралась в его разноголосом вещании...

Притихшая река снова ожила, зашумела, подхватила меня, внесла в знакомое фойе и, раздробившись на ручейки, потекла по лестницам, этажам, исчезая в кабинетах. Звонок прозвенел в третий раз. Одна – в длинном опустевшем коридоре.

– Девочка, ты из какого класса? – учительница с тетрадками и журналом показала спасительным парусом в безучастном океане.

– Из четвёртого, – приподняла я букет потрёпанных георгинов.

– Из четвёртого «а», «б», «в»... Какого?

– Не знаю, – крепилась изо всех сил, чтобы не разреветься.

– Новенькая?

Наконец я очутилась в своём четвёртом. Головы ребят дружно повернулись ко мне. Тридцать пар удивлённо-заинтересованных глаз.

– Знакомьтесь, дети, – ровный, тихий голос сеялся теплом и покоем.

Учительница, словно волшебница с золотисто-русой косой, уложенной в причёску на затылке, заморозила меня своей светлой добротой. Свет-ла-на Тимофе-ев-на Сивцова...

* * *

– Света, доченька, попробуй! Ты тоненькая, как ящерка, – заползёшь, а я тебе посвечу лампой, – сдалась Люба после тщетных попыток пролезть под печь.

За хатой, на огороде, она ещё с осени соорудила тайник у куста смородины. Теперь надо копать под печкой, чтобы получился лаз на улицу. С большой лопатой не развернёшься.

Восьмилетняя Светлана по очереди со старшенькой Зиной орудовала скребком, ковыряла острой палкой, гребла землю руками, насыпая на фанерку с верёвкой. Мать пересыпала грунтовую горку в корзину, незаметно выносила в огород, стараясь успеть до сумерек. После наступления темноты покидать дом запрещалось.

День ото дня лаз становился длиннее. Скоро, скоро девочки дойдут до стены. Лишь бы не промахнулись! Свет в земляную нору не проникнет, не проверишь. Копали на ощупь.

Тайник согревал материнскую душу надеждой на спасение детей, если... Нет! Лучше не думать о полициях, провалах, арестах...

Поздно вечером, уложив девочек спать, Люба плотно занавесила окошко одеялом (после девяти свет тоже под запретом), достала из-под груды белья радиоприёмник. Перед войной его принёс муж. Матвей столетничал на «Деревообделочнике» у Комаровки, а с сорокового – там же, но уже на радиозаводе Молотова, в который превратили к октябрьским праздникам лесопильно-мебельный. Оборудование вместе с инженерами из Вильнюса доставили. Матвей же мастерил деревянные корпуса для приёмников – КИМ, «Пионер», «Маршал». Хорошо делал! Поощрили «Пионером»...

Люба вздохнула: где-то сейчас Матвей? Как ушёл по призыву на второй день войны, так ни весточки. Воюет на фронте или попал в окружение, может, партизанит? Взглянула на фотокарточку в рамке, его же руками сотворённой, прошептала: «Жив, жив, мой родненький!».

Вот ведь завод его уцелел. Хоть самолёты с крестами гудели над городом, как громадные шершни! Забрасывали бомбами, жгли огнём... Уцелел... Даже приёмники выпускает Radiofabrik Minsk. Только рабочие завода – за колючей проволокой. Гетто там...

Ласково провела ладонью по гладко-шоколадному корпусу «Пионера». Дерево тёплое, словно живое. Щёлкнула выключателем, прислушалась. Карандаш заплясал между строчками немецкой листовки, которые разбрасывали самолёты, предупреждая, что за каждого убитого солдата великой Германии будет расстреляно десять мирных жителей, за офицера – сто...

Люба торопилась: «20 апреля 1943 года противник предпринял самое мощное наступление против защитников Малой земли. Боевые действия авиации обеих сторон в районе Мысхако достигли наивысшего напряжения. Своими массированными действиями советская авиация сковала наступление противника, заставила вражескую авиацию снизить свою активность...».

Сложила листок, потянулась к выключателю, но рука замерла. Сильный мужской голос залихватски выводил:

*Он из госпиталя ехал,
Побывать зашёл к жене, да к жене.
Показал, показал ей первый орден,
Что на ле... что на левой стороне.*

*А жена его спросила:
Что за подвиг совершил, совершил?
Чем в бою, чем в бою он отличился,
Как награ... как награду заслужил?*

*Он жену покрепче обнял
И ответил не спеша, не спеша:
– У меня, у меня в груди, Анюта,
Скрыта ру... скрыта русская душа.*

*Я ничем не отличился,
Ничего не совершил, не совершил.
Лишь страну, лишь страну мою Россию
Беззаве... беззаветно я любил...*

Разбуженная песней Света прислушалась, выглянула из-за тонкой занавески. Мать, подперев кулаком подбородок, чуть раскачиваясь в такт мелодии, всхлипывала... Мамочка! Девочка сглотнула подкативший к горлу комок, босыми ногами зашлёпала по холодным половицам.

– Мамочка! – обняла Любу тонкими, словно хворостинки, руками. – Ты плачешь?

Женщина торопливо вытерла слёзы, прижала дочь к себе. Из приёмника лилось:

*Обо мне ты не печалься,
Я погибнуть не могу, не могу.
Бережет, бережет от смерти злора
К ненави... к ненавистному врагу...*

«Я погибнуть не могу-у-у...» – повторила-пропела Люба дрожащим голосом.

– И Матвей мой – не может! Слышишь, доченька, вернётся папка домой...

Дождавшись, пока Света, отвернувшись к стене, засопит, ловко замаскировала приёмник в корзине с бельём для стирки, лелея надежду на немецкую брезгливость. Записку с фронтовыми новостями привычно упрятала в кухонный шкафчик, между тарелками. Завтра девочки переписут на чистовик. Надо успеть до встречи со связным из отряда. Обещали передать партизанские новости и бумагу для следующих листовок...

* * *

Люба вытянула из печи большой закопчённый чугунок с кипятком, да так и застыла, держа ухват над деревянным корытом. Как же она забыла крючок на дверь набросить? Не выспалась, поднялась на заре, умаялась, обхаживая печь...

У распахнутой настежь двери – незваные гости. Немец с болезненно слезящимися глазами, двое полицаев. Один юркий, так и шарит зенками по сторонам. Второй молчаливый, в кепке, надвинутой до бровей. Фриц, пообвыкнув к сумраку дома, вяло повёл мутным взглядом по комнате, шмыгнув простуженным носом, двинулся к печке. Припечатал ладони к тёплым кирпичам, зябко поёжился.

От напряжения руки у Любы вздрогнули, крышка на чугуне сдвинулась, металлически взвизгнув. Немец резко вскинул автомат:

– Was?

Юркий полицаи услужливо подлетел к женщине, столкнул горячую крышку. Пар шибанул в дощатый потолок. Сверху, словно крупные под-

солнуховые семечки, посыпались из щелей тараканы. Полицай грязно выругался и, отрясая с себя насекомых, отступил к немцу. Тот хрипло взревел: «Verdammt! Ich hasse sie!» – с перекошенным ртом выскочил во двор.

– Тьфу ты, зараза! – замахнулся на Любу фашистский прихвостень и рванул из дома виниться перед начальством. На ходу приказал напарнику: – Митяй, проверь тут всё!

Тараканы, упавшие в корыто с мокрым бельём, с трудом волооча длинные влажные усы, пытались выбраться наружу. Люба вернула чугунок на загнетку, подхватила занемевшей ладонью двух красно-коричневых усачей, вместе с водой выплеснула в корзину, потом ещё, ещё... Авось не сунутся сюда «господа».

– Никогда не видел пан немец тараканов? – как будто осмелела хозяйка.

Митяй не ответил, сунулся за прикроватную занавеску. Девочки, забившись в угол, испуганно тянули на себя тощее одеяло.

– Чужих в доме нет? – голос спокойный, без угроз.

– Не-е-е, – покрутила Зина растрёпанной спросонья головой.

Света молчала, только глаза таращила. Она узнала этого дядьку! Он из школы. Учитель физкультуры. Дмитрий Мефодьевич... предатель?!

Полицай вернулся на кухню, половицы глухо постанывали под ногами. Открыл шкафчик, загремел посудой. У Любы перехватило дыхание. В следующее мгновение она шумно выплеснула кипяток из чугуна в корыто. Горячим духом снова ударило в потолок.

– Ой! – вскрикнула она, отпрянув к стене. Не столько боялась обжечься паром, сколько хотела отвлечь, увести от шкафчика Митяя.

Учитель обернулся, выпрямился. В его руке Люба заметила листовку... Одними глазами неожиданно приказал: «Молчи!», кивнул в сторону девчонок, предупредительно-укоризненно покачал головой. Оглянулся на входную дверь, вернул листок на прежнее место, с силой захлопнул дверцу. Прошёлся по комнате, откинул шторку на печке, пнул сапогом корзину с бельём... Наклонившись к Любе, чуть слышно шепнул:

– По городу облавы. Операция «Zauberflute»... Отряд СС готовится к карательным экспедициям в Логойске, Плещаницах, Заславле...

В сенях хлопнула дверь.

– Ну что тут, Митяй? – заглядывая в хату, поторопил напарник-полицай.

– Ничего!

Когда голоса во дворе стихли, Люба бессильно сползла на пол. За окном разгоралось весенне-апрельское утро. Солнечный луч скользнул по столу, мягко осветил печку, заблестел в солёной капельке на бледной щеке.

– Девочки, надо лаз докапывать, срочно...

Проснувшись Света от мерного шума за окном: мать чистила двор. На носу месяц май, а зима не сдаётся: пользуясь ночной темнотой, подморозила, забелила внешнюю землю. К полудню, только солнышко пригреет, снег потечёт – слаб он по весне. Зачем мама пустой работой занимается?

Перелезла через спящую Зину, нырнула ногами в старые валенки и – на крыльцо. Под торопливым берёзовым голяком с дорожки исчезали следы. Большие, мужские. Кто-то приходил ночью...

Порыв ветра неожиданно ударил Свету по лицу, замутил утреннюю свежесть запахом гари. Дуло со стороны Кооперативного переулка. Люба перехватила тревожный взгляд дочери.

– Из танка по хате стреляли. Все погибли...

Дома, усадив Светлану напротив, в который раз наставляла:

– Заявятся немцы – прячьтесь под печь! Что бы ни случилось... Голоса не подавайте. Выбирайтесь через лаз и – в деревню, к тётке. Дорогу знаете...

– Нам, мамочка, ещё докопать надо... Чуть-чуть!

...Фашисты колотили в дверь прикладами.

– Где твои выродки? – полицай ворвался в дом, больно пнул Любу в грудь. – Девки твои где?!

Забившись в подпечье, Света не видела, как мать медленно поправила сбившийся с головы платок, спокойно взглянула на свирепеющего полицая:

– Чего кричишь? Не глухая. Ещё с утра ушли. Дала им одежду отцову – на хлеб выменять.

– Ушли? А это мы сейчас проверим! – выслуживался перед хозяевами предатель.

Полетело на пол ватное одеяло, свалился исколотый штыком старый тюфяк, закружился пух из вспоротой подушки, загрохотали сброшенные ведра, перевёрнутое корыто, зазвенела разбитая посуда, вывалился из корзины «Пионер»...

– Радио?! – полицай подхватил приёмник и, злорадно тыча им в лицо Любе, заорал: – Где, где они? Всех на виселицу! – запыхавшись, опустился на колени, заглянул под печь. – Чую, чую, тут отродье твоё! – шипел, шурудил чепелой, поднимая пыль.

Немцы, держа Любу под прицелом, молча наблюдали за обыском. Полицай рванул с плеча винтовку. Женщина окаменела. Господи, спаси, сохрани, помилуй!

Гремучей змеей застрекотала очередь, завизжали пули, взрывая землю, впиваясь в кирпичи. Девочки зажмурились. Света оцепенела. Внезапно навалилась темень. Странная тишина немо зазвенела в ушах...

Пыль оседала медленно, толстым слоем налипала на волосы, ресницы, щекотала в носу. Зина зажала рот рукой, чтобы не выдать себя, но всё равно, не сдержавшись, чихнула. Прижалась к стене, замерла, ожидая выстрелов...

Тихо. Пошевелила занемевшими руками. Подползла к сестре. Прислушиваясь, припала к груди... Живая, живая!

Осторожно обняла:

– Не ранена?

Света протёрла глаза, проморгалась, испуганно приложила палец к губам. Старшая слабо улыбнулась:

– Ушли немцы. Нет никого...

– А мама?

– Никого нет...

В тревожной тишине вдруг загудела, заохала пустая хата. Гул стремительно нарастал. Зашипели, затрещали горящие брёвна...

Девочки, не сговариваясь, ринулись к тайному ходу.

– Ползи первая, копай, а я здесь буду отгребать. Скорей! – подтолкнула Зина сестру.

Света уткнулась в тупик лаза, отчаянно впила руками в стенку. Не чувствуя боли от набившейся под ногти грязи, рыла, рыла... Выгибаясь ящеркой, орудуя ногами, ловко проталкивала землю назад.

– Скорей, Светочка, дымно уже – задохнёмся! – умоляла Зина, заходясь кашлем.

В хате рухнула полыхающая балка, огнём ярко осветило подпечье, шибануло жаром, перехватило дыхание. Девочка метнулась в подкоп...

Весеннее солнце пробивалось сквозь клубы дыма, норовило заглянуть в тайник у смородинового куста. Света жадно вдыхала сырой апрельский воздух, размазывая по чумазым щекам слёзы.

– Зина, очнись! Зина-а-а...

* * *

Светлана Тимофеевна приложила к глазам школьную промокашку:

– Сколько лет прошло, – словно извинилась перед притихшим классом. Открыла книгу. – «Руины стреляют в упор». Знакомо название? Про минских подпольщиков. И о моей маме...

Про книгу я не только знала – читала её. Но чтобы вот так: мама учительницы – в книге? Подпольщица!

Всего год, до переезда с родителями в Мурманск, посчастливилось мне учиться в Минске. А ровный тихий голос Светланы Тимофеевны и ныне отзывается в моей памяти теплом и покоем.

Анатолий АВРУТИН

ТО, ЧТО ПРИЛАГАЕТСЯ К ДОБРУ

ПАРАД 1939 ГОДА

*22 сентября 1939 года в Бресте
состоялось совместное прохождение
немецких частей под командованием
генерала Г. Гудериана и частей
Красной армии, которыми
командовал комбриг Семён
Кривошеин, впоследствии генерал-
лейтенант, Герой Советского Союза.
«Парад» был посвящен передаче
города советской стороне.*

Сентябрьский Брест ликованием овеян,
Немножечко страшен, немножечко пьян.
Трибуна... Нахмурен Семён Кривошеин,
Нахмурен напыщенный Гудериан.

О чём говорят они – так, для порядка?
Жмут руки и вежливо честь отдают...
Ещё они встретятся в танковых схватках,
И очень нескоро победный салют.

Ещё и не знает комбриг Кривошеин
Ближайших сородичей скорой судьбы.
А танки идут... И грозю наваян,
Жжёт ветер осенний наивные лбы.

А немец стоит на трибуне-временке,
И думает, щуря нордический глаз,
Как будут гореть эти русские танки,
Когда он отдаст настоящий приказ...

Когда он пристрелит еврея-комкора,
Посмевшего руку арийцу пожать...
Два года еще до большого позора,
И три – пока немцы покатаются вспять.

Когда будет небо победно и рдяно
На землю стекать, как хмельное вино,
Горящими танками Гудериана
И в полночь беззвездную озарено.

Пока же парад... Воевать ещё рано.
И снова комбриг, понимая обман,
Жмёт руку чванливого Гудериана,
И честь отдаёт ему Гудериан.

Дышится, боженька, путь не кончается.
Тропка к дороженьке – Русь получается.

Мрачная-мрачная, стылая-стылая.
Часто – барачная, но не постылая.

Над закоулками поздно смеркается.
Гулкая-гулкая Русь получается.

Пусть одинокая, но ясноглазая.
Поле широкое... Даль с перелазами.

Вороги бесятся? Пусть им икается.
Где перекрестятся – Русь получается.

С птахою певчею, с песней забытою.
С дверью, доверчиво людям открытою.

Сколько ни мучили, всё не склоняется,
Всё красноречивая Русь получается.

Закричу... Неотзывчивы ныне
Эти дали и эти леса.
Смолкли в сумрачной белой пустыне
Обезумевших птиц голоса.
Но среди поседевшего мрака,
Где ни возгласа и ни огня,
Что-то ухнет... Залает собака...
Может, это хватились меня?

Стылый воздух причудливо горек...
С губ слизнув леденящую белизну,
Через силу взберусь на пригорок –
За пригорком всё та же метель.
Чиркну спичкою... Жалко... Погасла,
Пальцы еле заметно черня.
Всё стою, всё гляжу понапрасну –
Может, где-то хватились меня?

И в молчанье метелицы белой –
Злой предвестницы чёрных разлук,
Всё мне чудится звук оробелый,
Из молчанья родившийся звук.
Он растёт, согревая неволью
На исходе пропащего дня...
Может, это набат колокольный?
Может, это хватились меня?

* * *

*«У всех народов национальность –
имя существительное, и только
русский – прилагательное».*

Из одной публикации

Русский – прилагательное, слышали?
То, что прилагается к добру,
К радуге над мокнущими крышами,
Без которой вздрогну и умру.

Русский – прилагательное... Тихое...
На вопрос отвечает «какой?»
И кружатся аист с аистихою,
И над Храмом лучик золотой.

Русский – прилагательное... Чуткое...
Что не знает каменных палат,
Но всегда соседствует с побудкою,
Если вдруг тревогу протрубят.

Русский – прилагательное... Странности
Всех грамматик мира одолев,
Русские давно привыкли к данности:
Кровь за кровь, но песню – нараспев.

Не дождавшись божьего пришествия,
Не страшась, что ворог зол и лют,
Эти прилагательные шествуют,
Женщин любят, плачут и поют...

Недругам – всегда падеж винительный,
И ломоть последний – для своих.
Ничего не знаю существительней
Этих прилагательных родных.

* * *

На погосте дед Иван и дед Мыкола,
И одна над ними сумрачная высь.
– Погляди, Мыкола, это ж наша школа...
– Краще, Ваню, ти на зіркі подивись...

– Тяжело родным без нас тянуть волынку,
Всё работа... Непогода на дворе.
– Кто из сада приведёт мою Маринку?
– Не сумуй, моя Олеся забере...

– Я бы, брат, в свою последнюю годину,
Если к Богу уходить средь росных трав,
Про себя запел тихонько «Черемшину»...
– Я б «Катюшу» ці «Землянку» заспівав...

– Мне всё видится кровавый день шрапнельный,
Где в одно смешались Родина и Бог.
Нас двоих тогда поранило под Ельней...
– Нас обох тоді поранило, обох...

– Ты волок меня на порванной шинели,
Матерился и кричал мне: «Не вмирай!»
Сам в крови... И пули рядышком свистели...
– Це не рай там був, браточку, це не рай...

– Вновь разрывы... И воронка на поляне...
Сделай что-нибудь! Хоч що-небудь зроби!..
– Дуже добре, що померли ми, Іване –
Я не можу бути ворогом тобі.

– Сам бы встал... Пошёл по скользкому суглинку.
Встал бы между – на последнем рубеже!
Кто из сада заберёт мою Маринку?
– Наших дівчинок, мабуть, немає вже...

– Я за Киев воевал, за Украину,
Ты под Ржевом кровью харкал в ковыли.
Затяну-ка из-под плит я «Черемшину»...
– І «Землянку» затягну я з-під землі...

* * *

Вослед за солнцем года умчали,
Плоды с деревьев опали глухо...
Зато примчали мои печали,
Слова шепнуть для поддержки духа.
А на веранде, в немодной шали,
Неспешно вяжет носки старуха.

Неспешно... Не суетливы спицы.
Слегка движенья морщинят шею.
«Свяжу... Им за зиму не сноситься...
Свяжу... И вскорости заболую...
Спина немеет, не слышит ухо...»
Неспешно вяжет носки старуха.

Жалеет: «Осенью не успела.
Хворала... Были еще тревоги.
Душа и тело тогда болело,
А нынче только душа и ноги...»
А на веранде тепло и сухо.
Неспешно вяжет носки старуха.

Устали пальцы... И в белой саже
Стекло... Снег цедится, как сквозь сито.
Старуха вяжет... Хоть вправду – даже
Носочки некому и носить-то...
В доме она да петух Петруха...
Неспешно вяжет носки старуха.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

– Сколько же можно вертеться? Завтра ведь рано встаём...	Как подновили ограду, Повыдирали сорняк...
– Шарил таблетку от сердца, Слушал дыханье твоё. Ты беспокойно дышала, Даже стонала порой...	Главное – мы с тобой рядом, Нам ведь иначе никак! – Я бы от горя ослепла – Страшно на кладбище спать.
– Снова стянул одеяло... Ласковый... Как молодой... Сам-то похрапывал малость, Резко потом замолчал...	Пепел мешается с пеплом, Вот мы и вместе опять. И никого нам не надо – Влажные звёзды не в счёт.
Боже, как я испугалась – Вдруг ты дышать перестал? Не дозвонишься до «скорой»...	Долго прослужит ограда – Детям не будет хлопот. Мы наперёд их простили, Выпал им жребий иной.
– Брось... Я Всевышним прощён. Дети приедут не скоро – Месяца нету ещё,	Мы над землёю парили, Так полежим под землёй.

Наталия КОСТЮЧЕНКО

ВОЗРАСТ И ВРЕМЯ

*Мы вступаем в различные возрасты
нашей жизни, точно новорождённые,
не имея за плечами никакого опыта,
сколько бы нам ни было лет.*

Ф. Ларошфуко

Меньше года осталось до того юбилейного дня, когда песочные часы жизни спокойно, но безоглядно и неумолимо, равномерной тонкой струйкой убывающего времени отсчитают мои пятьдесят.

Возраст чем-то напоминает несамостоятельное, неопытное дитя, которое с момента своего рождения пытается удержаться за руку ведающей всё на свете матери – времени.

Мать и дитя – время и возраст. На первый взгляд такие родственные, неразрывно связанные друг с другом категории. Но различие между ними не имеет аналогов в сотворённом по неким непостижимым для человеческого сознания законам мире. Подобно заданному маршруту, возраст всегда отмеряется началом и концом. Время же ни начала, ни конца не имеет. Есть лишь замкнутый цикл смены времён года: за летом идет осень, затем зима, за зимою – весна и опять лето. Иллюзия бессмертия... И непрерывного движения по кругу...

Всё ещё отношусь к своему возрасту легко, без страха и сожалений. Может потому, что нередко слышу комплименты? Кто его знает, каким окажется моё восприятие возраста, когда в зеркальном отражении увижу навсегда утратившее свежесть, изрытое старческими морщинами собственное лицо. Что если возраст, словно острое лезвие, полоснёт по моей внезапно протрезвевшей душе? Покажет время.

До сих пор для меня возраст отождествлялся с определёнными способностями воспринимать то, что окружало и с чем я соприкасалась. Каждый возрастной период был неким своеобразным, мало похожим на предыдущий, континентом ощущений и чувств.

В ту блаженную пору, когда я ещё не умела читать и хоть сколько-нибудь рационально мыслить, будто невидимой пуповиной была связана с истинным, не искажённым ни своим, ни чужим знанием, многомерным и многогранным миром. Его краски казались ярче и плотнее, звуки – отчётливее и тоньше, а волнение, вызываемое ими, потрясало душу. Тогда, в детстве, меня окружали не просто небо, деревья и травы, а Небо, Деревья и Травы. Всё имело другое величие, другой масштаб и словно благовествовало о том, что мир существует для меня и, может быть, даже возник ради меня. Я ощущала, улавливала это не умом, не мыслями, а кожей. И исполненная доверия к этому сотворённому для меня миру, не сомневалась: ничто и никогда не сможет омрачить мою радость.

Но когда эта радость при первом же, пусть даже детском испытании, из-за незначительного на сегодняшний взгляд удара вдруг разлетелась на крошечные осколки, я поняла, что мир существует не только для меня одной. Что на земле есть множество других людей. И каждый из них имеет такое же исключительное право на этот мир.

Неожиданным потрясением стало осознание того, что им, людям, по большому счёту нет никакого дела до меня, и растерявшись, я вдруг почувствовала себя одинокой, незначительной и уязвимой. Так, наверное, появляется на свет, словно цыпленок, вылупляющийся из яйца, робкое и неокрепшее, только-только начинающее сомневаться и думать «я», и вместе с ним – «эго».

Тогда, искренне оправдывая и воспринимая как справедливое это своё «эго», я не догадывалась, что придёт время учиться распознавать почти каждый из его многочисленных оттенков и, вывернув изнанку мною же искусно упрятанной от посторонних глаз его порочной сущности, до изнеможения, «до крови» сражаться с ним. И с каждой, пусть даже с самой незначительной победой над своим «эго», вглядываясь в других людей, я больше и больше буду понимать: все мы похожи в главном. И эта похожесть – естественна. Потому что общий «архетипный» опыт коренится в каждом из нас, притом достаточно глубоко. Индивидуальное как бы погружено в него. И такая широко распространённая схема (нет человека, который бы в те или другие моменты жизни не воспринимал мир по ней!): «я» – центр, а по периферии – «они», то есть народ, – сегодня стала для меня неприемлемой. Ведь «я» – это тоже «они». И все мы похоже радуемся в детстве, мечтаем в молодости и печалимся, когда стареем. Пусть простит меня читатель, но смею думать: аналогичное тому, что чувствовала в том или ином возрасте я, где-то в другом уголке земли чувствовал немец, француз или африканец.

Поэтому, описывая пусть незначительные, но особенные, острые по ощущениям ситуации и события, произошедшие со мной может быть где-то в глухой белорусской деревушке, и в помине не знававшей ни одного иностранного гостя, я не сомневаюсь, что тот же немец, француз или африканец поймет меня, вдруг обнаружив что-то созвучное моим чувствам и как будто знакомое в собственной душе.

В детстве мне казалось, что небо над моей любимой деревней с её невысокими хатами простиралось во всю ширь земли. Днём оно было то безоблачным, бледно-голубым, то в причудливо клубящихся облаках. Вечером насыщалось тревожащими душу, сгущающимися красками: от сине-фиолетовых до багровых. Ночью небо становилось таинственным и влекущим, особенно когда на нём проявлялись звёзды.

Бывает, во время бессонницы отчетливо видишь то яркое и невозвратное, что когда-то взволновало и до конца твоей жизни удержится в памяти.

Вот мы с братом и родителями в нашем первом совместном «ночлеге» на днепровской песчаной, поросшей молодыми вербами косе... Папа переправил нас сюда с берега на лодке. Соорудил из лозовых веток шалаш.

Догорал костер. Вчетвером мы лежали рядышком на душистой свежескошенной траве и смотрели в черневшее небо. И те впечатления от звёздного неба во мне ярче и яснее, чем от первого поцелуя, поступления в институт и даже чем от тех минут, когда впервые на самолете взлетела в его бескрайние просторы. Я вспоминаю то ночное небо с гораздо большим волнением, чем многие другие важные события моей жизни.

Тогда я не могла отвести глаз от мерцавших, завораживавших внеземной красотой больших и маленьких звёзд, черкающих темноту метеоритов, пролетающих самолётов, а может быть даже и спутников. Папа тихо, загадочным полупёпотом рассказывал о планетах, непостижимости для нашего познания и бесконечности вселенной, о вечности.

И мне казалось, что я смотрела в космос из колыбели земли. И космос чувствовал меня, безмолвно мигая звёздами. В такие минуты открывается тайна: если в небо смотреть долго, теряешь границу между ним и землёй. Или звёзды опускаются, или ты возвышаешься к ним и втягиваешься, втягиваешься бездонной далью...

О, какое же это было счастье – находиться рядом с самыми близкими тебе людьми и, лёжа под открытым, бесконечным, полным загадок небом, вдыхать запахи трав и реки.

Днепр с его обрывистыми берегами, в которых ласточки делали свои норки-гнезда, с его плёсами, песчаными косами и отмелями, со старицами и заливными лугами был самой красивой, самой главной рекой на земле, потому что он был моей рекой. Мне нравилось смотреть на проплывавшие мимо ракеты, катера и баржи, на стремительно навораживавшуюся, слизывавшую с берегового песка свежие следы волну, на стайки мальков, замиравших в прозрачной воде на прогретой солнцем песчаной отмели. Любила вкус днепровской воды, тогда ещё вполне чистой, которую черпали прямо из реки кепкой или панамкой и тут же, процеживая через свой головной убор, пили. А ещё нравилось, присев на берегу, смотреть вдаль, в ту сторону, куда несла свои воды моя река. К морю. Представляла, как она ширится и набирает силу. И думала, что вот так же будет шириться, устремляясь в будущее, и набирать силу моя жизнь.

Память... В ней всё: и запахи, и звуки... И даже вкус пищи... Случается, что какое-нибудь одно, пусть даже мимолетное, ощущение вдруг возвращает тебя в детство. Причём настолько живо, настолько осязаемо, что воспоминание словно становится реальностью.

Как-то, немного приболев, я заварила полынь и бессмертник. Запах, горечь этого отвара так не нравились в детстве... Бабушка выводила меня в сенцы, протягивала кружку с этим горьким лекарством и уговаривала сделать глоток. Я морщилась, отпивая невкусный отвар. Горечь... Помню то неприятное ощущение... Делала глоток через силу.

Сегодня с волнением вынимаю из полотняного мешочка сухую траву, собранную летом. Заливаю кипятком и с благоговением, трепетом настаиваю. Как пахнет... Родным... Чувствую присутствие бабушки, которой уже больше двадцати лет как нет. Делая глоток... Замираю от ощущений... И нет ничего слаще этого горького напитка.

К сожалению, то, что в детстве волновало меня, – тонкое, слитое с невидимой первоосновой бытия, – постепенно стало угасать. И с возрастом это угасание становилось всё заметнее.

Пришло время, и постучался в мой ещё неискушённый, неопытный мир «эрос», чтобы стать властителем эмоций и страстей, заглушая тихую, нежную мелодию детских чувств. И эти страсти и эмоции требовали душевных сил, всех, без остатка. Серебристый голос детства звучал всё тише и глуше.

И вот теперь, прожив почти полвека, я слышу уже другой голос. Он делает все ровным и почти безэмоциональным. Хотя ещё по привычке восклицаю «как чудесно!» или «прекрасно!», но редко чувствую это чудесное и прекрасное. Новый, зрелый голос быстро гасит редкие всплески радости, не позволяя ожидать от судьбы чуда, как бы благополучно ни складывалась жизнь. Может, в этом мире, сплетённом из всех открытий и достижений человечества, дороже всего маленький бесплотный сгусток детской души?

Я редко снюсь себе в теперешнем возрасте. Мои сны как будто отказываются воспринимать настоящий возраст и застряли в прошлом. Иногда в своих снах я совсем юная и, радуясь, вижу живыми и полными сил своих дедушку и бабушку, а также многих из тех людей, которых больше нет на этом свете. И нередко, как в молодости, волнуясь от переполняющих меня чувств, тороплюсь на одно из своих первых, далёких, которым больше никогда не повториться в реальной жизни, свиданий.

Человеческая жизнь словно вращается вокруг молодости. Молодость – «осевое время» человека. Только в молодости тебе даётся безусловная вера в себя, предощущение значительного, непременно счастливого будущего, скрывающего невероятные, мыслимые и немыслимые возможности. Тайна твоей судьбы пока ещё не раскрыта. Поэтому всё, что впереди, манит и привлекает. И ты чувствуешь свое особое предназначение, избранность.

В детстве я предвкушала молодость, нетерпеливо ждала её прихода (вот вырасту большая!), а сейчас с грустью думаю о ней. И хотя молодость, как принято считать, обладает полнотой сил и возможностей, я с горечью тушу последние угольки её былого, дерзкого и самонадеянного высокомерия.

Впереди – старость. Её приближение остро чувствую, видя, как стареют, теряют физические силы самые дорогие для меня люди – родители. Иногда, мысленно примеряя их старость на себя, боюсь самого страшного – разлуки. Удивляюсь, насколько недавно, чуть ли не вчера, им было столько же лет, как мне сегодня, а теперь еще более короткий, можно сказать, ничтожный промежуток времени отделяет мой возраст от них.

Вот он где, жестокий и необратимый закон ускорения! Уже не тянутся, а всё быстрее пролетают зимы и вёсны. Теперь ты не только обретаешь в этом неудержимом беге жизни, но и теряешь. И с каждой очередной потерей всё чаще задумываешься о смерти. Мысли о ней вызывают щемящую, необъяснимую тоску, некий холод, который сосёт изнутри.

Больше всего боюсь потерять близких. И этот страх, безотчётный, подсознательный, почти всё время со мной... А в те минуты, пусть и редкие, когда он неожиданно становится пронзительным, перед глазами возникают эпизоды из жизни – обыденные, ничем не примечательные, но которые теперь, с возрастом, воспринимаются как главное и самое дорогое. Вот мама, ещё молодая, укладывает перед зеркалом в строгую причёску свои длинные русые волосы... Папа, сидя на диване, при свете бра читает газету. Лицо у него сосредоточенное, чуть нахмуренное, серьёзное. Мне не хочется ему помешать, ведь комната родителей – зал – проходная, и только через неё можно попасть в крошечную прихожую, ванную, кухню. Иду мимо него на цыпочках, тихонько, чуть ли не крадучись, чтобы не отвлекать...

Вспоминается и наша с братом шестиметровая комнатка-спаленка с диванчиком и креслом-кроватью, одноместной раскладной партой, за которой я школьницей готовила уроки, и с двумя книжными полками на стене. Эта маленькая, небогато обставленная квартирка-полупорка до сих пор снится и кажется мне уютнее, чем нынешняя – просторная, с тщательно продуманным интерьером.

Давние, полузабытые эпизоды возникают перед глазами и исчезают быстро, словно в немом кино. И хотя во всплывающих в памяти мгновениях ничего особенного не происходило, они для меня бесценны. И я

люблю до боли, до слёз тех, кто предстаёт в этих мгновенных картинах: маму, отца, брата...

Иногда думаю, до чего же уязвима человеческая жизнь, сколько всего угрожает ей. Её защищает только тонкая нежная кожа да маленький язычок дверного замка. И ещё – оконное стекло. Оно, правда, вообще не защищает. Недаром говорят: хрупкое как стекло... А вокруг – полный опасностей мир. Телевизор посмотришь: где-то наводнение, ураган, цунами, астероиды летают, звёзды взрываются, а там война, террористический акт, кого-то убили... Нет-нет, да и промелькнёт мысль: как хорошо, что не меня, не близких моих. И каким призрачным и неустойчивым покажется вдруг благополучие твоё и твоих родных. Оказывается, смерть всегда наготове, рядом, постоянно дышит в затылок... Только ей одной позволено поставить точку в конце твоего земного пути. И только о ней никогда не хочется думать. Кажется, пока о ней не думаешь, ни с тобой, ни с теми, кого ты любишь, ничего не случится.

Но вот уходит знакомый человек. Не близкий. Его, конечно, очень жаль. И вдруг в подсознании, где-то очень глубоко в тебе вспыхнет и потухнет мысль, даже не мысль, а импульс какой-то, совсем непохожий на сострадание: «Не я!» – «Пока не ты», – соглашается смерть. Однако у чьей-то, пусть даже чужой могилы больше боишься не за себя, а за того, кто дорог.

С каждой утратой и вызванной ею жгучей невыносимой болью стареешь. Да и сами мысли о смерти – первые вестники приближающейся старости. Хотя, наверное, умение быть старым – особое искусство. В старости больше не требуешь от мира того, чего он не может тебе дать, и обретаешь важнейшее из чувств – смирение. Смиряться, становишься ближе к Богу. А в этом, может быть, и есть главный смысл человеческой жизни?

Старость – это постоянная встреча с прошлым, которое уже не мечтает, а взыскивает, спрашивает с тебя, тычет тебе в глаза, в душу твоими ошибками, слабостями, пороками и упущенными возможностями. Старость, может, для того и нужна, чтобы спросить с тебя за молодость. Ты уже не имеешь возможности сказать: я многого достигну, многое сделаю... Всё перед тобой: вот оно, смотри, что ты сделал, чего достиг. Не из-за этого ли мучительного ощущения несостоявшегося так не любят старость?

Кто-то считает старость унижительным состоянием, напрасно отвёрнутым человеку природой отрезком жизни.

А может быть старость – это проверка на мужество? Ты становишься немощным, сужается твое окружение, в какой-то степени начинаешь чувствовать себя одиноким, обезображиваешься и неотвратимо приближаешься к черте, за которой – мрак неведения. Нет у тебя ни красоты, чтобы очаровывать, ни силы, чтобы противостоять.

И всё же, по-видимому, неспроста дан человеку этот сложный, последний, но возможно, самый главный в его жизни период. Время остановиться и время задуматься. Время жатвы и время покаяния. А по большому счёту – момент истины.

Татьяна КУПРИЯНЕЦ

Гадание на ромашках

Мы гадали вчера на ромашках
С Маргаритой, Оксаной и Дашкой.
А сегодня – никак не пойму:
Это мы нагадали... войну?!.

Траков танковых вяжущий скрежет,
То, что косы, взрослея, обрежем,
И У-2 прирученный штурвал
Кто из нас, кто из нас нагадал?!

И взамен лепестковой метели
Чтобы с неба снаряды летели,
Чтобы шли наших женщин ряды
На восток – от беды до беды,

Что Оксанка погибнет мгновенно
От обломков взлетевшей цистерны,
Что у Ритки рванёт бензобак...
Мы гадали на жизнь, как же так?!

Раньше Даша смеялась так звонко!
Ей на брата пришла похоронка...
Ну а я – я терзаюсь виной,
Что обходит беда стороной.

Мы сидим у могильного камня.
Даша просит: «Катюш, погадай мне?
На лету лепесточек слови,
Нагадай мне хоть каплю любви...»

И на все красnozвёздные части,
На ребят – чтоб всегда возвращались –
Мы гадаем.

Лети, лепесток,
Чтобы мир стал чуть меньше жесток!..

Мы гадаем, как сотни таких же
Дашек, Сашек, Наташек, Маришек.
И летят лепестки, взнесены
Выше самой свирепой войны!..

И назло тому страшному лету
Мы все вместе предскажем победу!
Снова косы себе отрастим
И ромашкам завясть не дадим.

Герои не плачут

Говорят, что герои не плачут.
Значит, я никакой не герой.
Только пара слезинок горячих
По щекам торит путь свой сырой.

Полночь. «Шмайсер» трофейный на взводе –
Беспольный, как в этот раз мы.
Не успели. Деревня Забродье.
Пепел с трубами в свете луны.

Трубы-трупы. Печные останки.
Разрывается сердце в груди.
Мне б сейчас с кулаками на танки,
Да не в силах отсюда уйти.

Жизнь пред взором проносится мельком:
На столе – каравай с молоком,
И качает жена колыбельку
С голосистым румяным сынком...

Где теперь ты, сынок голосистый?
Знать, в раю, коли есть этот рай...
Только ведай: ответят фашисты
Нам за каждый сожжённый сарай!

За тебя, за сестрёнок ответят!
Мы свои не сдадим рубежи.
Я хочу поквитаться со смертью –
Ради этого стоит пожить.

Дочка куклу дала на удачу.
Горько горе доверю лишь ей...
Говорят, что герои не плачут...
Плачут Люди. И это важней.

Сколько вас?

Сколько вас?
По полям, по болотам,
В рощах, тихих дубравах,
Под чужим пулемётом
Утонувшие в травах,
Сколько вас?
Развесёлых и хмурых,
Полных жизни размаха,
В чёрный глаз амбразуры
Заглянувших без страха?

Сколько вас?
Сколько спит вас в могилах
По родной Беларуси –
Чьих-то любимых и милых,
Обещавших вернуться –
Сколько вас?
Ветер память взлохматит...
Вы далёко, но близко,
Целой жизни не хватит
Все почтитьobeliski.
Сколько ж вас!..

Ночь на 9 Мая

Опять квартиры запертая клеть.
Опять запрет убогий непреложный:
«Одиннадцать наступит – не шуметь!»
Я пошумлю чуть-чуть... Сегодня можно.

Пускай соседи, выслушав, простят
И злые на меня не стрóчат кляузы.
Гитару обнимаю, как дитя,
И... ненарочно удлиняю паузы...

Давай закурим, друг волховский мой,
В лесу прифронтовом «Смуглянку» вспомним...
Ведь нас сегодня ждёт последний бой!..
Так что ж в словах мы стали экономней?

Так что же мы во время долгих пауз
Всё чаще вытираем слёзы с глаз
И в небо смотрим в предвкушение света?..
Победа... Долгожданная Победа!..

Я через семь десятков мирных лет
Сквозь сердце пропускаю этот свет,
Чуть вырвавшийся из слепого бреда...
Победа, долгожданная Победа!..

Со мной сегодня их седая рать –
Безмолвная, но... слышу, слышу, СЛЫШУ!..
Я буду, забываясь, струны рвать...
Простите все. Я не сумею тише.

Тот, чей бой – оборона

До последнего хрипа, последнего стога...
Век чужого не надо, своё б отстоять.
Побеждает всегда тот, чей бой – оборона,
Кто сражаться готов за последнюю пядь,

Тот, кому к отступленью пути перебиты,
Тот, за чьею спиной крепостных нет валов...
Доблесть этих людей станет лучшей защитой,
Судьбы жён тех людей станут судьбами вдов.

Стойкость этих людей воплотится в граните,
Их дела, что так малы и столь велики.
На минуту пред этим гранитом замрите
И ладонью коснитесь гранитной руки.

Их гранитная кровь в наших плещется жилах,
Города наши с их вырастают могил...
Кто оружие в руки берёт ради мира,
Тот уже победил.

Славянка

Я там была – на том же самом месте.
Я там была – на той же высоте...
Там до сих пор с времён военных светит
Нетканый лучик солнца на звезде.

Там в сорок первом били миномёты,
«Катюши» собирались в Ботсаду...
Там для меня теперь святое что-то,
Когда-нибудь я вновь туда приду.

Приду – и вспомню всё: окопы, танки –
Как будто было это всё со мной.
Я здесь, и я – немного киевлянка.
И этот город – тоже мой родной.

Я плохо помню – было очень знойно –
Спас-на-Крови, Гром-камень, купола.
Но мне запало в душу, как спокойно
Сквозь город Петербург Нева текла.

Текла, как много раньше сквозь блокаду,
Питая город талою водой.
Что говорить? Тогда я не была там...
Но чем так дорог город сей седой?

Мой дед, Дорога жизни. Всё в порядке –
Зенитка, цель – и не жалеть огня!
Наверно, я – немного ленинградка.
И этот город – тоже часть меня.

И, зябко пряча пальцы в рукавички,
Идя по Минску, чувствую, что я –
Брестчанка, волховянка и москвичка –
Везде мой дом, везде душа моя.

Огромный город или простой посёлок –
Везде все те, что вынесли войну.
Я продолженье их, я их потомок
И, как они, с дороги не сверну.

Пускай я не жила в лесных землянках,
Пускай не погибала я в боях,
Во мне – их кровь. Их память. Я – славянка.
И наши города – судьба моя.

Эдуард АНАШКИН НА ЗВЕЗДНЫЙ ЗОВ

*Рецензия на сборник
избранных стихотворений
Владимира Федоровича Шугли
«Закатов поздних собеседник»*

Литература мобилизует в свои ряды людей самой разной профессии. Немало в литературе врачей, самые известные из которых Антон Чехов и Михаил Булгаков. Есть в нашей литературе немало военных – навскидку вспоминаются Лев Толстой и Лермонтов. Есть писатели из дипломатического «сословия» – сразу вспоминаешь Грибоедова. Если о современниках, то в российском Министерстве иностранных дел поэзия не на чужой территории: министр иностранных дел Сергей Лавров пишет стихи, и не он один...

Автор недавно вышедшего сборника избранной лирики Владимир Федорович Шугли не только поэт, но и Почетный Генеральный консул Республики Беларусь в России. И хотя живет он в Тюмени, но корни его в Беларуси. Он член Союза писателей Союзного государства России и Беларуси, член Союза писателей Беларуси, приписан в России к Санкт-Петербургскому отделению Союза писателей России. Читатель знает его творчество по публикациями в российских и белорусских журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Великороссь», «Невский альманах», «Второй Петербург», «Нёман», «Немига литературная», «Полымя», «Берега», «Дон», «Вертикаль», «Приокские зори», «Врата Сибири» и др. Многие стихи Владимира Шугли ушли в народ, став песнями! Он финалист национальной литературной премии «Поэт года», лауреат премии Союза писателей Беларуси (2013 год), Международного конкурса лирико-патриотической поэзии, посвященного 90-летию поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева «Я не мыслю себя без России» (Санкт-Петербург, 2014 год), литературной премии имени народного поэта Беларуси Максима Танка (2017 год) и так далее. Награжден орденом Дружбы Российской Федерации, медалью и орденом Франциска Скорины (Республика Беларусь).

И вот новая книга, вышедшая в 2022 году, «Закатов поздних собеседник», которая по своей стилистике напоминает творчество Лермонтова. Такой вывод делаешь не просто, видя в книге эпиграфы из Лермонтова. Само тяготение автора к небу позволяет говорить о том, что «творческим отцом» Владимира Шугли является именно Лермонтов, веками выходящий один на дорогу и выводящий на эту небесную дорогу, начинающуюся на земле, своих читателей, чтобы отвлечь их немного от нескончаемых земных дел, чтобы подняли взор в небо:

«...Накинув звезд волшебную вуаль, // Душа летит в космическую даль...// оставив бренность жизни позади, // Мечты восходят к Млечному Пути...».

Даже такое вроде бы земное обиходное дело, как тост, у Владимира Шугли обретает статус небесного свойства. Впрочем, если относиться к тостам серьезно, как это, к примеру, делается на Кавказе, то такое отношение языковеды объясняют тем, что тосты являются осколками древних обрядов, существовавших у людей задолго до христианства и мусульманства. Тосты – некие осколки древних молитв. А молитвы всегда, со времен зарожде-

ния человечества, были устремлены к небу. Русское застолье тоже издавна было обрядом, ведь пригласить за стол человека – значило у наших предков оказать ему высшее доверие. Застолье было проверкой на верность, чокаясь чашами так, что напиток переливался из одной чаши в другую, наши предки показывали, что в напитке нет яда. А доверительные застольные беседы носили характер исповеди...

*«Словно русское застолье // Снега вьюжная любовь, // Всюду зимнее при-
волье, // Сосны и рябины кровь. // Слышны ветра переплясы, // Словно
шум хмельных гостей...// Песни леса, вихрей ласки – // Тост небесный для
полей...».*

Творчество Владимира Шугли отмечено важным качеством, о котором кто-то же должен напомнить человечеству, что уж слишком увлеклось прогрессом. Это нечастое качество – осознание себя, человека, не царем, но единокровным сыном природы. Помните, был такой лозунг в советское время: «Мы не можем ждать милости от природы, взять ее – наша задача». Так вот творчество Шугли категорически отвергает этот постулат. Если человек – часть огромной природной «семьи», как он может тянуть одеяло на себя, уничтожая растения, реки, животных, уничтожая все то, что ныне называется «экосистема»? Главное богатство человека, и об этом тоже стихи Владимира Шугли, не зависит от так называемой цивилизации. Что дано человеку свыше, отнять никто не в силах, а только Тот, от кого этот дар. Можно отключить электричество, но нельзя отключить зарю. Можно отменить закон, но рассвет отменить не в силах ни один, даже самый сильный и уважаемый правитель. Эти небесные дары, которые не надо брать у природы силой, мы как-то разучились ценить:

*«Иного не знаю достойней богатства – // Сквозь беды мечтами в зарю
прорываться, // И споря с собою, решая сомнения, // Эпохи и сердца в ней
слышать биенье, // Любовь и надежды записывать в святицы // И с верою в
счастье душой не расстаться. // В слезинках галактик растаять молит-
вой, // Обрати вернуться рассветом разлитым...».*

Лермонтовская устремленность в космические дали поднимает стихи Владимира Шугли над сиюминутным. Поэт говорит о небесном отечестве человека, живущего на земле и, несмотря на плен земного, понимающего, что самые главные ценности не измерить в материальном выражении:

*«Ночные звездные высоты // Зовут... И не дают уснуть. // Космических
глубин щедроты // Зажег, мерцаю, Млечный Путь. // Оставив на земле
тревоги, // Забыв известный гон дневной, // Плывут по сказочной дороге
// Мечты межзвездной ворожкой... //...Отбросив суету, невзгоды, // Забыв
про то, что не вернуть, // По звездам до седьмого пота // Душавычерчи-
вает путь...».*

...Бессловесна суть высокой поэзии, которая стремится к золотой тишине. А жизнь такая громкая, такая насыщенная, постоянно уводит нас в царство слов, которые, конечно, серебро, но сколь часто звучат из лживых лукавых уст! Мы живем в мире новостей, которые меняются с калейдоскопической быстротой. Мы заложники этих новостей! Просыпаясь, сразу стараемся узнать, что нового приключилось в мире, словно бы боясь остаться наедине с тишиной и самими собой. Владимир Шугли призывает нас не бояться ни себя самих, ни тишины, ведь она подобна космической симфонии, а счастье таится в самых простых вещах:

«Какое счастье – вдруг проснуться, // Услышать тиканье часов, // И тишины душой коснуться, // И улететь на звездный зов. // И ждать зарю... И видеть лица // Сквозь свет таинственных миров... // Опять боясь пошевелиться // В небесном пении без слов».

Не хочу, чтобы у читателя сложилось впечатление, что Владимир Шугля – некий отрешенный от земного певец космоса, рыцарь чистого искусства, ведь небо начинается на земле. Увы, от земли современные люди ушли далеко, не только соблазны города, но и экономические причины заставляют глубинную Россию покидать веками обихаживаемые предками земли. Но становясь горожанами, многие с горестью понимают, что они не только осиротили родную глубинку, но и сами стали сиротами:

«Прогнившая крыша... Разбитые стекла у окон. // Поземка гуляет по тропке за брошенным стогом. // В забытом колодце давно уже нету водицы... // И где ж ты, хозяин вот этой забытой землицы? // И где то семейство со стайкой веселых детишек, // И та голубятня, как небо, под солнечной крышей? // Белёсою пылью забытая тропка ярится... // А память, как поезд, все в прошлое, в прошлое мчится. // И вновь возвращается гулко летящим экспрессом, // Где нет пассажиров... Лишь юность с любовью // Да детство».

Или вот еще:

«Вновь и вновь проезжаю я мимо // Вечной стати полей и лесов, // Деревенек, что «сраму не имут», // Прожигających жизнь городов. // Выхожу на перроны вокзалов, // Полустанков встречаю салют, // Жизнь, как будто картины Шагала, // И гротеск, и без днища сосуд. // Разухабисто далями льется // От пиров до похмелья в крови, // Позовет, оттолкнет, засмеется, // Заклячая в объятья свои... // Я в рассветах найду остановку // Там, где аист кружит над жнивьем, // И повешу из сердца подковку // На дорогу, ведущую в дом».

...Война... Вечная тема русской поэзии. И не только со времен «Полтавы» и «Бородино», а еще со времен «Слова о полку Игореве»! Ведь ни одного века не проходило, чтобы не приходилось жизнью отстаивать свое законное право жить на земле предков. О героической судьбе Беларуси во время Второй мировой войны, о героизме белорусских защитников советского отечества не забыть, ведь подвиги их вписаны в историю кровью! Принадлежат к поколению «детей войны», мы не вправе забывать, что благодаря героизму наших отцов мы еще и «дети Победы». Хотя и видели воочию ту страшную цену Победы в судьбах наших отцов, «не стоявших за ценой». «Отцы приходили с войны»... Да, они непременно приходили, возвращались на родную землю. Кто-то сам, кто-то на костылях, а кто-то и похоронками... Но возвращались победителями!

«Отцы приходили с войны, // Спускались, кто выжил, с победных вышин, // И честь, и свободу страны // Спасли от безумия страшных годин. // Отцы приходили с войны, // А в душах – разрывы снарядов и мин. // И с ними рождались и мы // В победном салюте духовных вершин...».

Или:

«Когда я слышу о войне, // Отец в мою приходит память, // Пока я жив – он жив во мне, // Несет надежды и веры знамя. // И будто с ним я наравне // Средь воя мин, среди пожарищ; // Он старший друг – я не во сне – //

И верный мне в беде товарищ... // Одна из пуль летит моя... // «Я жить хочу!» – кричит сознание... // И спас отец – закрыл меня... // Несем мы вместе наше знамя».

Сегодня мы видим опять, как фашиствующие недобитки, потомки предателей и полицаев, испытывают Россию и Беларусь на прочность, сделав заложницей своих крысиных планов братскую нам Украину. Славянское мужество да не оставит наших доблестных воинов, за которых молится вся страна! Читаешь стихотворения Шугли и поневоле понимаешь, что эти стихи не о прошлом, хотя и о прошлом тоже, они о нашем настоящем. О том, как некоторые нелюди пытаются нас заставить думать, что именно они и есть это самое НАСТОЯЩЕЕ. При этом не испытывают никаких угрызений совести от страданий героического Донца, где одна только аллея Ангелов является неискупимой виной нацистской нечисти, обосновавшейся на украинской земле. А ведь помимо аллеи Ангелов сколько крови и преступлений на этих нелюдях!

«Лечу за душою вдогон // В то время, где мир безрассуден, // Где взрывы снарядов... И стон, // И пламя пожаров из судеб. // Я вижу голодных детей, // Горящие храмы и хаты, // Крысиного цвета людей, // Стреляющих из автоматов... // Мелькнуло девчушки лицо // В истошном от ужаса крике. // Начертано ей быть венцом // В сиянии Божьего лица...».

В творчестве Владимира Шугли гражданская лирика сильна прежде всего тем, что поэт не опускается до обвинений современников, тем самым как бы снимая вину с себя, мол, как же допустили такое, такие ВБІ сякие. Подобными обвинениями кого угодно, только не себя, часто грешат авторы так называемых гражданских стихов, тем самым низводя себя из ранга поэтов в категорию стихотворцев. Владимир Шугля начинает обвинение в настроениях отечества с себя самого, покаянность – вот принципиальное сильное отличие его гражданских стихов от множества обвинительных рифмованных текстов, выдаваемых за гражданскую лирику.

«Кричали: «Жаждем перемен...» // И вот уж нет запретных тем. // Но больше прежнего грешим, // Тепло сердец уходит в дым. // И Бог оставлен на потом // В земной погоне за рублем. // Быстрой, быстрее набить суму... // О путь! Без разума во тьму... // Возводим дом, а в нем нет стен, // Бурьян на пашнях, свалок тлен, // Святые – в дым, а в душах – дым // Туманит время злом земным. // А жизнь-то в сущности проста: // В ней детский смех – она чиста».

...Однажды мы непременно возвращаемся в детство – за воспоминаниями, за осознанием ошибок, за силой веры, которой сильно детство, когда мы ощущали мир прекрасным, а себя непобедимыми. Не потому ли мы так любим внучат, что поневоле они напоминают нам о золотом времени детства? В воспоминаниях о детстве мы черпаем силу и, как ни странно – мудрость, ведь устами младенца глаголет истина. А истина проста: живя на земле, поднимать глаза к небу, потому что небо начинается с земли. Об этом нам ненавязчиво, без менторства, доверительно и исповедально напоминает всем своим творчеством Владимир Шугля.

«С годами больше верю я делам, // Сжигая слов давно ненужный хлам, // И дружбы чистой берегу часы // Среди вот этой черной полосы. // В душе храню звучанье вечных грез – // Я с юности его в душе пронес, // В таком же – в ранах – сердце как мое // Течёт с небес земное бытие».

Коротко об авторах

АВРУТИН Анатолий Юрьевич родился и живет в Минске. Окончил БГУ. Автор двадцати четырех поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России, Международной литературной премии им. Марины Цветаевой и многих других. Академик Международной Славянской академии литературы и искусства (Варна, Болгария), главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Указом президента Беларуси награжден орденом Франциска Скорины (2019), а также одноименной медалью (2009). Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в союзе звезд Рака.

АНАШКИН Эдуард Константинович родился в 1946 году в Читинской области. Член Союза писателей России, прозаик и эссеист, литературный критик. Автор книг «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переplet», «Под крылом Пегаса», вышедших в Самаре и Москве. Лауреат Самарской региональной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат Всероссийской премии «Имперская культура». Живет в Самарской области.

АУШЕВА Елена Львовна родилась 25 сентября 1976 года в п. Керос Пермской области. Окончила Алматинский государственный университет по специальности «Филология». Являлась участницей студенческого литературного кружка (руководитель – Жовтис А.Л.). Работала режиссером, редактором телевидения, учителем русского языка и литературы, специалистом отдела кадров. Руководитель городского литературного объединения «Югорские ваганты». Соавтор и преподаватель литературной студии «Почерк». Работает библиотекарем муниципального бюджетного учреждения «Городская централизованная библиотечная система». С 2003 года проживает в г. Ханты-Мансийске.

АХАДОВ Эльдар Алихасович работал чертежником-конструктором в проектно-институте и заочно учился в Азербайджанском институте нефти и химии. В 1978 г. Э. Ахадов поступил в Ленинградский горный институт.

Получив диплом в 1983 году, вернулся в г. Баку и работал техником-маркшейдером, а затем инженером-маркшейдером на подземных работах высокогорья в районе Малого и Большого Кавказских хребтов.

Одновременно с этим печатались стихи и статьи Ахадова в республиканских газетах и журналах, он выступал на радио и телевидении. Осенью 1986 года Эльдар Алихасович переехал в г. Красноярск. Работал старшим маркшейдером, побывал во всех старательских артелях и золотых рудниках Красноярского края и в Ямало-Ненецком автономном округе.

Автор 8 книг, в том числе 3 книг для детей: сказки, азбука в стихах и сказочная азбука о горных минералах. Обладатель Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси» и лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2007).

БАСОВ Геннадий Михайлович (05.11.1950, г. Тюмень). Актёр музыкального театра по образованию (ГМУ при Академии музыки им. Гнесиных, г. Москва) и работе в музыкальных театрах страны. 1984–1995 гг. – диктор, музыкальный редактор, тележурналист (член Союза журналистов РФ), автор и ведущий художественных программ (ВГТРК «Регион-Тюмень», т/к «Ладья»). С 1992 г. работу на телевидении совмещал с образовательной деятельностью в качестве преподавателя специальных дисциплин («Искусство речи», «Основы ораторского и актёрского мастерства») в художественном лицее, в Тюменском государственном институте мировой экономики, управления и права (ТГМЭУП), в Международном институте финансов, управления и бизнеса (ТюмГУ). Работал также редактором газета «ТЕ-АРТ» и медицинской газеты «АРТЕРИЯ».

ВЫЧУГЖАНИН Александр Леонидович. Доктор исторических наук, лауреат премии Союза писателей России «Имперская культура» имени Эдуарда Володина, автор книг по истории банковского дела. Живёт в Тюмени.

ГАБДЕЛЬ Махмут – литературный псевдоним Махмута Абдуллина. Родился в селе Вагай Тюменской области. Окончил Тобольское культпросветучилище и заочно Челябинский институт культуры. В 1970–1973 годах служил в армии. Работал буровиком, плотником, балластировщиком трубопроводов. С 1982 года жил в Надыме, работал корреспондентом многотиражки «Трасса», в городском отделе культуры. Учреждал газету надымских литераторов «Норд-вестник».

Лауреат литературной премии Ямала (2013 г.) и Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка (2021 г.). Издал, в том числе в Москве, около полутора десятков книг художественной прозы и публицистики. Они включены в хрестоматии и учебники литературы, изучаются в школах ЯНАО и Тюменской области – «Антология ямальской литературы», «Литература Тюменского края» (1996), «Хрестоматия тюменских писателей» (2015). Живёт в Казани.

ГУЛЬТЯЕВА Ольга Николаевна родилась в г. Новосибирске, окончила Новосибирский электротехнический институт (ныне Новосибирский технический университет). Работала конструктором на Ишимском машиностроительном заводе, ассистентом, затем старшим преподавателем кафедры общетехнических дисциплин в Ишимском педагогическом институте им. П.П. Ершова. Публиковалась в коллективных сборниках, в 2012 г. опубликован авторский сборник «Мне осень счастье обещала». В сентябре 2014 г. вышел второй авторский сборник «Крылья». В 2015 г. защитила магистерскую диссертацию.

В январе 2017 г. вышел третий авторский сборник «Осенизмы». Награждена медалью «Николай Рубцов» (2018). Член Союза писателей России с 2017 года. Живет в г. Ишиме Тюменской области.

ДЕНИСОВ Николай Васильевич (1943–2016). Советский и российский прозаик, поэт, публицист. Родился в селе Окунево Бердюжского района Тюменской области в семье крестьянина. В 1971 году заочно окончил Литературный институт им. М. Горького, член Союза писателей СССР, а затем России. Девять лет возглавлял Тюменскую областную организацию СП России. Автор 8 книг прозы и 10 сборников стихов и поэм.

Лауреат литературных премий: Тюменского комсомола им. П.П. Ершова за сборник стихов «Снега Самотлора»; Всероссийской им. Д.Н. Мамина-Сибиряка; Всероссийской им. Н.А. Некрасова; премии журнала «Наш современник».

Почетный гражданин Бердюжского района Тюменской области.

ДОНБАЙ Сергей Лаврентьевич родился 22 сентября 1942 года в городе Кемерово. Автор четырнадцати книг стихотворений, вышедших в Кемерово, Москве, Красноярске. Публиковался в литературных журналах «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Москва», «Всероссийский соборъ», «Сибирь», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Начало века», «Врата Сибири», «Алтай», «Барнаул», «Родная Ладога», «Бийский вестник», «Сибирячок», «Литературный меридиан», «Подъём», «Форум», «Роман-журнал XXI век», «Север», «Родная Кубань», «Образ», «Юность», «Петровский мост», «Русское эхо», «Литературная Феодосия». Лауреат литературных премий им. В.Д. Фёдорова, святого благоверного великого князя Александра Невского, «Белуха», Николая Клюева, Виктора Баянова и др. Заслуженный работник культуры России, имеет Почётную грамоту Президента России. Секретарь и член приёмной коллегии Союза писателей России, главный редактор журнала «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерово.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Иванович (1958–2020) родился в с. Суерка Упоровского района Тюменской области). Поэт, критик, публицист. В 1980 году окончил Тюменский государственный университет. Служил в армии. Работал учителем военного дела, русского языка и литературы. С 2001 по 2007 г. – литературный консультант отделения Союза писателей. С 2002 по 2014 г. – ответственный секретарь альманаха «Врата Сибири».

Первая книга стихов «Поколение покоя» (три автора: В. Белов, В. Захарченко, С. Комаров) издана в Тюмени в 1996 году. Автор поэтических сборников «Русская душа», «Сны возвращения». Член Союза писателей России с 1997 года. Имя Виктора Захарченко присвоено Суерской сельской библиотеке.

ЗЫРЯНОВ Алексей Викторович родился 22 ноября 1985 года. Окончил Тюменский торгово-экономический техникум по специальности «менеджер». Публикации в газетах «Литературная Россия» и «Московский железнодорожник», литературном ежегоднике «Молодой Санкт-Петербург», в журналах «Мь» (Москва), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «Врата Сибири» (Тюмень), «Аконит» (Новосибирск), «Иерусалимский журнал» (Израиль), «Русский Ренессанс» (Германия). Призёр литературной премии им. Ольги Бешенковской (Германия) в номинации «Публицистика, критика». Работает литературным модератором сайта «ЛитБук». Живёт в Тюмени.

КОЗЛОВ Сергей Анатольевич родился в Тюмени, но родители вскоре переехали в Тобольск. В 15 лет окончил художественную школу, в десятом классе был иллюстратором школьного сборника стихов, куда также вошли и его стихи. В студенческие годы начал обучаться игре на гитаре и пению. Позже овладел другими музыкальными инструментами, среди которых гусли, жалейка, варган, калimba, кахон, тарка, на которых Сергей не только играет, но и коллекционирует их.

После окончания медицинской академии работал в Тобольском районе. Работа в Заболотье – это вылеты на вертолётах на экстренные случаи, удивительная природа, рождение графических зарисовок и даже изучение сибирско-татарского языка – все это внесло свои незабываемые впечатления в развитие творческого потенциала.

Сегодня Сергей Козлов – признанный чайный мастер города Тобольска. Сергей стал увлекаться темой чая в 2011 году и открыл в Тобольске клуб чайных традиций «Чайный шатёр».

КОНДАУРОВ Анатолий Алексеевич родился в 1941 году в селе Чистоозерное Новосибирской области. Жил в Новосибирске, Средней Азии, Красноярском крае. По образованию юрист. Служил в уголовном розыске, начальником Пуровского и Тобольского ОВД Тюменской области. Далее – адвокатура. Затем 17 лет был штатным охотником-промысловиком, живя в глухой тайге (лицензированное одиночество). Попутно стал палеонтологом (имеет лично собранную коллекцию палеонтологического материала мамонтовой фауны, насчитывающую более 500 экземпляров) и фотографом (три персональные фотовыставки). Анатолий Кондауров – автор нескольких книг «охотничьей» прозы, готовится к изданию и поэтический сборник. Живет в г. Тобольске.

КОРОБЕЙНИКОВ Виктор Семенович в 1957 году окончил Свердловский сельскохозяйственный институт. Трудовую деятельность начал в Ялуторовском районе. В 1961 году переехал в Тюмень.

Работал главным инженером Тюменского областного объединения совхозов, на руководящих должностях в Тюменском управлении сельского хозяйства. Заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР. Лауреат областной премии им. В.И. Муравленко (2012).

Автор сборников стихотворений «Самое великое наследство» (Тюмень, 1995), «Осенний ветер» (Шадринск, 1998), сборников прозы «Необратимость судьбы» (Тюмень, 2002), «Испытание властью» (Шадринск, 2006), документальной повести «Слепящий свет Красной звезды», романа «Символ надежды» (Тюмень, 2018). Награжден двумя орденами и медалями. Член Союза писателей России с 2004 года. Живет в Тюмени.

КОСТЮЧЕНКО Наталия Николаевна родилась в 1963 году в деревне Старая Иолча Брагинского района Гомельской области. Окончила лесохозяйственный факультет Белорусского технологического института им. Кирова. Прозаик, публицист. Лауреат Республиканского литературного конкурса «Лучшее произведение года» (2011), VIII Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (2017), литературной премии имени народного писателя Беларуси Ивана Шамякина (2018). Отличник печати Беларуси. Лауреат общественной премии Союзного государства. Награждена медалью Франциска Скорины. Главный редактор журнала «Нёман». Живет в Минске.

КУПРИЯНЕЦ Татьяна Александровна родилась 26 июля 1993 г. в Минске, в 2010 году там же окончила среднюю школу № 43, в 2015-м – физический факультет Белорусского государственного университета.

В 2015 году вышел сборник стихов «Отзвуки памяти». С 2016 года – член Союза писателей Беларуси. Участник университетского клуба

любителей художественного слова «КЛУМБа», с 2021 года – главный редактор студенческого литературного альманаха БГУ «аБДУмана».

Лауреат ряда городских, республиканских и международных литературных конкурсов, в том числе победитель Республиканского конкурса молодых поэтов Беларуси – 2015 в номинации «Что помнит мир спасённый?» (1 место), международного конкурса «Русская речь» в номинации «Поэзия» (1 место). Лауреат ряда литературных премий, в том числе дважды лауреат премии министра обороны Республики Беларусь в области литературы и искусства. Публиковалась в журналах и коллективных сборниках поэзии.

С 2022 г. – активный участник историко-патриотического общественного объединения «Будем помнить». Основные темы творчества – Великая Отечественная война.

КУШНАРЁВ Владимир Александрович – журналист и писатель. Родной город – Заводоуковск, любит его историю и людей. Окончил филфак ТюмГУ, член Союза журналистов России. Считает, что поэзия – язык чувств и эмоций. Это дар, требующий, словно сад, непрерывного возделывания. С юности по завету мамы старается в каждом видеть доброе и светлое.

ЛОМАКИН Станислав Константинович родился в 1941 году в селе Кыштовка Новосибирской области. После седьмого класса окончил училище механизации сельского хозяйства, работал механизатором. Учился в лётном училище. В 1966 году окончил Томский государственный университет. Более сорока лет преподавал в вузах Тюмени. Литературным творчеством занимается с 1965 года, его рассказы печатались в журнале «Уральский следопыт», в местной периодике. Автор нескольких книг и многих научных работ по истории философии, краеведению. Член Союза писателей России с 1997 года. Живёт в Тюмени.

МАКСИМОВ Евгений Александрович родился в 1976 г. в г. Тюмени. Сразу после рождения жил в Сургуте. В 1993–1998 гг. во время учёбы в Тобольском педагогическом институте входил в состав ЛитО «Конёк-Горбунок». В 1995–1996 гг. печатался в коллективной подборке ЛитО в газете «Тобольская правда».

По образованию учитель истории, кандидат исторических наук.

С 2007–2008 гг. – в составе ЛитО «Северный огонёк» (г. Сургут). Публиковался в его коллективных сборниках в 2008, 2020, 2021 гг., а также в сборнике поэтов СурГУ «Час поэзии» (2005), газете «Сургутская трибуна» (г. Сургут), литературно-краеведческом альманахе «Поэзия земли Тюменской» (2021–2022 гг.) В августе 2021 г. размещена подборка стихов в сетевой версии литературно-исторического журнала «Великороссь» № 148 (г. Москва).

Живёт и работает в Сургуте.

МАЛЬЦЕВ Ярослав Владимирович (1985) – философ, историк, поэт, преподаватель средней и высшей школы. Автор двух сборников стихотворений. Лауреат литературного конкурса «Легкое перо – 2017» (г. Тюмень). Печатался в газете «Тюменская правда в четверг», литературно-художественном журнале «Врата Сибири». Кандидат исторических наук. Живет в Тюмени.

МУРЗИН Валерий Николаевич. Боевой офицер-пограничник в запасе. Занимается общественной деятельностью, военно-патриотическим воспитанием молодого поколения. Автор книг о пограничниках. Член Союза писателей России. Живет в Тюмени.

НЕЧВОЛОДА Ольга Петровна, вдова известного поэта Владимира Нечволоды. Родилась в Ишиме, работала в областном комитете по телевидению и радио, в информационном агентстве администрации Тюменской области.

ОМЕЛЬЧУК Анатолий Константинович родился 27 февраля 1946 г. в п. Могочино Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета. До 1987 г. – радиорепортёр «Ямалрадио» в г. Салехарде. 33 года (до 2019 г.) возглавлял Тюменское областное телевидение – президент телерадиокомпании «Регион-Тюмень». Автор около 200 документальных телефильмов о Ямале, Югре, Сибири, Севере и Арктике. Лучшие из них изданы в формате фильм-бук «Сибирская сага – 77». Первая книга «Салехард» издана в Свердловске в 1978 г. Средне-Уральское книжное издательство выпустило книги документальной прозы «Зов Арктики», «Рыцари Севера», «К неведомым вершинам», «Солёная Арктика». В Союз писателей СССР его приняли в 1990 г.

Переводился на английский, французский, испанский, немецкий, китайский, хантыйский и ненецкий языки. В формате флеш-бук издана электронная книга-библиотека «Книга Сибири», в которую вошло 50 написанных им книг. Заслуженный работник культуры РФ, Почетный гражданин Тюменской области, Почетный нефтяник, награжден орденом Дружбы. Литературные премии П. Ершова, П. Бажова, В. Маяковского, Д. Мамина-Сибиряка, И. Ермакова, В. Шишкова, «Слово», литпремия губернатора Ямала, «Югра», орден «Звезда Достоевского». Живёт в Тюмени.

ОРЛОВ Александр Владимирович родился в 1975 году в Москве. Поэт, прозаик, историк. Окончил Московское медицинское училище № 1 имени И.П. Павлова, Литературный институт имени А.М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем в столичной школе № 1861. Автор шести стихотворных книг и трёх книг малой прозы. Публиковался в различных журналах и альманахах.

Лауреат Всероссийских премий имени А.П. Платонова (2011), Ф.Н. Глинки (2012), С.С. Бехтеева (2014), Н.С. Лескова (2019), Д.Н. Мамина-Сибиряка (2020), Живет в Москве.

ПОВОЛЯЕВ Валерий Дмитриевич – советский и российский писатель. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат Государственной премии Российской Федерации.

Окончил художественный факультет Московского текстильного института и сценарный факультет ВГИКа. Избирался секретарём правления Союза писателей России, председателем Литфонда России, работал гл. редактором журналов «Земля и небо» и «Русский путешественник». Ныне председатель Московского пресс-клуба (ЦДРИ), председатель Федерации спортивной литературы России. Автор более ста книг, в том числе серии романов о лидерах белого движения, трёхтомника о Рихар-

де Зорге, о Григории Распутине «Царский угодник». Ряд книг переведен на английский, немецкий, французский, арабский, датский, казахский, украинский, азербайджанский и др. языки.

ПОЗДНЯКОВ Михаил Павлович – поэт, прозаик, переводчик, критик, исследователь литературы. Родился 24 января 1951 г. в д. Забродье Быховского района Могилевской области в крестьянской семье.

Окончил филологический факультет Белгородского университета. Был первым директором литературного музея Максима Богдановича (1981–1984). Работал главным редактором издательства «Юнацтва» («Юность»), главным редактором сатирического журнала «Вожык» («Ёж»), заместителем и главным редактором журнала «Нёман», заместителем директора редакционно-издательского учреждения «Литература и искусство». Параллельно с 2005 года – бессменный председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. Автор свыше ста книг на белорусском и русском языках для юных и взрослых читателей. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси, республиканских литературных премий имени Петруся Бровки, Янки Мавра, Министерства обороны Республики Беларусь, Федерации профсоюзов Беларуси, трех премий республиканского литературного конкурса на лучшую книгу года «Золотой Купидон», многих международных литературных премий, в том числе имени Виталия Бианки, Марка Твена, Франческо Петрарки, Генриха Бёля и др. Имеет правительственные награды.

Живет в Минске.

ПОПОВА Елена Александровна родилась в городе Сочи Краснодарского края. На Крайнем Севере проживала с 1980 по 2012 г. в п. Пангоды, г. Надыме. Член ЛО «Надым» с 2000 г. Позже переехала в г. Тюмень, а в 2014 г. вернулась на родину. Печаталась в многочисленных периодических изданиях, альманахах, сборниках. В 2019 г. вошла в топ-10 лучших поэтов Черноморского побережья.

По образованию юрист (МГСУ, 2015 г.), по специальности – музыкальный руководитель: более 15 лет преподаёт музыку дошкольникам.

РАДАЕВА Светлана Андреевна окончила Ишимский пединститут им. П.П. Ершова, занимается литературным творчеством для детей, автор нескольких книг сказок. Была победителем областного конкурса молодых авторов, участником семинара молодых писателей в Каменске-Уральском, стала дипломантом Международного конкурса творчества для детей и подростков им. П.П. Ершова. Живет в Ишиме.

РЯБИЙ Михаил Михайлович родился 22 ноября 1954 года в городе Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края. Окончил филологический факультет Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического института (1976). Кандидат филологических наук (1993). Автор более 160 публикаций, статей о творчестве писателей, книг по литературоведению и критике. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийских литературных премий в номинации «Литературоведение». Награждён почётным знаком и медалью «За заслуги перед малочисленными народами». Работает преподавателем в Николо-Сольбинском монастыре.

САЛАМАХА Владимир Петрович родился в 1949 году в деревне Бересневка Кировского района Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Прозаик, критик, публицист, эссеист, лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Читателям России известен по публикации ряда повестей в журнале «Наш современник» (г. Москва). Живет в Минске.

СВЯЖЕНИНА Нина Дмитриевна. Известный тюменский журналист. В своё время подавала большие надежды как поэт, была участником семинара молодых авторов, ей прочил большое будущее князь сибирской литературы, писатель Иван Ермаков, но повседневность жизни распорядилась иначе. Предпочтение было отдано не литературе, а журналистике, хотя издавались и поэтические сборники. Известна читателям Приишимья по книгам «Матушкин хлеб», «Земля надежд», «Женщины. Энергия созидания», «Культура тюменского села», «Сельская школа – надежда России», «Здесь начинается Родина» и др. Живёт в Казанском районе Тюменской области.

СОЛОДОВА Татьяна Ильинична, писатель-краевед, автор книг, основатель серии «Жизнь замечательных людей Тобольска» (ЖЗЛТ). Неоднократный лауреат регионального конкурса «Книга года». Награждена медалью 2-й степени «За вклад в развитие генеалогии и прочих специальных исторических дисциплин» и медалью «Н. Рубцов» за значительный вклад в развитие краеведения Сибири, литературно-краеведческие труды, развивающие в назидание потомству глубокое чувство патриотизма. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (Московское отделение). Член Союза писателей России. Живёт в Тобольске.

ТОЛСТИКОВ Николай Александрович родился в 1958 году. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького, работал в газетах. Окончил духовную семинарию, принял духовный сан, ныне он – священнослужитель храма святителя Николая во Владычной слободе города Вологды. Член Союза писателей России. Рассказы и повести отца Николая публиковались во многих российских и зарубежных журналах. Автор книг «Пожинатели плодов», «Без креста», «Лазарева суббота», «Приходские повести». Награждён медалью «Василий Шукшин», учрежденной Союзом писателей России. Член Союза писателей России. Победитель 3-го Филофеевского конкурса духовно-нравственной литературы. Как признанный прозаик работал в жюри многих престижных международных и всероссийских литературных конкурсов.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ

АЛЬМАНАХ

На вклейках:

работы из мастерских художников и частных собраний Санкт-Петербурга.

На обложке:

В.В. Прошкин. «Цветущие клены. Петровский остров»,
2012, холст, масло, 50x50. Из собрания художника, Санкт-Петербург

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу –
Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издается при финансовой поддержке Правительства Тюменской области.
Выходит два раза в год. Издается с 1999 года.

Адрес редакции:
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
тел./факс: (3452) 49-00-18
e-mail: ivanovlk@yandex.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, оф. 410
Директор-главный редактор Шестаков Сергей Александрович
тел. (3452) 49-00-18, e-mail: editor@tumentoday.ru

Подписано в печать 14.05.2022 г.
Дата выхода номера в свет 14.06.2022 г.
Формат 70x1081/16 Бумага ВХИ.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 1044. Цена свободная.
Журнал отпечатан в типографии АО «ИИЦ «Красное знамя».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Верстка номера: Дерябин Сергей Александрович.
Корректор: Рыжкова Елена Александровна.

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а. л., поэзия – 5 а. л., публицистика – 3 а. л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.